

РАДОСТЬ — ЗАПОВЕДЬ ОТ Б-ГА

Жил царь, у которого было все, чего ни пожелаешь, – только радости не было. И царь все время грустил. Раз позвал он мудреца и спрашивает: «Где радость достать?» Подумав, сказал мудрец: «Найди счастливого человека, по-настоящему счастливого, надень его рубашку, и к тебе придет радость». Разослал царь придворных по градам и весям – счастливого человека искать. И вот те раз! Никто из встреченных гонцами не был счастлив полностью: каждый чему-то радовался, а от чего-то печалился. Наконец, в одном городе услышали придворные, что на окраине, в избушке живет дровосек, и счастья у него через край. Примчались на окраину, видят – человек, голый по пояс, рубит дрова, и лицо у него лучится великой радостью! «Ты счастлив?» – спрашивают. «Счастлив», – отвечает человек. «В самом деле счастлив?» – «В самом деле». – «Целиком и полностью?» – «Целиком и полностью!» Обрадовались придворные: «Тебя-то нам и надо! Проси, что хочешь, – дворец, золото, сокровища любви! Только подари свою рубашку нашему царю, чтобы вылечить его от грусти!» – «Да я ее и даром бы отдал, – усмехается парень, – только вот беда – нет у меня рубашки...»

Одна из важнейших заповедей Торы гласит: «Служите Б-гу с радостью». Наши мудрецы истолковывают ее так: мало просто служить Б-гу, надо радоваться служению. Многие беды постигли евреев из-за того, что пренебрегли они именно этой заповедью. И к тем, кто пренебрег, обращены слова Святой книги, в которых явственно слышится укор: «Не служил ты Г-споду, Б-гу твоему с радостью и с добрым сердцем». Создатели хасидизма говорили: «В Торе не сказано, что печалиться преступно, что грусть – нарушение заповеди. Но нет большей помехи для искреннего служения Б-гу, нежели печаль в сердце».

Допустим, с печалью все более или менее ясно: все знают, что она такое, знают, что ничего хорошего в ней нет. С радостью сложнее. Ведь для каждого человека радость – это что-то свое, особое. Одному радость приносят деньги, другому – продвижение по службе, третьему – уважение близких и друзей... То, что радует тебя, совсем не обязательно обрадует твоего ближнего. Что же должно ощущать в душе, чтобы выполнить заповедь «Служите Б-гу с радостью»?

В обычном, бытовом представлении радость есть нечто, привходящее извне. Самый простой пример – богатство. Вещь материальная так и остается вне человека. Или возьмем другой источник радости, духовный. Скажем, уважение – это то, что испытывают к нам люди, и оно опять же существует вне нас. Иными словами, когда появляется что-то хорошее в реальной жизни человека, ему радостно; нет этого – он тоскует.

Такая радость порождает серьезную проблему: к хорошему вовне привыкаешь, его нужно все больше и больше. Даже столь благородный источник радости, как учение, постижение наук, искусств оборачивается постоянной погоней за знаниями. А, как известно, «умножающий знание умножает печали». Даже самая большая радость – любовь в семье, в конце концов приедается, если существует лишь на уровне быта и материального благополучия.

Кроме того, все эти «внешние» вещи имеют непривлекательное свойство – обретать власть над человеком, который воспринимает их как первопричину душевного веселья. «Если у тебя нет жены – тебе не с чего радоваться». «Если у тебя нет престижной работы – какая уж тут радость». «Если у тебя нет иномарки – это вообще не жизнь»... и т.д. В семье, например, супруги, изначально ждущие только радости друг от друга, своего рода «подарков извне», требуют все больших и больших подтверждений любви, пока не охладят друг к другу совершенно. И тут уже не исключен развод.

Еще хуже положение человека, который, чтобы понять смысл слова «радость», всматривается в чужую жизнь. Вот сосед построил новый дом и ходит довольный; значит, пока у меня не будет дома лучше соседского, радости мне не видать, как своих ушей. По сути, такие люди не хотят просто стать счастливыми – им необходимо непременно быть счастливее других. В результате, радости они не знают вообще: всегда найдется человек, у которого есть нечто такое, чего наш угрюмец до сих пор не заполучил...

Наконец, многие люди полагают, будто радость связана с надеждой на лучшее. «Вот выйду замуж, тогда буду счастлива», – думает девушка. «Вот купим отдельную квартиру, тут-то и начнется счастье», – мечтают молодожены. «Вот съезжу в круиз...» «Вот стану начальником...» «Вот покажут меня по телевизору...» Есть даже печально известный термин – «счастливое завтра». Если вся жизнь – надежда на «завтра», никогда не будет счастливого «сегодня»: одна бесконечная погоня за призраками.

Но коль скоро любая радость, даруемая «внешним» бытием, преходяща, то что же такое радость, которая с нами всегда и которая позволяет выполнить заповедь «Служи Б-гу с радостью»? Мишна отвечает на этот вопрос так: «Кто богат? Тот, кто радуется участи своей». То есть радость – это сознание, что ты делаешь именно то, что должен делать. Каждому из нас Создатель определил участь, судьбу, предназначение в жизни, отличные от иных предназначений. И, стало быть, пример другого человека – не для меня: у него свое, у меня свое. Радость наполняет душу, если понимаешь: то, что есть, – это то, чему суждено быть.

Но никто при этом не призывает человека стать фаталистом и лежать весь век на боку, вообще не пытаться улучшить свою жизнь. «Служить Б-гу» – значит трудиться, совершать усилия. Если в результате усилий ты что-то «заработал» (неважно, материальное или духовное), это входит составной частью в твою «участь», ты выполнил задачу, возложенную на тебя Создателем. Если у тебя ничего не изменилось в лучшую сторону – все равно, и это тоже входит в твою «участь». Именно так, с помощью «отрицательного опыта» ты выполнил свое предназначение. Иначе говоря, радость – не получить то, чего тебе хочется, а хотеть то, что ты получаешь.

Буддисты считают, что жить нужно для того, чтобы радоваться. Мы, евреи, в этом с ними согласны, но можем добавить и еще кое-что. Не только жить нужно, чтобы радоваться, но и радоваться нужно, чтобы жить. А радоваться прежде всего следует тому, что наш мир создан Б-гом, что мы имеем возможность служить Ему и выполнять каждый свою миссию – уникальную, никому другому не предначертанную. И эту радость можно нести Всевышнему.

Áëááí úé ðáááéí Ðíííé Ááðé Éáçáð

ПОУЧЕНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Î ai aoi - Î ai ae Oiaadi

За буквой Закона

Odaiuy no idia

Îi (daaii Eioai ai) neaei nei o: ai eai : «Eae da e iici ae da, eaeie iou i ai daie - oio, ei oioie neaio eiaio u.. daae Oei ii neae: oio, eoi iaee eaaio e ia ai adai aao. Iaee eaei uee o: aeiaa, ai daai, o i iaee eaaio o Aiaai uai.»

Îio: ai ey ioia 2:14

Об этом же сказано в Торе, в пятой главе книги Ваикро, где описаны законы, касающиеся тех, кто посягнул на собственность ближнего.

«E aardee A-a iadaiayni e Iioa oae: «Aie eoi-iaai maeeo idia A-ai e eioio daaeo aadeai aeaeiaa, iodeay, o i ai o aiei ioaii o i o i ia daiaiea eee ai adai aiaa iieiaiea; eee aiaa aeiaa a daaia eee ideiaiee ei ouaia aeaeiaa; eee iaeeo iioayia e aiaa iodeaou ai yoi... O i, ideiaa aeia i i aeaei aiaaeoou o i iaadaeai ia... o i i ideiaiee... I i i daeaa ai aeaei adioou ai i eia, ideaeai iyo o a i o u e ioaou o i a ei o yoi ideiaaeaeo... E a aeado ai iaei i o i i o u i deiaio... a aeado ai iaei i o i A-ai...»

(Aae eoi, 5:20-25)

Один из мудрецов Талмуда, рабби Акива, указывал, что слова, открывающие это утверждение, исполнены глубочайшего смысла: «Почему о посягнувшем на имущество ближнего сказано, что при этом он грешит перед Б-гом? – спрашивает рабби Акива. – Ибо овладевший обманным путем имуществом ближнего, тем нарушил права Третьей стороны, что соучаствует в людских деяниях» (Торас Коаним, цит. в комментарии Раши).

Odè aeaaeiuo

Как же получается, что посягнувший на имущество ближнего тем самым посягает на прерогативы Б-га? Прежде всего, на это можно ответить так: помимо лишения ближнего того, что по праву принадлежит ему, совершающий преступление наносит оскорбление автору заповеди «Не укради». Иное объяснение (предложенное рабби Акивой) состоит в том, что, пусть даже ни одна живая душа на земле не ведаёт, что произошло отчуждение чужой собственности, Всемогущий – это свидетель, от которого ничто не скрыто. И поэтому посягнувший на чужую собственность не только лжет ближнему, но и своим поведением бесчестит Всемогущего, – «Третью сторону», которой все ведомо.

Однако само выражение «Третья сторона, соучаствующая в людских деяниях», предполагает, что этот Третий – не просто свидетель деяния, наделенный некой властью. В обычной сделке «третья сторона» бывает не только свидетелем, а имеет интересы, сходные с интересами остальных партнеров.

В нашем случае это именно так. Все три стороны – и владелец вещи, и тот, кто эту вещь несправедно присвоил, и Бг – могут предъявить права на обладание данной вещью, так как «владельцем» является каждый из них. Тот, в чьем владении вещь находилась изначально, является ее «владельцем» согласно закону Торы.

Применительно к вору речь может идти о «владении» объектом, утверждаемом логикой, а не правом. Надо помнить о двух моментах: во-первых, вор получает выгоду от владения данной вещью (ее использование и т.д.), во-вторых, он полностью принимает на себя ответственность за эту вещь, – а это уже

правовое основание. Например, если украденный объект разрушен стихией, всецело подчиненной Б-гу и неподвластной воле людей, то вор должен выплатить стоимость вещи ее владельцу. Это обязательство не распространяется на лицо, принявшее вещь на ответственное хранение. Лицо, принявшее вещь на хранение, может заявить: «Принадлежавшей тебе вещи больше нет». Вор же пользовался вещью как своей собственностью, и в его устах подобное заявление не имеет силы.

Б-г, являясь Творцом всего сущего, владеет всем в этом мире, ибо мир есть не более, чем Его творение. Сказано псалмопевцем: *«Г-споду земля и (все) наполняющее ее, вселенная и живущие в ней»* (Теилим, 24:1).

Поэтому вор своими действиями не только наносит ущерб ближнему – он в прямом смысле слова «грешит перед Бгом», он нарушает права собственности Владыки всего сущего.

Передача прав

На это вор мог бы возразить: «Права Всевышнего на этот мир носят трансцендентный характер и, по определению, превосходят любые мои права или права моего ближнего. Поэтому не имеет значения, кому из людей принадлежит физическая власть над какой-либо вещью: та не перестает быть собственностью Всемогущего. Меня можно обвинить в нарушении Б-жьей заповеди или в том, что я недолжным образом распорядился Его собственностью, но как можно говорить, что я посягнул на Его собственность? Если истинны слова: “Г-споду земля и (все) наполняющее ее, вселенная и живущие в ней”, то разве кто-либо из живущих может отнять у Него принадлежащее Ему? Разве возможно украсть у Б-га?»

Так ли это? Если мы обратимся к еще одному аспекту учения рабби Акивы, мы увидим, что посягающий на принадлежащее ближнему и впрямь нарушает права Б-га на владение тварным миром. Поясняя стих «Г-споду земля и (все) наполняющее ее, вселенная и живущие в ней», рабби Акива уточняет, что является принадлежностью этого мира Б-гу по праву владения: *«Он обрел и передал мир в наследство»* (Рош а-Шона, 31а). По сути, рабби Акива утверждает, что Б-г владеет миром только во имя того, чтобы передать его как дар во владение людям!

Эта же мысль сформулирована иным мудрецом: *«Все сущее сотворено служить мне, я же сотворен служить Творцу»* (Кидушин, 82б).

Материальные ресурсы этого мира так сотворены Б-гом, чтобы человек мог использовать их для служения Ему. Вот почему Он обрел этот мир и вот почему Он непрестанно наполняет этот мир бытием и жизнью. И чтобы человек мог использовать эти ресурсы в соответствии с предначертанным от Б-га планом, каждому из живущих дана его «доля в творении». Эта доля принадлежит именно этому человеку и никому другому. То есть «передача мира в наследство» человеку сущностно определена самой связью, установленной между Б-гом и людьми. Именно ради этого Б-г сотворил мироздание, ради этого Он стал Владыкой тварного мира.

Вот почему в Торе сказано: «Если кто-нибудь согрешит пред Б-гом и злоупотребит доверием ближнего...» Если человек нечестен перед ближним своим, он тем самым не исполняет и обязательств перед «Третьей стороной», посягая на принадлежащее Б-гу по праву владения.

Áúáíð è îòááòñòááí í îñòü

Сказав, что покушение на собственность ближнего есть грех перед Б-гом, Б-жественный Законодатель подробно описывает наказания, ожидающие виновного в злоупотреблении доверием ближнего, в отрицании, что ему было отдано нечто на хранение или во временное пользование, в грабеже или присвоении имущества ближнего, или в отрицании того, что виновным найдено потерянное.

Прежде всего совершивший какое-либо из этих деяний должен вернуть владельцу присвоенную вещь или неправомерно полученные деньги. Если же человек отрицает предъявленные обвинения и дает клятву, но содеянное подтверждается свидетелями, он должен дополнительно выплатить пятую часть стоимости вещи ее владельцу и принести «приношение вины» (*корбан ашам*) во искупление греха.

Таким образом, подчеркивается иной аспект проблемы: совершивший преступление против ближнего может дойти до другой крайности, объявив содеянное «тем, что касается меня и моего Б-га», извратив свою вину и свой долг перед жертвой.

Однако и жертва должна помнить меру. В Тании рабби Шнеур-Залман из Ляд пишет: «Сказано учителями: *“Каждый, кто дает волю гневу, приравнивается к идолопоклоннику...”* (Зогар, I,276). Почему? Когда человек гневется, его покидает вера. Если бы он верил, что *“по воле Г-спода произошло то”* (Теилим, 118:23), он не впал бы в ярость. И если кто-то оскорбил его словом или действием или нанес ему материальный ущерб, то, хотя обидчик и обладает свободой воли и поэтому несет ответственность по законам человеческим и небесным, но, избрав путь зла, все же следует помнить, что *“судьба пострадавшего была предрешена на Небесах, и Всевышний мог поручить выполнение этой миссии многим из Своих созданий”* (Зогар, III, 366; см. комментарий Раши на Шмойс, 16:33 и Шмойс, 21:13). Кроме того, даже в тот самый момент, когда кто-то оскорбляет другого словом или действием, в совершающем зло воплощается сила Всевышнего и *“дыхание уст Его”*» (Теилим, 33:6; Тания, 4:25).

Сформулированный в этих словах подход позволяет рабби Шнеуру-Залману разрешить кажущееся противоречие между двумя базовыми положениями иудаизма – а) представлением о том, что лишь Б-г есть Всемогущий и Он определяет все, происходящее в мире, и б) представлением о том, что человек наделен свободой воли и выбирает между добром и злом, а значит – полностью ответственен за свои деяния.

Если А ударил Б, то это – выбор, свободно сделанный А. Говоря иначе: удар нанесен А исключительно по его воле и только она, воля, а не какие-то внешние факторы, определили действия А. Тем самым, ударивший несет полную ответственность за свои действия. Однако тот факт, что Б получил увечье, не есть результат выбора А, – иначе мы должны были бы поверить в «другого Б-га», в существование иной силы, оказывающей влияние на бытие Вселенной. У жертвы есть лишь один вопрос: кто же ответствен за происшедшее? Не склонись, по собственной воле, ко злу Б, удар, предназначенный А, был бы нанесен кем-то иным. Но тогда гнев потерпевшего на обидчика просто-напросто направлен «не по адресу».

И жертва всегда должна помнить об этом. Но как должен отнестись к нанесенному жертве ущербу тот, кто совершил преступление? Неужели он может рассматривать совершенное им несправедливое деяние как такое, которое касается лишь его и Б-га?

Заметим, в том же разделе Торы, где сказано, что если кто-то согрешит против ближнего, тем самым он «согрешит против Б-га», говорится о том, что грешник несет ответственность перед жертвой. Это правило вытекает из того факта, что в определенных случаях посягнувший на имущество ближнего должен не только вернуть присвоенное, но и выплатить жертве компенсацию, равную одной пятой присвоенной суммы или стоимости незаконно удерживаемой вещи. Мудрецы уточняют: это – компенсация за то время, в течение которого законный владелец не мог пользоваться своей собственностью.

Присвоивший чужое имущество должен вернуть все сполна, и это понятно, особенно если мы примем во внимание принципиальную разницу между двумя «кистцами»: повинный в прегрешении повинен перед Б-гом, а деньги по закону принадлежали жертве. Как только выяснено, что имело место несправедливое деяние, суд должен восстановить справедливость и вернуть собственность законному владельцу.

Однако вслед за этим Тора говорит, что преступник должен еще выплатить и пятую часть присвоенного – не только в качестве штрафа, но как компенсацию за то, что жертва временно была лишена какой-либо вещи или денег. Так устанавливается и непосредственная ответственность согрешившего за свой «несправедливый выбор» перед тем, кто стал его жертвой. Проясняется и иная трудность, связанная с чтением стиха *«Он прежде всего должен вернуть все сполна, прибавив пятую часть, и отдать тому, кому это принадлежит»* (Ваикро, 5:24). В комментарии на этот стих Раши задает вопрос: была ли нужда в словах «кому это принадлежит»? Разве недостаточно просто сказать: «Он прежде всего должен вернуть все сполна, прибавив пятую часть»? Раши поясняет, что эти слова нужны, чтобы указать нам: вор «должен отдать [пятую часть] тому, чьи это деньги».

Иными словами, если бы в Торе не было этих уточняющих слов, я бы не знал, кому причитается пятая часть, о которой идет речь! И можно было бы сказать: да, конечно, следует все сполна вернуть владельцу! Но ведь пятая часть, несомненно, является наказанием за преступление против Того, Кто дал нам заповедь: «Не укради». И тогда не будет ли разумно употребить эти деньги на благотворительность? Причем здесь жертва – она не имеет к этому никакого отношения!

Но Тора ясно дает нам понять, что штраф – это компенсация жертве. Верно, не выбор преступника в пользу зла был причиной потери, понесенной законным владельцем. Однако Тора объявляет грешника ответственным за его выбор – точно так же, как она велит ему вернуть вещь или деньги законному владельцу. В дополнение к тому, что грешник должен искупить то моральное прегрешение, в котором он повинен перед Создателем, ему еще вменена ответственность перед ближним – он виновен и перед ним. И он должен умиротворить ближнего и компенсировать нанесенный ему ущерб так, словно он был не только орудием, принесшим тому страдания, но самой причиной этих страданий.

Ī dāāā m āāō āāī ī īñōē

Dāāāē Ēīñē āāāōēō: «...āāūāōōāē ēō:āīēp ōōōū, ēāī cīāīēā ōōōū īāīāāāāōōīy īī īāñēāāōōā».

Īō:āīēy īōōīā 2:17

Неужели рабби Йоси отрицает сказанное в Торе, неужели он не помнит того, что известно каждому ребенку, едва тот научится говорить (Сукко, 42а): «Учение заповедал нам Моше, наследие общине Яакова» (Дворим, 33:4)?

Но обратим внимание на то, что наша связь с Торой описана в ней сразу несколькими моделями, по-разному трактующими владение и обладание: как «наследие» – в цитированном выше стихе Дворим;

как то, что передано нам, то есть приобретено нами: «Потому что я преподал вам доброе учение. Не оставляйте заповеди моей» (Мишлей, 4:2); как «дар», нам ниспосланный: «Из пустыни, дар». (См. также Брейшис Раба, 6:7: «Три сущности были миру дарованы: Тора, светила и дождь». Укажем и на слова молитвы, читаемой в праздник Швуэс: «время дарования Торы»).

Если мы задумаемся над этими определениями, то увидим, что они не только различны, но даже противоречат друг другу. Когда мы что-то «приобретаем», подразумевается, что мы за это заплатили, а «наследство» или «дар» мы получаем «бесплатно». Однако «наследство» может достаться только тому, кто имеет на него права в силу происхождения: действует ограничение, неприменимое к понятиям «приобретение» или «дар». Разве для получения дара важно, кто ты? В некоторых случаях «дар» оказывается наградой – то есть личные качества и совершенные деяния важны для его получения. Важны, но не обязательны: дар – награда, а не плата за работу.

Ōōāōōōīāī āāāy ī āō āōīōā

Наша речь пересыпана метафорами. Мы говорим: этот человек испытывает «глубокие» чувства, тот – воодушевлен «высокой» идеей, у кого-то «холодные» глаза. Мы не приписываем физические качества бестелесным сущностям; просто, когда мы пытаемся выразить словами относящееся к умопостигаемому миру идей, метафора становится эффективным средством для описания этого мира.

Иногда одной метафоры недостаточно. Понятия, о которых мы хотим поведать, столь неоднозначны, обладают таким множеством нюансов, что не умещаются в рамках единственной модели, заимствованной у нашей физической реальности. Поэтому мы призываем на помощь несколько метафор. Каждая модель используется для описания аспектов, характеризующих ее лучше всего. Все вместе эти модели дают представление о том сложном, что не является ни одной из этих моделей, но вмещает все многообразные, порой конфликтующие их элементы. Это позволяет постигать нечто, чему нет непосредственного соответствия в нашем опыте.

Но это верно и по отношению к Торе. В мире нет ничего, что могло бы послужить моделью, способной раскрыть природу нашего «обладания» Торой. Поэтому, только говоря о нем как о наследии, приобретении и даре одновременно, мы можем приблизиться к некоему постижению наших глубинных, многогранных отношений с Торой.

Однако заповедям свойствен очень емкий и лаконичный язык. Разве недостаточно было сказать: «Чтобы не впасть в грех, помышляй о том, что ты явился из зловонной капли, что ты идешь туда, где прах и черви, и будешь держать ответ перед Царем Царей»? Вместо этого мы встречаемся с утверждением из трех частей.

1. Сосредоточься на трех сущностях, и ты не впадешь в грех.

2. Помни, откуда ты явился, куда ты идешь и перед кем тебе придется держать ответ.

3. Откуда ты явился – из зловонной капли. Куда идешь – туда, где прах и черви. Перед кем ты будешь держать ответ – перед Верховным Царем всех царей, да будет благословенна святость Его.

Не предполагают ли слова Акавии более глубокую интерпретацию, чем та, которая предложена нами в начале? То есть три части этого поучения являются тремя вариантами послания, адресованного трем различным типам людей.

Νῆαιδωαί ποαί, εἶνὶ ὀδῆεὺ ἐεὲ ἰῖδααῖ ὑαῖ ἰῖνοῦ

В Тании рабби Шнеур-Залман из Ляд рассматривает духовную и психологическую структуру трех типов людей: цадик («человека праведного»), бейнони («человека середины») и роша («человека грешного»).

Роша позволяет своей животной природе властвовать над своей жизнью. Раз за разом он уступает гедонистическим и себялюбивым наклонностям своего характера, греша против Б-га и ближних.

Ему противостоит цадик, достигший совершенства в своих внешних и внутренних проявлениях: его поведение и его характер чисты от всякого зла. Все, что он делает, говорит или думает, совпадает с волей Б-га. Внутренне цадик прошел через преображение: его заботит лишь связь с Б-гом, а все, что может причинить вред этой связи, он отвергает.

Бейнони занимает срединное положение между роша и цадиком: его поведение безупречно, но его внутренняя природа еще не подверглась очищению и просветлению. В отличие от цадика, «человеку середины» только предстоит преобразить эгоцентрические импульсы, присутствующие в его сознании. Однако при этом он полностью обрел контроль над словами и деяниями и даже над помыслами, связанными с желаниями. Он может испытывать несправедливые желания, но не позволяет им реализоваться. Не всякий способен достичь совершенства цадика, но уровень бейнони достижим каждым, и каждый призван достичь этого состояния, заключает рабби Шнеур-Залман (детальное описание этих трех уровней и ступеней внутри каждого из них дано в первых двенадцати главах Тании).

Ἰ δὲ ἰδὲ ὀαὸ ὕ

Всем – роша, бейнони, цадик – необходимо сосредоточиться на «трех вещах», чтобы не впасть в грех. Однако природа этих «трех вещей» для совершенного цадика, грешного роша и пребывающего между ними бейнони различна. Поэтому Акавия дает три варианта наставления, на которых следует сосредоточить размышления, дабы избежать греха. Каждое наставление имеет своего адресата.

Заключительная формула – («Откуда ты явился – из зловонной капли. Куда идешь – туда, где прах и черви. Перед кем ты будешь держать ответ – перед Верховным Царем всех царей, да будет благословенна святость Его») – предназначена роша. Здесь используются только «отрицательные» определения, но это единственный способ «затронуть» сознание «человека грешного». Мысль о полноте и желанности жизни в согласии с Творцом не способна глубоко затронуть сознание роша: все цели, которые готов преследовать «человек грешный», связаны с материальным. Чтобы перешагнуть через желания, лежащие в основе его существования, роша должен осознать, насколько они тщетны.

К бейнони обращены слова: «Помни, откуда ты явился, куда идешь и перед кем тебе придется держать ответ». Бейнони не надо убеждать в том, что материальное занимает самую нижнюю ступень, ибо правильные представления о жизни и жизненном призвании уже укоренены в его сознании и сердце. Для него нет вопроса, можно или нельзя уступать страхам и желаниям своего животного «я». Но из этого еще не следует, что он недоступен для отрицательных влияний: он может желать зла. Поэтому он должен

размышлять над истиной, утверждающей: все материальное брэнно. Хотя эта необходимость диктуется иными причинами, чем в случае с «человеком грешным». Грешника нужно побудить, чтобы он изменил свои приоритеты и поведение, тогда как бейнони следует, наоборот, поддержать в его стремлении достичь внутреннего совершенства праведника.

Поэтому когда для бейнони говорится: «откуда ты явился», – речь идет не о «зловонной капле», указывающей на плотское начало, столь важное для грешника, но о Б-жественном происхождении души. Для бейнони «куда ты идешь» указывает не на судьбу тела, которому назначено истлеть, а на те высоты, которых можно достичь, служа Всемогущему. Мысль о том, перед кем ему придется держать ответ, связана для бейнони не с «угрозой» воздаяния за совершенное зло, – подобное настроение – удел роша, – а с ощущением ответственности за развитие потенциала, заложенного в человеке. Вместо того чтобы созерцать тленность материального, бейнони следует сосредоточиться на размышлениях о том, что начало его – от Б-га, а цель его – прийти к Б-гу, и перед Ним он ответствен за исполнение жизненного предназначения.

וְאֵלֶיךָ יְהוָה יָשׁוּב

Начало интересующего нас поучения – «Сосредоточься на трех вещах, и ты не впадешь в грех» – адресовано цадику.

Цадик неспособен совершить грех деяния: он в буквальном смысле отвергает все, что может отдалить его от Творца. И, тем не менее, он должен следить, чтобы уберечься от иного рода «греха», связанного с более широкой трактовкой этого понятия. «Грех» этот – «недостаточность»: опасность не дойти до степени совершенства, возложенной для тебя («хейт» – на иврите «грех» – имеет еще одно значение – «нехватка, недостаток»). Невыполнение того, что можно было исполнить, есть грех: когда человек, Б-же упаси, совершает переход вниз, но не из зоны добра в зону зла, а просто на более низкий уровень. (В этом кроется также объяснение, почему поучение появляется именно в третьей главе трактата. Если бы речь шла только об избегании «греха» в базовом значении слова, это изречение должно было быть в первой главе «Почувствий отцов»: отторжение зла есть первая ступень в восхождении человека к чистоте и совершенству. Но интересующее нас изречение – сложнее, оно затрагивает различные фазы восхождения, как и различные иерархии «греха».)

Поэтому для цадика сказано: «Сосредоточься на трех вещах». Это не три темы, столь важные для роша, которому следует сосредоточиться на том, сколь подвержено тлению все сущее в подлунном мире. И это не размышления бейнони, который также не совсем свободен от «зачарованности» этим миром. Цадик – выше всего этого. Однако есть ловушки, которых следует опасаться и самым совершенным людям, ловушки, которые грозят, что жизненная миссия не будет исполнена в полной мере.

Одна из возможных «опасностей» для духовно совершенного человека связана с тенденцией воспринимать все сущее исключительно через призму двусторонних отношений: все в мире видеть, как «я» и «Он», не придавая значения ничему, кроме связи с Б-гом. Тем самым человек рискует не заметить ситуаций, когда должен был «сработать» данный ему потенциал. Он может избрать праведную жизнь, полностью забыв об обществе и о том, что его окружает, чтобы стать ближе к Всемогущему. Однако, возможно, не совсем этого хочет Сам Всемогущий.

Для предупреждения такого развития событий Акавия обращается к цадику: «сосредоточься на трех вещах», кроме осознания двух точек – «Он» и «я», вспомни о мире, в котором ты живешь волею Б-га. Непрестанно помни о трех главных в этой жизни вещах: знай своего Творца, знай самого себя, понимая свою силу и свои слабости, свои таланты и свои недостатки. И не забывай о том, какого именно служения хочет от тебя Б-г: ты должен использовать ресурсы материального мира и способствовать тому, чтобы этот мир развивался согласно воле Творца.

Èè-í úé ñá

Í ï í è... í ááá èá ò ááá í ð è ááá ò ñá ááá è ááá ò ú í ò ááá.

Í í ó-áí èý í ò ò í á 3:1

Рабби Баал-Шем-Тов говорил: *éí ááá ÷ áéí ááé í ð ááá ò ááá í ááá ñááí á áí ó í èé, ÷ ò í áá áá è ááá ò ú í ò ááá çá ñáé çá í ú á ááý í èý, ñ á-áé á áá ñ áá è áá ð ò í èí-ò í ááá í. «× áá, í í-ò áá í ó áá ñá í è í ò áé í-ò í, ñ áá è áá è é é ò í-ò í è ò í-ò í?» È éí ááá ÷ áéí ááé í áç ú ááá ò í ááá áí çá ááý í èý ááá í ó, áí ó í í é áç ú áá ð ò í áá áé áá ú ý ò í é ñ è ò áá è è á áá ñ áá ò áá í í é æ è ç í è. Ó áé ÷ áéí ááé, í í ñá è, ñáí áá è è ò ñá í áá ñ á í é, áá í í ñá í ð è áá áá ð ñá í è í ò é á áá í è áá ñá è áá èý í (ñá ñá è áá í è á áá áé Í áá á í á í ó áá á Á áá è á á é í í á í ò áá è è í á Ó í ó ý è, 2:12).*

В этом – один из ключей к приведенным словам из «Почуений отцов». В оригинальном тексте эта формула звучит так: «помни... чей суд тебе и пред кем держать ответ». Но тогда выходит, что о приговоре говорится раньше, чем о слушании дела: ведь слова «чей суд тебе» мы вполне можем отождествить с приговором, а «держат ответ» – со слушанием дела. Разве не следует прежде выслушать обвиняемого и только потом судить его? И еще одна странность: формула «чей суд тебе» скорее говорит, что судишь ты, а не тебя. Но дело именно в том, что сам приговор никогда не выносится исключительно «свыше». Только после того, как человек сам вынес суждение о каждом из деяний, похожих на его собственные, суд вышних открывает ему, каково будет воздаяние.

Сходная мысль высказана в «Почуениях отцов» в другом стихе из той же третьей главы: «Сборищики... обходят всех и взимают с каждого – с ведома ли человека или без его ведома» (Почуения отцов, 3:20). Всякий раз, когда человек сознательно высказывает свое мнение о чьей-то ситуации, он, часто того не осознавая, судит самого себя.

И здесь мы приходим к глубочайшему пониманию того, что есть душа человека. В творении нет ничего выше, чем «искра Б-жественности» в душе человека. Подтверждение можно видеть в том, что из всех созданий лишь человек наделен свободой выбора и он один разделяет это свойство с Самим Создателем.

Свобода выбора чревата ошибками, которые человек может совершать, он может оступаться, но эта же свобода открывает ему возможность творить благо и в своем величии несравнима с данным иным Б-жьим созданиям, принадлежащим к духовным сущностям. Поэтому, когда душа предстает на суд, пусть она повинна в ошибках и прегрешениях, суд даже самых духовных созданий не имеет над нею силы.

Единственная сила в небесах и на земле, которая может судить человека, – сам человек.

Ñ í ááá í á í ú é è á í í è áá è ç í

Ð áá é Ó á í è í á, í í í í ú í è é í áá áá ñá ý í á í è é á, á á á ð è ò: «Í í è é ñá çá á é áá í í è ó: é á í ð áá è ò á é ú ñá áá, é á í á é é áú í á ñá ð áá ò í áá á í è í, é þ á é í í æ ð á é áú áá áá ááá...» Ð áá é Ó á í á í è ý, ñ á í Ó á á á é í á, á á á ð è ò: «Á í è é áá á í è áá è áí áá á é í á í á é áá ð ò ñá ñá í è Ó í ð ú, ò í Á-æ áá ò áá í í á í í ð è ñá ð ò á é á í ð áá áá áá ò ñ í è í è.»

Í í ó-áí èý í ò ò í á 3: 2,3

Смысл слов рабби Ханины: для существования цивилизованного общества нужно, чтобы его члены признавали власть правительства и закона («Закон этой страны – закон евреев», учит Талмуд в Бава Басра, 113а). Упоминание о «страхе перед властями» может покорибить наше сознание, но факт остается фактом: если не будет этого страха, нечем будет сдерживать худшее в человеке, и нами будет править закон анархии, закон джунглей. Но в приведенном поучении выражен и иной, более глубокий смысл.

Æeâé, çãðíâé, íí îðè òîî ïîæðáí íúé

Наш мир, все сущее в нем, все обитающие в нем создания – это лишь выражение всеобъемлющей реальности Творца. Созерцая и постигая человека, общество и порядок природы, мы имеем дело с зеркалом, отражающим отблески духовного мира и лик Самого Творца.

То же верно и по отношению к понятиям «правительство» и «власть». По словам мудрецов: «Царь на земле есть прототип Царя Небесного» (Брохойс, 58а). Принципы, определяющие порядок власти и владычества в мире людей, являются отражением Бжественной власти (малхус).

Человеческому «я» от природы свойственна склонность к каннибализму. В худших своих проявлениях «я» готово разрушить всех и вся вокруг во имя удовлетворения личностных устремлений. В лучшем случае, когда мы имеем дело с цивилизованным, воспитанным и терпимым человеком, он готов признавать свой статус «одного среди многих», помнить о том, что «права человека» распространяются на его ближних, и допускать, что другие люди могут преследовать совсем иные, отличные от его собственных, цели. Но и самые либерально мыслящие не могут избежать ловушек «я»: мы всегда видим другого через себя. Якобы объективное сознание человека будет декларировать, что на этой планете он живет вместе с миллиардами других людей, что, кроме его собственных, существуют и другие призвания и цели, но в глубинах сознания собственное «я» будет все так же оставаться центром вселенной. Человек все равно будет воспринимать других как необходимую – возможно, очень существенную – часть своего бытия, но – по отношению к нему – вторичную, словно мир вращается вокруг него.

Именно об этом слова рабби Ханины. Выражение «люди пожрали бы друг друга» надо понимать в буквальном смысле: каждый из нас жив и здоров, но – все мы являемся пищей ближнего: каждый из нас переваривает этот мир в недрах собственной «самости». Мы готовы допустить, что жизнь и работа других имеют некую ценность, но при этом смотрим на них только с позиций своей личности, которая для нас – главное в этой реальности.

Î îêèòââ çà æèââúé

Тот человек, для кого мироздание – не более чем сочетание случайных факторов, а понятие Владыки мироздания лишено всякого смысла, никогда не сможет преодолеть моральный и интеллектуальный каннибализм «я». Если отказаться от представлений о высшей власти, волею которой сотворена, задана и направляется Вселенная, то «я» и связанные с ним чувственные восприятия окажутся единственным критерием, определяющим, что хорошо, а что – плохо. При таком подходе видение человеком других всегда будет окрашено в цвета его «я».

Только испытав страх Б-жий, только приняв верховную власть Владыки владык и Царя царей, человек может перешагнуть предвзятость и анархизм, столь свойственные его «я». Только прикоснувшись к абсолютной истине, перед лицом которой все прочее – равно незначительно, но которая наполняет значением существование бесконечного множества индивидуальных сущностей, человек может увидеть в ближнем равного, постигнуть, что все сущее призвано служить реализации Б-жественного плана, изначально заложенного в Творении.

А поскольку, в силу самой своей природы, сосредоточенное на себе сознание человека по определению неспособно перешагнуть собственные границы, эта абсолютная истина не может быть постигнута разумом и осознана сердцем, – во всяком случае, разумом и сердцем современного человека. И потому каждый из нас должен «молиться за благополучие правительства». Каждый из нас должен осознать, что преодоление собственного «я» для человека, без вмешательства свыше, невозможно. А, осознав, смиренно просить, чтобы нам свыше было даровано иное видение ближнего, свободное от нашего эгоизма.

Как правило, в Талмуде каждая заповедь призвана выразить одну мысль. Следующая мысль требует для своего выражения отдельной формулы. Однако не случайно рядом со словами рабби Ханины, помощника первосвященника, стоят слова рабби Хананя, сына Терадиона. На первый взгляд, эти два высказывания не связаны какой-либо общностью. Первый говорит о властях, другой же напоминает: «Если двое сидят вместе и обмениваются словами Торы, то Б-жественное Присутствие пребывает с ними...»

Но если мы задумаемся над глубинным значением слов рабби Ханины, то второе высказывание предстанет его повторением, выраженным в других понятиях. Что общего между молитвой за владык и изучением Торы?

Тора есть сообщение, адресованное Б-гом Своему народу, выражение Его мудрости и воли в словах, понятных человеческому сознанию. Однако существует много уровней понимания Торы: от понимания простого труженика, которого хватает лишь на чтение «одной главы утром и одной – вечером» (Менохойс, 99б), до понимания талмудиста, дни напролет погруженного в изучение Писания. Но в действительности, вне зависимости от степени погружения в Тору и умственного горизонта человека, ее изучающего, все приходящие к мудрости Б-га перед ее лицом равны. С одной стороны, равны, так как их конечный человеческий ум неспособен вместить бесконечную истину, а с другой – равны, ибо им дарована недостижимая никакими личными усилиями способность понимать Тору, – каждому на своем уровне.

Поэтому, если двое изучают Тору и один из них возвышается над другим, подобно крепостной башне, полагая, что постигнутое им безмерно глубже и значительнее, чем постигнутое партнером, то очевидно: такой человек постигает не Б-жественную Тору, а им же порожденное, носящее на себе отпечаток его личности представление о Бжественной истине. Но если двое сидят как равные и «обмениваются словами Торь», сознавая, что они – лишь смиренные «получатели» Б-жественной истины, тогда и впрямь на них снисходит Б-жественное Присутствие.

Ī nōè ò òāi'ācū

Dāāē Oēi īī āāī òēō: «Āāē ò òā āē çà nōīēī ... è īāī āī ēāāēēīī āōāīī āōāīī īēīāāī è Ōīōū, [ōī] ēāē āū āē çà nōīēī ōĀāāīīōūāāī».

Ī īō:āīēy īōōīā 3: 4

Кажется, мысль, высказанная рабби Шимоном, проста и прямолинейна: используйте время трапезы, чтобы поделиться друг с другом мудростью Торы, и поэтому столь земное занятие, как принятие пищи, превращается в высокое стремление приблизиться к Б-гу.

Но ведь это вполне применимо и к тому, кто ест в одиночестве, и к большой компании, сидящей за столом. Почему же сказано: «если трое ели за столом»? И какую роль играет здесь стол, поскольку о нем упомянуто специально? По сути, рабби Шимон говорит о том, что на самом деле стоит за нашей потребностью в насыщении пищей.

Āāīyēāy nōū āēīāā

Человек состоит из двух изначальных компонентов – физического тела и души. Жив человек благодаря душе. Собственно, это верно по отношению ко всякому тварному созданию: физическое и субстанциональное является лишь внешней оболочкой любой материальной сущности. Внутри этой оболочки скрыта «душа» – внутренняя, духовная, наделяющая смыслом сущность.

И тут необходимо отметить: все мироздание одухотворено заложенным в нем стремлением исполнить волю Творца – это и есть душа вселенной. Но эта единая «душа» раздроблена на множество отдельных «искр», которые и образуют своеобразную сердцевину каждого объекта, сущего в мире.

Однако, в отличие от человеческой души, наделенной волей и свободой выбора, все прочие тварные создания – лишь пассивные вместилища этих «искр», но именно «искры» наделяют вещь смыслом и предназначением. Все сущее зависит от человека, ибо человек – венец творения, и ему предназначено развивать и использовать все сущее в мире, чтобы преобразить мир согласно плану, который представил для него Творец. Именно человеку дарована Тора – своего рода Б-жественный «чертеж» творения, – и именно человек располагает всем необходимым для преобразования мира в соответствии с замыслом Б-га.

И вот душа человека сходит в этот мир, принимая тяготы и ловушки бытия в физическом теле, чтобы вступить в контакт с «искрами святости», разбросанными по миру. Соединившись с физическим телом, душа ест, носит одежды и множеством иных способов использует объекты и силы физического мира, чтобы таким образом «вызволить» Б-жественные «искры», заключенные в этих объектах. Ибо когда человек использует что-либо, напрямую или косвенно, для выполнения воли Бга, он выходит за пределы материальности, раскрывая и осознавая функцию соответствующих сущностей в общем порядке бытия.

Это объясняет одну из «загадок» мироздания: почему человек черпает жизненную энергию от существ животного, растительного и минерального царств? Разве высшая форма жизни должна зависеть от существ, которые намного ниже нее?

На самом деле, поглощая и используя пищу и множество существ, поддерживающих его жизнь, человек помогает этим существам осуществить цель их бытия. Когда человек использует во благо энергию, которую он получает от них, он тем самым выводит существ на уровень, которого они не могут достичь никаким иным образом. Благодаря этому они становятся неотъемлемой частью сознательного бытия и так включаются в служение Всемогущему. Мясо животного, зерно, преобразованное в хлеб, вода, утоляющая нашу жажду, становятся благим деянием, актом милосердия, изучением премудрости Бжвей, открытой в Торе, любовью к Б-гу, высказанной в молитве.

Именно в этом смысле хасидское учение толкует стих: *«Голодны [были] и жаждали, ослабела душа их» (Теилим, 107:5)*. Человек, жаждущий пищи, возможно, думает только об утолении своего телесного голода, но на самом деле этот голод является выражением куда более глубокой потребности. Это его душа жаждет «искр» Б-жественного, помня, что в их освобождении и состоит ее миссия в этом мире.

Тройственное единство

Когда человек садится за стол, в трапезе соучаствуют три сущности: его тело, его душа и пища. Последняя – тот «жизненный клей», что удерживает тело и душу вместе, давая человеку оставаться живым.

И если насыщающийся яствами помнит о той перспективе, которую дает жизни Тора, то те «трое, которые едят», конечно же, делают это за одним столом. Их трапеза раскрывает лежащее в основе творения единство всего и вся – и связь тварного мира с Единым Создателем.

ФЕВРАЛЬСКИЕ НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

יְבוּזֹוּ וְיִי עֵי עֹאדִי יֵעֵ עֹבְבֹעֵי וּ

У крупнейшей в Латвии птицефабрики «АО Putnu fabrika Kekava» представители еврейской общины закупили партию курятины общим весом в пять тонн. Позже она была приготовлена по всем правилам кашрута; для этого из Израиля был вызван квалифицированный специалист. Раввин Мордехай Глазман сообщил, что кошерная латвийская курятина будет предложена для праздничных столов не только латвийским евреям, но и евреям Литвы и Эстонии.

א. וְיִי אִי

חֹאִי אֵעֵב אִנְאֹ עֵ יֵ אִנְאֹ אִדְאִי אִיֵּ

Празднование Хануки-5764 проходило с необыкновенным размахом. В тысячах еврейских домов в эти дни горели ханукальные огни. Десятки тысяч евреев пришли в Дома культуры и концертные залы, на площади городов России, Украины, Беларуси, других стран СНГ и Балтии, чтобы принять участие в одном из самых радостных событий еврейского года – зажечь свет Хануки. В некоторых городах в дни праздников по улицам ездили специально оборудованные автомобили с ханукиями, привлекая своим необычным видом внимание прохожих.

Говоря об этом еврейском празднике и его масштабе, раввин Херсона Йосеф-Ицхак Вольф подчеркнул: «Наша городская ханукия – всего лишь один из тысяч праздничных светильников, огни которых зажигаются в дни этого торжества во всем мире, и тайно зажигать их мы не будем, поскольку выполняем еврейский закон об обнаружении чуда. Мы поступали так раньше, поступаем теперь и будем поступать впредь, и я надеюсь, что количество наших нарядных светильников с каждым годом будет расти – ведь мы хотим, чтобы они давали света все больше и светили все дальше».

В дни торжеств на городские площади и в концертные залы приходит все больше неевреев, наших друзей, которые вместе с нами радуются Хануке. Не случайно в беседе с президентом России Владимиром Путиным главный раввин России Берл Лазар подчеркнул, что Ханука дарит «свет всем народам». Очень важно, что в торжественных ханукальных церемониях принимали участие главы регионов: первые лица городов, областей и даже государств. Раввин Берл Лазар отметил: «Сейчас, слава Б-гу, в России евреи могут свободно жить еврейской жизнью. Мало того, представители власти даже зажигают ханукию вместе с нами. Это великое чудо. И в этот замечательный праздник мы возносим молитву, чтобы лампада не погасла, чтобы каждый день было больше света».

ПО СТРАНЕ И ПОСТСОВЕТСКОМУ ПРОСТРАНСТВУ

Â ÊÐÀÏ ÈÁ

19 декабря 2003 г. в Кремле президент Российской Федерации Владимир Путин встретился с главным раввином России Берлом Лазаром и исполнительным вице-президентом Федерации еврейских общин России Александром Бородой. Глава российского государства сказал:

«Мы с вами регулярно встречаемся, но сегодня наша встреча проходит накануне большого праздника еврейского народа – Хануки. Я хочу поздравить вас, всю еврейскую общину России, всех, кто исповедует иудаизм, всех, кто бережно относится к культурным традициям еврейского народа, с этим праздником.

Я знаю не понаслышке, что руководители общины и религиозные деятели очень много делают не только для решения проблем еврейской общины, но и для укрепления межнационального и межконфессионального согласия в стране.

Россия – многонациональная, многоконфессиональная страна, и ее культурное многообразие является нашим достоянием; оно требует бережного отношения и, если нужно, защиты. В этом никто не должен сомневаться. Такая политика проводилась и будет проводиться в будущем.

Мне кажется важным и то обстоятельство, что само российское общество уже не раз демонстрировало неприятие какой бы то ни было ксенофобии, всего того, что мешает консолидировать нашу страну как многонациональное государство и развиваться ей полноценно в качестве современного общества. Еврейская община и религиозные деятели делают для этого многое. Я вас хочу за это поблагодарить.

Я помню наше совместное участие в открытии, наверное, самого крупного в Восточной Европе Еврейского центра в Москве. Знаю, что в ваших планах – создание Российского еврейского музея.

Мне было бы интересно услышать, что вы планируете по направлению вашей общественной и религиозной деятельности и нужна ли вам какая-либо поддержка со стороны государства».

В ответном слове главный раввин России Берл Лазар, в частности, заявил: «В планах нашей общины – развивать толерантность, уважение народов друг к другу. Все народы должны понимать и любить других, испытывать к ним действительное уважение. Свет Хануки – свет всем народам».

Исполнительный вице-президент ФЕОР Александр Борода поблагодарил главу государства за изменения, происходящие в стране. «Власть приветствует развитие национальных культур, и это очень ценно, – сказал он. – Работа по укреплению экономической стабильности – основа для произрастания толерантности, путь улучшения климата жизни».

Как сообщил Александр Борода корреспонденту Агентства еврейских новостей, в ходе неофициальной части встречи президент России отметил прогресс в развитии еврейских общин, в строительстве синагог и еврейских школ. Затем Владимир Путин обсудил с Берлом Лазаром итоги переписи населения. Президент выразил удивление, что по ее итогам в стране зарегистрировано всего 250 тысяч евреев. Раввин ответил, что, к сожалению, в России еще есть евреи, которые стесняются своей национальности и умалчивают о ней; на самом деле в стране евреев гораздо больше.

Далее Берл Лазар рассказал президенту о Хануке; он подчеркнул, что Ханука – праздник света. В России этот праздник олицетворяет собой и стремление еврейской общины быть полезной всему обществу, нести ему свет и радость. Еврейская община много сил направляет на социальные и благотворительные проекты, способствующие оздоровлению общества.

Ï ï ï àóàðåàè ìí òíðì àòèíííúò àááí òíòá

В этот же день в Московском еврейском общинном центре (МЕОЦ) прошел детский ханукальный праздник.

Он начался с благословения и молитвы, которые произнес раввин Мойше Рохлин. Дети постарше вместе с родителями, дедушками и бабушками изготавливали ханукии, а самые маленькие по трафаретам раскрашивали картинки с изображением символов праздника – светильников, кувшинов с маслом и др., а затем с помощью взрослых вставляли их в красивые рамки. Когда ханукии были изготовлены, каждый «мастер» получил в подарок волчок-«совивон» с сюрпризом и угощение. Затем всех детей пригласили в молельный зал МЕОЦ, чтобы они посмотрели спектакль, который для них поставил режиссер Александр Степанюк. Но сначала ребят приветствовал поэт и режиссер Григорий Кантор, далее выступил раввин Ури Спасский, который говорил о втором значении слова «ханука». «Ханука – это свет образования, свет знания. И мы зажигаем ханукию не только для евреев, но и для всех народов, – сказал он. – Свет Всевышнего распространяется по всему миру... Свечи догорят – но свет останется!» Затем начался спектакль, посвященный истории Хануки, с участием актеров московского театра «Эрмитаж», а также группы «Клейзмастерс», танцора Сергея Ореховича и певца Анатолия Немана.

В тот же день в Московском еврейском общинном центре прошел праздник для женщин, который начался спектаклем «История Юдифи». Главную роль в нем исполнила актриса театра «Арт-Хаус» Ирина Фадеева. Интересно, что в роли Олоферна выступала также женщина – актриса мюзикла «Энни» Мария Фарготко. «Сюжет “Истории Юдифи” – традиционно соответствует празднику Ханука, – сказал режиссер спектакля Александр Степанюк, – поскольку посвящен освобождению еврейского народа».

После спектакля певица Анна Смирнитская пела под гитару песни на идише; ее исполнение заслужило бурные аплодисменты публики. Танец со свечами показали девушки из ансамбля еврейского танца «Галей Кинерет» («Волны Кинерета»). Хореограф ансамбля Марина Рубина осталась очень довольна: «Мы рады выступить на ханукальном празднике в МЕОЦ. Не так уж часто нам предоставляется такая возможность».

В завершение праздника женщины получили в подарок наборы праздничного угощения и все вместе отправились в автобусах на Манежную площадь на торжественную церемонию зажигания большой ханукии.

À Áàñààà

ÒÀÍ ÓÈÀËÛÍ ÛÁ ÒÎ ÐËÁÑÒÀÀ Á Í ÁÐÌ È

24 декабря 2003 г. главный раввин России Берл Лазар и президент Федерации еврейских общин (ФЕО) СНГ Леви Леваев зажгли шестую ханукальную свечу на центральной площади Перми.

В честь этого события состоялся торжественный обед, на котором присутствовал губернатор Пермского края Юрий Трутнев. В своем выступлении он дал высокую оценку развитию еврейской жизни в регионе и подчеркнул, что видит в этом большие перспективы. В ответном слове раввин Берл Лазар отметил, что для города, где всего несколько лет назад практически не было еврейской жизни, такой прогресс очень важен. «Волнующими для меня явились встречи с местными евреями, – сказал он. – Я вижу, что они гордятся своим еврейством и стремятся жить в атмосфере теплой еврейской жизни». Главный раввин России подчеркнул, что наглядным свидетельством возвращения пермских евреев к своим корням служит успешная работа еврейской школы, в которой обучается 80 детей. «Нынешний наш визит в Пермь, – добавил он, – дает нам возможность сделать еще один огромный шаг вперед».

Президент ФЕО СНГ Леви Леваев и губернатор Юрий Трутнев договорились о том, что уже в самое ближайшее время в Перми начнется строительство еврейского общинного центра.

После торжественного обеда глава администрации края вместе с почетными гостями направились на центральную площадь города, где к тому времени уже собрались более пятисот человек. Раввин Берл Лазар, Леви Леваев и главный раввин Перми Залман Дайч зажгли ханукию. Вечером в одном из главных концертных залов города – ДК им. Свердлова – состоялся праздничный концерт.

Í. Òèè ìí

ВЕСЕЛАЯ ХАНУКА В КАЛИНИНГРАДЕ

После того как мэр Калининграда Ю.А. Савенко подписал постановление об установке в центре города ханукии и пожелал еврейской общине веселого праздника, началась подготовка к нему. Ученики еврейской школы «Ор Авнер» устроили выставку работ «Веселая менора» и под руководством главного режиссера общины Ольги Козловской подготовили праздничное представление.

Главным событием Хануки стал большой праздник, организованный еврейской общиной в одном из лучших залов города – Дворце культуры моряков, куда были приглашены представители областной администрации, мэрии, национально-культурных автономий региона, генеральные консулы аккредитованных в Калининграде консульств Литвы, Польши и Германии. В огромном зале Дворца не было свободных мест.

Вечер открыл главный раввин Калининграда и Калининградской области Давид Шведик. Он поздравил присутствовавших с праздником, рассказал о его истории и зажег ханукальные свечи. Потом выступили учащиеся еврейской школы «Ор Авнер» с танцевальными и песенными номерами. Программу продолжили руководители и самодеятельные коллективы национально-культурных автономий, представители администрации города и области, а также северо-западного отделения Еврейского агентства в России.

Настоящим сюрпризом стало выступление гостя из Кишинева лауреата Международного конкурса исполнителей еврейской песни им. Соломона Михоэлса Ефима Черного (приезд артиста стал возможным благодаря спонсорской помощи ФЕОР). В заключение первой части вечера председатель попечительского совета еврейской общины Калининграда Леонид Плитман вместе с раввином Давидом Шведиком раздали подарки детям, пришедшим на праздник.

Вторая часть прошла в фойе Дворца культуры, где были накрыты столы с традиционным ханукальным угощением. Играл ансамбль под управлением Рудольфа Тихмана. Праздник продолжался до глубокой ночи.

Отметили Хануку и в молодежном клубе, и в Идиш-клубе, и на вечернем семинаре по изучению Торы. Сотни еврейских семей Калининграда зажигали у себя дома ханукальные свечи.

Е. Адейкина

יְדֻאָאִי עֵי יוֹאֵ י אֲדִי דֵבֹוֹעַב אֲ אַבְרָמֵא

צֵא יִשְׂרָאֵלִים אֵלֶי אִי יְדֻאָאִי עֵא אֲ אֲדִי עֵי אֲ אֲבְרָמֵא עֵי עֵא «יֹד אֲבְרָמֵא» יֹד עֵא יִשְׂרָאֵלִים וְעֵי יְדֻאָאִי עֵא, יִשְׂרָאֵלִים וְעֵא אֲ אֲבְרָמֵא

Дети под руководством учащихся ешивы из Днепропетровска Акивы Дячишина и Шимона Чертока, засучив рукава, мастерили ханукальные волчки из гипса и натирали картофель для «латкес» – традиционных оладий. А пока угощение жарилось, ребята узнали много интересного об истории меноры и секретах производства оливкового масла; все это поведал Борух Островский – ученик Любавичской ешивы из Нью-Йорка. Дети с интересом наблюдали процесс получения масла из маслин, технология которого дошла до нас с древних времен, и увидели, как горит это масло в ханукальном светильнике. А затем, совершив благословение, отведали горячих «латкес» и раскрасили подсохшие волчки.

В тот же вечер юные посланники ешив провели ханукальный практикум и для другой брянской молодежи.

В Брянске впервые отмечали Хануку в центре города: на площади у Театра юного зрителя была установлена ханукия высотой 3,5 метра.

На большом экране демонстрировались кадры из жизни брянской общины и еврейской школы. Об истории Хануки рассказал ведущий праздника Анатолий Рудницкий. Дети читали стихи и пели песни. О символике праздника и его значении для всех евреев говорил раввин Брянска и Брянской области Ицхак Ройтман. Он зачитал приветствие

главного раввина России Берла Лазара. А о том, как важно хранить в глубине души своей чистоту веры, поведал председатель еврейской религиозной общины Николай Ривкин. «Дошедшая до нас древняя легенда учит, что маленький огонек способен рассеять большую тьму», – с этими словами обратился к собравшимся руководитель общественной приемной полпреда президента в Центральном федеральном округе Валерий Скидан. Ему было предоставлено почетное право зажечь первый светильник Хануки.

Потом был шумный, разноцветный и красивый фейерверк, угощение в фойе театра, где всем желающим были предложены неперменные «латкес». Люди пели национальные песни, поздравляли друг друга, передавали приветы от тех, кто не смог прийти, и долго не хотели расходиться.

וְ דֵבֹוֹעַב

«עֵי יֹד אֲ אֲבְרָמֵא» – עֵי יֹד אֲ אֲבְרָמֵא

Федерация еврейских общин СНГ совместно с организацией «Хай Лайфлайн», специально созданной для работы с ребятами, больными раком, приглашает страдающих онкологическими заболеваниями еврейских детей из стран бывшего Советского Союза отдохнуть в августе 2004 года в оздоровительно-развлекательном лагере «Кэмп Симха», что находится в городе Глен-Спрей штат Нью-Йорк, в США.

Лагерь «Кэмп Симха», созданный в 1987 году, организует две смены для детей из Северной Америки, Израиля и Европы. Расходы на проезд до лагеря будут оплачены. Заявки необходимо сдать до 1 апреля 2004 г. За справками обращайтесь в офис ФЕО СНГ по тел. (095) 783 8472 или по электронной почте olga@fjc.ru.

Более подробную информацию об организации «Хай Лайфлайн» можно получить по адресу www.chailifeline.org.

ÀÈÐÒÓÀÈÛÍ ÛÁ Í Î Î ÑÒÈ ÈÀØÐÓÒÀ

Открылась интернет-рассылка новостей «кошерного мира» стран СНГ. На свой электронный адрес теперь можно периодически получать новости о продуктах, кошерность которых проверена раввином Донбасса Пинхасом Вышецким – председателем Всеукраинского комитета по кашруту (ВКК). По электронной почте можно также получить ответы на все интересующие вас вопросы, связанные с кошерными продуктами (их приобретением, получением сертификатов кошерности); вам компетентно ответит координатор ВКК раввин Арье Спектор. Рассылку ведет Александр Шейнкер.

Подписаться и посмотреть архив информационных выпусков можно по электронному адресу: <http://yevreyskiy.narod.ru/kashrut>

Î. Ðíéðáááã

Î È Í Î Á Â Ã Ä Å Æ Ñ Ò Ó È Ð Ñ Í Î

Óáááðáóèÿ ááðáèíèéð íáíèí ÑÍÁ ðçááð ïíáð áíæíÿí-íð ááðèð ðèéðà www.fjc.ru, èíðíðáÿ íðèðáð íèíí á ï èð ááðáèíèéð íáíèí ðððáí ðáðáèíèéð èàé äèÿ ááðáá çáíááá, òáé è äèÿ ðáçèè-íúð ï ííèðíðèíááíð íðáíèçàðèé, áíèí àòáèííí ðèááÿíèéð çà ðááíðèÿí è íà òáððèðíðèé áíáðáá Ñíáððèííá Ñíðçà

Вскоре планируется открытие и русскоязычной версии сайта. И тогда каждый желающий сможет узнать последние новости еврейских общин (а их более 420) из 15 стран, познакомиться с деятельностью департаментов Федерации, получить списки организаций и фамилии раввинов, действующих в разных городах, а также другую нужную информацию. На сайте будут фотогалереи с сюжетами из жизни общин. И хотя работа по сбору и обработке информации еще продолжается, уже сейчас можно принять участие в виртуальной экскурсии по Московскому еврейскому общинному центру в Марьиной роще.

À. Ðááíðíèéíáí

ТАК НА РОДУ НАПИСАНО...

5 ааеаау 2003 ааа иіеіааеіа ееоаі, ааеіаауіеа іде аааеіеа іаіеіаа Ііаі-ааеаіеа е Оааіаіаі, ііаіеае аеаеа «І аааеаа іа ііаіаіеа». А Ііаі-ааеаіеа ііаіеаеа іаіеа іаіаа аеу аааеіеа і іеіааеа, ііаіаіаііуе еііаіеа ііаіаіеу еііаеаа І аааіаіеа іаіаіа і еаа, е аіааа-а ііаааіеаа І ааеае Аеіаіаіаіеа.

«Это первый совместный проект двух молодежных организаций, – пояснила одна из лидеров еврейского молодежного клуба Новочеркаска Ольга Неронова. – Мы хотим, чтобы нынешняя еврейская молодежь знала о людях, которые, рискуя жизнью, спасали евреев в годы фашистской оккупации. Активисты нашего клуба разыскали одну из таких героинь – Марию Аксентову, подготовили и передали документы в иерусалимский институт Яд ва-Шем, а минувшим летом она была официально признана Праведницей народов мира».

На семинар и встречу с Марией Аксентовой собрались более сорока человек. «О подвиге Марии Григорьевны мы узнали случайно, – рассказала собравшимся Ольга Неронова. – Как-то в разговоре с пожилой еврейкой проскользнуло упоминание о женщине, спасшей в годы Великой Отечественной войны еврейскую семью. Мы заинтересовались, начали опрашивать новочеркасских старожилов, просматривать архивные документы. После нескольких месяцев поисков выяснили, что это были Аксентовы: в 1942 году семья из города Армавира, что в Краснодарском крае, прятала от врагов трех евреев. А после войны Мария Григорьевна Аксентова переехала в Новочеркасск. Мы рады, что подвиг Марии Григорьевны отмечен и она удостоена высокого звания».

События далекого 42-го года Мария Аксентова помнит отчетливо. Более трех месяцев они прятали в своем подвале соседей – семью Камерштейн. Страху натерпелись немало: ведь фашисты в любую минуту могли найти замаскированный вход в подвал, особенно во время обысков. Затем удалось добыть для Камерштейнов документы с русскими фамилиями.

«Самая младшая из Камерштейнов, Надежда, жива и сейчас. Уехала в Израиль, долгие годы работала в Тель-Авиве в органах социальной защиты. Пишет мне письма, присылает фотографии детей и внуков», – с гордостью говорит Мария Григорьевна, показывая обступившим ее слушателям фотографии из Израиля.

По словам Марии Аксентовой, в ней течет украинская и армянская кровь. Из некогда большой семьи она осталась одна. Но одинокой себя не чувствует: ведь в последние годы у нее появились 220 родственников – ровно столько, сколько евреев объединяет новочеркасская община. Мария Григорьевна посещает почти все еврейские мероприятия, душой болеет за благополучие общины. Окружающие говорят: «Видно, ей на роду написано заботиться о евреях».

Вскоре состоится еще одна подобная встреча, теперь уже в Таганроге, и с другим Праведником народов мира – Игорем Полугородником.

Н. Еааіаіеау

– Когда мы брали интервью у людей, переживших Холокост, или использовали материалы американского фонда исторических документов «Пережившие Шоа», нас потрясло не то, что творили фашисты. Поразило, что Холокост во многом был делом рук соседей, которые жили рядом и которым евреи одалживали хлеб; соседей, у жен и дочерей которых еврейские врачи принимали роды. Когда враг приходит из другой страны – это одно, но когда он «свой», земляк – это другое и это страшно!

Работать над этим фильмом было невероятно тяжело. На нас с женой – сценаристом, помогавшей мне отбирать материал, вести интервью, делать монтаж, пришлось чудовищная психическая нагрузка.

– А что было приятным?

– Я благодарен Первому каналу телевидения, который не только показал этот тяжелый фильм в лучшее время, но и давал его рекламные анонсы.

– Вы собираетесь вернуться к еврейской тематике?

К теме Холокоста – нет. Это очень тяжело, и если уж обращаешься к этой проблеме, то надо обязательно сказать нечто новое, что сложно. Я считаю: еврейскому народу нужен позитив. Хотя забывать о прошедшем нельзя, надо жить будущим.

А к еврейской тематике, возможно, еще вернусь. Есть несколько интересных сюжетов, которые хотелось бы осуществить. Один из них – о еврейской семье; действие начинается в 20-е годы. В рассказываемой истории есть немного от Шагала, немного от Шолом-Алейхема. В одной из ключевых сцен эмигрант, разговаривая с Б-гом, спрашивает: «Почему с нами это произошло и почему мы при этом называемся избранным народом?» Хотелось бы дать ответ на эти вопросы и сделать поэтическую картину в стилистике, в которой работал наш замечательный режиссер Сергей Параджанов.

Андрей Гайдар

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יִשְׂרָאֵל וְיִשְׂרָאֵל אֱלֹהֵינוּ

Главный раввин Нижнего Новгорода Шимон Бергман и председатель еврейской общины Михаил Чапрак встретились с губернатором Нижегородской области Геннадием Ходыревым и мэром Нижнего Новгорода Вадимом Булавиновым. Встреча прошла в обстановке взаимопонимания. Еврейская община заручилась поддержкой первых лиц области и города в реализации важных для общины проектов, о передаче в ее собственность здания школы «Ор Авнер» и создании общинного центра, где под одной крышей соберутся все еврейские организации.

י. זעסן אר

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יִשְׂרָאֵל וְיִשְׂרָאֵל אֱלֹהֵינוּ

Председатель еврейской общины Сочи Исаак Шварцбург и городской раввин Ари Эделькопф нанесли визит председателю городского собрания Валерию Подповетному.

Стороны обсудили планы строительства синагоги и сочинского общинного центра, в котором планируется разместить воскресную школу, компьютерный, женский и молодежный клубы, кошерную столовую и библиотеку. Раввин подчеркнул что Сочи – городу с активной и многочисленной еврейской общиной, синагога необходима: у сочинских евреев должно быть место, где они могли бы собраться для молитвы, отметить праздники и другие важные события. Председатель городского собрания с пониманием отнесся к проблеме и обещал свое содействие.

Эти же проблемы стояли в центре беседы, состоявшейся во время краткого визита в Сочи в конце декабря 2003 года исполнительного вице-президента Федерации еврейских общин России Александра Бороды и представителя администрации президента России Андрея Бусыгина; в беседе участвовал и мэр города Леонид Мостовой. Конкретно речь шла о предоставлении еврейской общине земельного участка для строительства необходимых зданий. Без решения этой важнейшей проблемы невозможен подъем национального и культурного самосознания сочинских евреев.

י. זעסן אר

א. דאָס אַרבעט

אַסאַעִי תִּיִיִעִי אִיִעִא עִוִיעִבִאִי וִוִיִנִוּ - יִוִוּ עִי דִיִוִאִוִאִי עִפִּ דִיִנִנִעִ

30 декабря главный раввин России Берл Лазар был приглашен на торжественный прием, данный президентом России Владимиром Путиным в Кремле в честь новогоднего праздника, а накануне, 29 декабря, – на праздничный прием мэра Москвы Юрия Лужкова в Гостином дворе.

Раввин Берл Лазар отметил, что участие представителей разных конфессий России в праздничных мероприятиях такого уровня демонстрирует особое значение, которое придают власти контактам с видными религиозными деятелями. «И мэр Москвы, и президент говорили о том, что стране предстоит пройти еще много преобразований, – отметил главный раввин России, – и религиозные лидеры играют большую роль в формировании демократического общества».

Раввин Берл Лазар отметил также, что в многонациональной России уважительное отношение власти к представителям разных конфессий и уважительные отношения этих конфессий между собой имеют первостепенное значение для полноценного развития страны и общества, для становления его морали и духовных ценностей.

«Замечательно, что торжественную церемонию зажжения ханукальных свечей на Манежной площади в Москве я проводил вместе с мэром Москвы Юрием Лужковым, – отметил он далее, – и это событие имело большое значение для всей еврейской диаспоры. Я думаю, что в канун Нового года самое главное – не отчет о прошедшем, а принятие решений на будущее. Сегодня я вижу решение наших проблем в укреплении взаимопонимания, толерантности и любви между всеми людьми, это единственный путь к процветанию России».

NEWSru

עִאִוִו עִי תִיִנִוּוִעִוִעִאִי וִאִ יִאִבִאִאִיִאִי דִוּ

16 декабря 2003 года в еврейской общине Ростова-на-Дону состоялась встреча представителя администрации президента России с вице-президентом ФЕОР Александром Бородой. Предстояло выработать решение о передаче в собственность общины зданий бывшей Хоральной синагоги и еврейского училища «Талмуд-Тора», которые были национализированы в 30-е годы прошлого века. Сейчас здесь размещаются детская спортивная школа, медицинское училище и областной кожно-венерологический диспансер. В результате прошедших переговоров областная администрация приняла решение о передаче в июне 2004 года помещений, некогда занимаемых еврейским училищем, ростовской еврейской религиозной общине.

В здании планируется разместить общеобразовательную школу «Ор Авнер», которая пока работает на арендуемых площадках. Вскоре начнется строительство нового здания для медицинского учреждения; по окончании работ здание Хоральной синагоги освободится и будет возвращено общине.

На базе детской областной клинической больницы планируется развернуть реализацию первого крупного совместного проекта еврейских организаций Ростова-на-Дону и администрации города; проект называется «Детская инициатива», он адресован детям-инвалидам.

Председатель ростовской еврейской религиозной общины Юрий Рубинов и раввин Хаим Фридман оценили результаты переговоров как большой шаг вперед в развитии конструктивных взаимоотношений руководства области с одной из крупнейших еврейских общин Юга России.

ע. יִאִבִאִיִ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ וְעַתָּה

Подводя итоги минувшего 2003 года, глава департамента по связям с общественностью Федерации еврейских общин России Борух Горин отметил, что истекший год прошел в спокойной рабочей обстановке, и обозначил несколько основных направлений в развитии российской еврейской общины, где достигнуты особенно заметные результаты. Он обратил особое внимание на существенное увеличение количества так называемых раввинских городов: раввины впервые приступили к работе в Астрахани, Биробиджане, Владивостоке, Хабаровске, Иркутске, Кемерово, Краснодаре, Курске, Сызрани, Тольятти.

«В основном это русскоязычные раввины, – сказал он, – и поэтому им легче общаться с окружающими». Борух Горин подчеркнул, что уже сейчас порог числа евреев в «раввинских городах» снижен с десяти до трех тысяч, а в будущем можно ожидать дальнейшего снижения, до тысячи – полутора тысяч человек. В 2003 году началась реализация многих общинных программ, таких, например, как снабжение общин литературой и проведение межобщинных семинаров. Успешно идет строительство общинных центров в Новосибирске и Хабаровске. Была также разработана методология работы в новообразованных еврейских общинах.

Кроме того, отметил Б. Горин, «этот год стал годом диалога и партнерства с властями всех уровней – от региональных и местных до администрации президента России».

С. Чарный

ДИАЛОГ РАВВИНОВ БУДЕТ ПРОДОЛЖЕН

Главный раввин Украины Азриел Хайкин в ходе своего визита в Израиль встретился 8 января с духовным лидером движения ШАС раввином ОвадьеЙ Йосефом. В ходе встречи обсуждались вопросы развития еврейской жизни в странах СНГ. Раввин Йосеф заявил, что рад воспользоваться возможностью благословить всех посланников Хабада в СНГ. Он также выразил свое намерение продолжить начатый диалог во время следующего визита раввина Хайкина в Израиль.

י. דינור

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ וְעַתָּה יְהוָה אֱלֹהֵינוּ וְעַתָּה יְהוָה אֱלֹהֵינוּ וְעַתָּה

Состоялась встреча председателя Бакинской еврейской религиозной общины «Хабад-Любавич – Ор Авнер» раввина Меира Брука с Чрезвычайным и Полномочным Послом Федеративной Республики Германии в Азербайджане Клаусом Гревлихом. Она обозначила новые контуры сотрудничества двух стран в области образования и науки.

Меир Брук рассказал о деятельности БЕРО на территории Азербайджана и выразил надежду на то, что деловое сотрудничество, основанное, в частности, на высоком научном и педагогическом потенциале Германии, будет полезным для учащихся учебного комплекса «Хабад – Ор Авнер», которые хотели бы познакомиться с историей и культурой немецкого народа, с его языком.

Клаус Гревлих отметил, что среди корифеев немецкой науки есть ученые еврейской национальности, внесшие большой вклад в развитие научной мысли не только Германии, но и всего мира.

В. Абасагаева

נְוָאָה יִיִנְעֵאִי עֵעִיָא עֶפֶאָאָעֶ נְעִיָאִי אָאֶעֶאִי עֶב

Съезд посланников Любавичского движения, работающих в СНГ и странах Балтии, состоялся в Израиле в январе нынешнего года и собрал более 800 делегатов. В течение трех дней в гостинице «Краун Плаза» на берегу Мертвого моря проходили встречи и консультации, лекции по организации еврейской общинной жизни и еврейского образования в «раввинских городах».

Целью съезда стало знакомство недавно приступивших к работе раввинов со «старожилами» еврейской религиозной жизни, обмен опытом управления еврейской общиной и возрождения еврейской жизни в странах, где еще сравнительно недавно люди были вынуждены скрывать свое еврейство.

В завершение съезда состоялось пленарное заседание раввинов-посланников, в котором приняли участие главный ашкеназский раввин Израиля Йона Мецгер, главный раввин России Берл Лазар, главный раввин Украины Азриел Хайкин, президент Федерации еврейских общин СНГ (и владелец гостиницы «Краун Плаза», входящей в международную компанию «Африка-Израэль») Леви Леваев.

Выступая перед собравшимися раввинами и их супругами, Леви Леваев отметил, что, хоть процесс возрождения еврейской жизни в СНГ находится еще в самом начале, уже заметен огромный прогресс, дающий надежду на серьезные успехи в будущем. «Тысячи еврейских детей ходят в еврейские школы, изучают еврейскую традицию и разбираются в Танахе не хуже, чем дети в Израиле, – сказал он. – Но не стоит обольщаться и останавливаться на достигнутом. Наша цель - донести до каждого еврея веру его отцов, вернуть его к еврейству».

По мнению многих посланников, принявших участие в форуме, работа съезда дала мощный импульс для продолжения работы по возрождению еврейской жизни в государствах на территории бывшего СССР.

Руководитель пресс-службы ФЕОР Борух Горин, комментируя итоги съезда, отметил: «Съезд посланников показал, что еврейская жизнь в странах СНГ находится на подъеме. В целом мы довольны достигнутыми результатами: за прошедший период открыты новые школы, новые синагоги, существенно расширилась география еврейских общин. И что самое главное – все больше людей возвращаются к еврейству, осознают себя евреями и стараются дать своим детям еврейское воспитание. Это ставит перед нами большие и серьезные задачи; из докладов на съезде стало ясно, что в ближайшем году работать нам предстоит гораздо больше, чем мы работали прежде».

י. אֶעֶי אִי

«СІ ЕІ ОАВ ОАІ ОЕЕВ»

17 ааеааау 2003 ааа а Арпееуаааа аеа-еііаааіі а «Нааіе оаааа» іоеаіеуу І І аеааіааіаіуе еііеааіі е оаіоаеаеу аааеіаа еііеааііаа «Сіеіоау оаі оеу», іоаіеааіаіуе Аааі еаі іуі еііаааііі оаіеіуаі-ііа аааеіаа (АЕЕА).

В концерте приняли участие как признанные звезды, так и совсем юные, начинающие исполнители. Объединяла же этих талантливых людей из разных стран мира любовь к искусству и принадлежность к русскоязычному еврейству.

Отрадно, что русским языком в той или иной мере владели все лауреаты «Золотой ханукии», даже те, кто родился вдали от России.

На фестивале было много интересных, запоминающихся выступлений. О некоторых – наш рассказ далее.

Лауреатом международной «Золотой ханукии» стал Марат Нудель из Краматорска.

Обладателем первой премии в номинации «Детское и юношеское творчество» оказалась шоу-группа из Нью-Йорка «M-Generation».

19 декабря праздничным гала-концертом в Берлине фестиваль еврейского искусства «Золотая ханукия» завершился.

Іеіеі оаіуу-е оеааеіе іаааеііі а еііаааііі аеа «Оаіеу», оіау аааіаааіі ііааеааеуу іоіа іа еі аруаа іааеіаа еііеааіі. І а іааіа іаііе еу ео-еае еііаааііі іеііааіе іоіеааі Аааі аіе е а іоіо аа-аа аіе аіаііааі іеі аіе оаіоаеаеу - оааі аоаауу Сіеіоау оаі оеу, оеаааіау ааіі е е аеааіі е аеааіі е оаааі е. Аеааіуе ааааі іоаіоаеаеііаа Оаааа а Аааеіа Еааа Оаааі ііаеае о-ааііеаі еііаааі е ааааеаеуу оаіоаеаеуу іаіо а іаіае аааа іааі е оаіеі іауаіе Оаі оеу, іаааеау еі е іеааеаіуеа

Вышедшие на праздничную сцену маститые и совсем юные артисты как бы связали невидимой нитью русскоязычную еврейскую аудиторию в зале с «русскими» евреями из Израиля, Америки, России, Украины и многих других стран. В зале царил атмосфера единения и общности. Все чувствовали себя так, словно были в кругу близких друзей. Выступавших подолгу не отпускали со сцены. Рассчитанный на четыре часа, концерт завершился далеко за полночь.

Своими впечатлениями о концертах поделился исполнительный директор Всемирного конгресса русскоязычного еврейства Валерий Энгель:

«Все выступавшие на гала-концертах в Берлине и Дюссельдорфе приехали из разных стран, но при этом все они находятся в орбите еврейских традиций и еврейской культуры, говорят по-русски, им близко то, чем живем и мы. И это нас сближало. Важным было и то, что на сцене преобладали юные лица. И я думаю, этим фестиваль доказал свое право на существование – ведь будущее всегда за молодыми.

Если мы сумели в Германии собрать на сцене столько молодых звезд и столько публики в залах, то это говорит о том, что интерес к фестивалю и нашей культуре существует. Однако фестивальные гала-концерты не самоцель. Искусство, как ничто другое, объединяет людей, еврейское же искусство особенно объединяет евреев. Фестиваль “Золотая ханукия” – еще одна наша акция, направленная на приобщение евреев к национальной культуре и их объединение посредством культуры. Во что выльется фестиваль, пока трудно сказать: нам еще предстоит осмыслить это значительное событие. Я думаю, у фестиваля большое будущее».

Отмечая высокий уровень организации фестиваля, председатель координационного совета ВКРЕ Михаил Немировский подчеркнул особые заслуги в этом «неутомимого двигателя» «Золотой ханукии» – исполнительного директора Европейского бюро ВКРЕ Ларисы Сысоевой, заместителя председателя ВКРЕ Дмитрия Фельдмана и главного режиссера фестиваля, заслуженного деятеля искусств России, профессора Григория Кантора.

Свою идею на будущее высказал председатель международного жюри конкурса, народный артист СССР Иосиф Кобзон:

«Когда мы только приступили к рассмотрению материалов, поступивших на конкурс, я поразился высочайшему мастерству совсем безвестных или начинающих еврейских артистов. Их уровень на несколько порядков выше того, что мы вынуждены регулярно слышать по российскому радио, видеть на российской сцене и по телевидению. И мне подумалось: как было бы здорово, если бы часть “пространства” в эфире принадлежала еврейским талантам. Помочь их продвижению могла бы “Фабрика еврейских звезд”. Как реализовать эту идею, надо еще думать. Я обещаю, что буду всячески поддерживать “Золотую ханукию” и сотрудничать с ее организаторами».

Знакомимся с некоторыми участниками фестиваля

Шоу-группа «M-Generation» («Поколение Мошиаха»). В ней восемь голосистых мальчишек в возрасте от 6 до 12 лет, и среди них солист Ари – десятилетний школьник из Нью-Йорка. Группа была создана немногим более года назад под эгидой организации «Friends of Refugees of Eastern Europe». Концепция ее выступлений принадлежит музыкальному руководителю, уроженцу Челябинска, профессору из Нью-Йорка Борису Рукитеру – педагогу с 35-летним стажем, автору и аранжировщику большинства песен группы, адресованных русскоязычной еврейской молодежи с целью привлечь ее внимание к еврейским традициям и культуре.

Первое выступление «M-Generation» состоялось в прошлом году на Хануку; мальчики принимали участие в концерте, посвященном современной еврейской песне, в Бруклине и произвели настоящий фурор. Затем последовали приглашения к участию в концертах фестиваля «Наяны» и мероприятиях «Friends of Refugees of Eastern Europe». А недавно группа «M-Generation» приступила к записи своего первого компакт-диска, в который войдут 16 песен на русском и английском языках, идише и иврите. Но без сомнения, главным результатом года стала для мальчиков победа в конкурсе «Золотая ханукия». Кстати, участие в фестивальных концертах в Германии – их первые зарубежные гастроли.

16-летний Марат Нудель из украинского города Краматорска – уже состоявшаяся эстрадная звезда. На его счету – Гран-при международного конкурса «Кубок Евразии», первое место на международном фестивале «Боспорские Агоны» в Керчи и диплом VII Международного фестиваля еврейского детского и юношеского творчества «Зажги свечу!» С последнего фестиваля Марат привез и еще одну награду: школьный портфель с дарственной надписью, подаренный ему мэром Москвы Юрием Лужковым.

Имя Марата занесено в украинский банк данных одаренных детей. О его творчестве пишут журналисты и критики, утверждая, что Марат Нудель возродил сольный мужской танец. Талант, упорный труд и одержимость танцем (Марат говорит, что танцевать он может везде и всегда) отличают этого юношу. Специалисты считают, что он уже создал свой танцевальный стиль. В репертуаре Марата еврейские, русские, украинские и другие народные танцы. Его эмоциональность, техничность и выразительная пластика приводят публику в восторг.

Среди звезд фестиваля «Золотая ханукия» – израильский квартет «Camerata Academus Israel» в составе: Борис Костенецкий (контратенор), Анатолий Коган (флейта), Александр Шнейдерман (фортепиано) и Екатерина Мазо (певица).

Музыканты начали работать вместе в 1999 году. А через некоторое время у них родилась идея проекта «1000 лет еврейской музыки». В большую и сложную программу вошли «Три мелодии» XII века Овадии Прозелита, песни испанских евреев XIII – XIV веков, сюита «Еврейские танцы», составленная из фрагментов «Ганноверского сборника» 1774 года, произведения еврейских композиторов Дании, Италии, России, Польши, музыка современных израильских авторов. Этому уникальному проекту немногим более двух лет. Несмотря на то что квартет уже выступал в разных странах (на фестивале сефардских евреев в Испании и на фестивале имени Михоэlsa в Москве, был на гастролях в Аргентине, Голландии и Германии), знают о его творчестве пока немногие. Будем надеяться, что участие в фестивале «Золотая ханукия» расширит круг его поклонников. А пока ансамбль получил в торжественной обстановке специальный приз «За большой вклад в развитие еврейской музыки» оргкомитета «Золотой ханукии».

Е. Овэйко

יְהִי עֵנֹב אֲבוֹצֵה יְדֵי בֵּדָאָאֵי אַ

В конце декабря в Тбилиси состоялась встреча министра Грузии Зураба Жвания с посланником Любавичского движения Авроомом Михелишвили. Беседа продолжалась около часа и прошла в доверительной и теплой обстановке. Министр Грузии поведал раввину о том, что по канонам иудейской религии он считается евреем: фамилия его матери Гольдбаум, и дедушка служил старостой в синагоге. Стороны выразили надежду на плодотворное сотрудничество грузинской администрации с еврейской общиной.

י. זעסי אר

× זעלי יאי בוו יען-י דאצעאאי אא אאאאאאאאאא

דער גאנצער ארבעטער ארגאניזאציע דאצעאאי (אאאא) «אאאא-עראאע» - יד אאיא» - יינאעעע א אעו אעעפ יי-אוייא צאוידיאיע י ארעיאעעע אאאוו יא ייאעו אואאא י דאצעאאי אא אאאאאעאאי א אעאאא אעעאא

Председатель БЕРО раввин Меир Брук в интервью журналистам телекомпании «Срасе» сказал: «Наша община выражает соболезнования родным и близким покойного, а также всему азербайджанскому народу в связи с этой горькой и непоправимой утратой. Мы благодарны Гейдару Алиевичу Алиеву за то, что он ценил дружбу и хорошие взаимоотношения между народами, создал возможность открыть первую еврейскую школу в Азербайджане».

А. Аааааааааа

י יעעווא או ייאעעו אעו אאאא

15 אאאאאא 2003 אאא א אעו אעעע י אאאא אאא, א-וי יא ייעו אאאעיא אאאעעני יעיע אאאאא א-אעיאע א אאא אעעעיא אעו אעעע, א-ויא יי ייעו אאא יא ייאעע אעו אא אאא - יי ייאאאעו אאאאא נאאע י יעו אעעע אעע אאא אע אאאע י אעו אעעע אעעע, אאאע יע אאא אאאא אע אעו אעעע א-אע אע «וי אע וי יע יע». נא אע יאא יע אאא יאאאע י אאאע י יא יע יע אאא יי איעו אעעע.

В этот день (19 кислева) 205 лет назад Алтер Ребе был освобожден из Петропавловской крепости, где провел 53 дня. Хасиды во всем мире отмечают эту дату как «Новый год хасидизма». В своем выступлении главный раввин Украины отметил, что подобные встречи очень важны для развития еврейских традиций.

ААА

ΑΘΑΑΙ ΑΑΑΑΧΥΙ ΕΒ

Αγίασέε ίαεαπόίε αεαπδαδεοαεπυέ οίία «Ουγία-Οάαεα», Αγίαεαγ ίαεαπόίαγ ααδαεπαγ ίαυεία ε ίαυαπόαί «Οεδαεία-Εγδαεεπυ» ίδε ίγίααδαεεα πδίαεεε ε δαείίίυδ ααί είεπδαοεε ίδίαεε ίεοεία ίαίγυε ο ίαί ίδεαεα αεαδδαί δαεεεί α ία εαδδα «44 αεπ». Οδαοοίφ οάαί ίεφ ίοεδύε αί απεοεαεπυ ίδαπίααοαεγ Έαεείεπεία δαείίίία πάαοα Αεεοίδ Έοοίαδία

Шестьдесят два года назад в ненастные ноябрьские дни 1941 года фашистские оккупанты начали массовые акции по уничтожению мирных жителей. Стволы шахты стали братской могилой для 75 тысяч человек, в том числе около 25 тысяч евреев.

На митинг собралось много народа: члены еврейской общины, дети из Донецкой общеобразовательной еврейской школы «Ор Менахем», просто граждане; они пришли вспомнить или почтить память погибших – детей и стариков, мужчин и женщин, подростков. У многих из собравшихся в шурфах захоронены родные.

«В этих шурфах лежат десять человек из моей семьи, – сказал в своем выступлении Михаил Коган. – Будем бдительны, не допустим повторения трагедии». Едва сдерживая слезы, Рита Гуревич говорила о своей бабушке: седую старушку тоже бросили в этот колодец смерти... Слушать это страшно.

В память о погибших дети зажгли поминальные свечи, читали стихи. «Люди мира, будьте зорче вдвое», – пел ученик 7го класса еврейской школы Саша Зарахович. Стоящие у шурфа старики подхватили его песню; образовался сводный хор, призыв которого «Берегите мир!» набатом бил в сердца людей.

Полощется на воображаемом ветру каменное знамя монумента. Мы склоняем головы перед памятью погибших ни в чем не повинных людей, вспоминаем о том горе и тех жертвах, которые принесла война, и еще раз даем клятву приложить все силы, чтобы не допустить повторения Катастрофы.

Ω. Αεεεαδ

À Í Ó-ÈÀ Í ÁÑÍ Þ Í ÀÌ Í ÐÌÏÏË, ÁÁÑÁËÛË «ÐÓÁÓ»!

Áíííí áëù «Ðóáó» (áíí íáçááíëá íáðááíáëòííí ñ èáðëòà èáë «ááòáð») ðíáëëííí á áððíáá Áíëáëíëíí Áíëááðááíëíë íáëáíðë á 2000 áíáó íí-òë íáííáðáí áííí ñ ðááëíððáðëéé áíðíáíëíë ááðáëíëíë íáùëíú. Ë áíçëááëë áíííí áëù òíò æá :áëíáë, :òí íðááí èçíáë íáùëíú - Ááððë Õáðëíáíëë. Ó Ááððë Õáðëíáíëíá áííáíá í ííá íðíóáííëë: èíæáíáð, í óíùëáíò, ðááíáëíëë, íðáííáááððáëíëéáðëòá...

Áëááíááðý áíí òíëëëíí íáùëíá áíëáëíëëó ááðááí ñòáë :éáííí Óáááðáðëë ááðáëíëëó íáùëí Ðíííëë.

«Федерация очень помогает нам в организации гастролей «Руаха» по городам России, – рассказал Г. Тарловский. – Благодаря этим поездкам ансамбль уже известен далеко за пределами Волгоградской области. Мы выступали в еврейских общинах Астрахани, Тамбова, Майкопа, Горячего Ключа, Армавира, Ульяновска... После каждого выступления слушатели приглашают нас на новые гастроли. «Приезжайте к нам еще!» – просят они. Светлый Яр, например, «Руах» посетил уже дважды».

Весной 2002 года ансамбль принял участие во Всероссийском фестивале еврейской музыки, проходившем в Казани, где был удостоен почетного диплома.

Инструментальный состав ансамбля невелик: две скрипки, гитара-соло и бас-гитара. Но это не сказывается на качестве звучания. Оригинальность аранжировок и высокий уровень исполнительского мастерства позволяют слушателям наслаждаться богатством музыкальных красок. Гарри Тарловский вместе с артистом Волгоградского симфонического оркестра Алексеем Шапиро составляют великолепный скрипичный дуэт, а гитаристы, двоюродные братья Дмитриевы, не только аккомпанируют им, но и выразительно исполняют сольные партии.

Два года назад к ансамблю присоединилась вокалистка, обладательница нежного сопрано Галина Гридина – в прошлом хормейстер, а сейчас обозреватель одной из областных газет. Еврейские песни на идише и на иврите в ее исполнении превращаются в маленькие спектакли.

Основу репертуара «Руаха» составляет традиционная клейзмерская музыка, но на его концертах звучат и современные пьесы, и старинные канторские напевы в инструментальной обработке.

Благодаря выступлениям ансамбля, еврейской музыкой заинтересовались волжане и волгоградцы разных национальностей. Для многих эта музыка стала настоящим откровением, аудитория поклонников «Руаха» постоянно расширяется.

Ансамбль часто устраивает благотворительные музыкальные вечера. Сбор от одного из них передан вдовам ветеранов Великой Отечественной войны, сбор от другого поступил в фонд помощи Волжскому детскому реабилитационному центру «Вдохновение», опекающему подростков из неблагополучных семей. Телеверсию второго концерта неоднократно показывало Волгоградское телевидение.

Í. Ááëëëí

ÀÈÈÛÍ ÒÑ: ÕÀÍ ÓÈÀÈÛÍ ÛÈ ÍÀÍ Í Û ÇÀÈÈÀÀÀ Ì ÒÀÇÈÀÀÍ Ò ÑÒÐÀÍ Û

À òíðæàíðàíííé íàíðàííæà à òàí òðà èèðíàíéé òòíèèòù 22 àíèààðý àíèà çàææàí à ÷àò ààòòàý òàí óèàèÛÍ àý ñà:à

В церемонии принял участие президент Литвы Роландас Паксас. Он поздравил евреев Вильнюса с праздником, а затем раввин Шолом-Бер Крынский предложил президенту зажечь факел, от которого и возгорелись ханукальные огни.

Ý. Õèè àí

ÕÀÍ ÓÈÀÈÛÍ ÛÈ ÀÀ×ÀÐ À ÀÐÀÑÒÀ

×éàí ù èðíèéíéé ðèèèèíííé íàíèí ù Àðàíò à ñàðæèííí à òàí óèàèÛÍ ùé àà:àð à íàèàíðòíí Òààò ðà àðàí ù è í óííèè.

На праздник были приглашены исполнительный директор Объединения иудейских общин Беларуси Владимир Малинкин, многие уважаемые люди города и области, представители иностранных консульств, аккредитованных в Бресте. В праздничном представлении приняли участие вокальная группа под руководством Михаила Каплана и детские творческие коллективы общины. Затем собравшимся был представлен новый раввин Хаим Рабинович, который приехал с семьей из Израиля для работы в общинах Бреста и Кобрина. Ханукальные свечи зажег председатель Брестской иудейской религиозной общины Шломо Вайнштейн. После этого концерт продолжила вокально-инструментальная группа «Шалом» под руководством Бориса Идельчика и композитор Измаил Капланов. Сюрпризом для всех стал розыгрыш праздничной лотереи, вручение ценных призов и подарков.

À. Í àçíýé

КАК ОДЕССА ВСТРЕТИЛА ХАНУКУ

Праздничный концерт, названный «Освети мир» и посвященный Хануке, состоялся в одном из лучших концертных залов Одессы – Доме культуры политехнического университета.

На праздник съехались сотни людей разного возраста со всех концов города и области. Концерт был организован городской еврейской общиной «Шомрей Шабос». С праздником света собравшихся поздравили главный раввин Одессы и Юга Украины Авроом Вольф, второй секретарь посольства Израиля на Украине, директор Израильского культурного центра в Одессе Макс Шенкерман, директор школьного объединения «Хабад» Яков Шостак. В концерте и ханукальном спектакле приняли участие воспитанники одесского еврейского учебно-воспитательного объединения «Хабад». Юных артистов публика принимала с восторгом.

À. Àâéíøðâéí

×ÀÐÍÈÁÍÁ: ÕÀÍÕÈÀÈÛÍ ÛÉÑÍÀÈÕÀÈÈÛÍ ÎÍÈØÀÁÍÍÌ ÎÍÈ×ÈÁ

У здания Черниговского академического украинского музыкально-драматического театра имени Т.Г. Шевченко 21 декабря 2003 года было многолюдно: это черниговские евреи пришли на праздник. Один за другим подъезжали автобусы из районов области.

Зал с вниманием слушал поздравления и благословения главного раввина города Якова Музыканта. Ученики и учителя еврейской школы показали спектакль «Волшебный севион», потом выступили ансамбль клейзмерской музыки и мужской хор «Голден менес».

Fjs.ru

עֵדוּת אֵלֹהִים: אֵלֹהֵינוּ נִיאֵוֹאֵעֵזֶה אַחֲנוּן וְאֵלֹהֵינוּ

Уже стало традицией, что еврейская школа «Ор Авнер» ежегодно на Хануку выступает в Хоральной синагоге города. Нынешний год – не исключение.

Ученики поведали со сцены о чуде, случившемся на Хануку, разыграв яркое, зрелищное представление с песнями и танцами. Зал на пятьсот мест не смог вместить всех желающих. К собравшимся с поздравительной речью обратился главный раввин Кировограда Дан Закута. Юных артистов приветствовал директор «Хэседа Шломо» Виталий Кахнов.

Каждый из ребят получил подарок от бывших земляков, ныне проживающих в США.

Fjs.ru

וְאֵלֹהֵינוּ וְאֵלֹהֵינוּ אֵלֹהֵינוּ וְאֵלֹהֵינוּ

Интересным и незабываемым стал третий день Хануки в украинской Белой Церкви. На празднование Хануки прибыли многочисленные гости из нескольких городов Киевской области: Сквиры, Ставища, Фастова, Кагарлыка, Переяслав-Хмельницкого, Таращи, Боярки и других.

Праздничный концерт был подготовлен совместными усилиями представителей еврейской общины города, еврейского учебно-воспитательного комплекса «Ор Авнер», Израильского культурного центра и Еврейского агентства «Сохнут» на Украине. В торжественно украшенном зале Дома культуры «Сельмаш» собралось около шестисот человек. Вечер начался с краткого рассказа о празднике Ханука, а затем был показан видеофильм «Об истории Хануки». В торжественной обстановке прошла церемония зажжения ханукальных огней. Главный раввин города Меир Гольцберг поздравил евреев с праздником. Он отметил, что Ханука – это не только история: символ победы евреев над греками, произошедшей более двух тысяч лет назад, – она актуальна и сегодня, являя собой знак нашей победы в деле возвращения евреев к своим корням, к своим традициям.

На церемонии выступили авторитетные люди: председатель Белоцерковского общества еврейской культуры им. Шолом-Алейхема и еврейской общины города Харитон Берман, посланник Еврейского агентства «Сохнут» Яффик Зарка, координатор Израильского культурного центра Светлана Занько, директор еврейского учебно-воспитательного комплекса «Ор Авнер» Нателла Андриющенко. Прозвучала также аудиозапись поздравления с праздником посла Израиля на Украине госпожи Наоми Бен-Ами.

В программу концерта входили: выступление детского хора еврейской школы «Ор Авнер» (который впервые исполнил гимн школы, созданный педагогами Ольгой Бевзюк и Татьяной Киришун), игра на баяне (ее продемонстрировал ученик 8 класса Женя Усенко), песни и танцы (в исполнении ансамблей мальчиков «Рикуд симха» и девочек «Кохавим»), выступления школьников 1–3 классов, спевших несколько песен, танец малышек из детского сада. Ханукальную композицию представил народный еврейский самодеятельный театр «Гутэ фрайнт» под руководством Александры Векслер. Тепло было встречено виртуозное трио музыкантов, наигравших попури из еврейских песен. И конечно же, завершали праздник традиционные пончики-«суфганиот».

Хануку в Белой Церкви отметили и члены молодежного женского клуба «Атерет Хая-Мушка» под председательством Брохи Гольцберг. Каждая участница встречи зажигала свечу и рассказывала, что означает свет в ее жизни. Все отведали и традиционные ханукальные угощения.

י. ארזובוביץ

А́ А́ А́ ДИ́ А́ ДИ́ А́ НЕ́ А́ О́ А́ О́ О́ Т О́ А́ А́ Е́ Е́ Н О́ А В, Е́ И́ Е́ А́ А́

**А́а-а́ди́ о́дди́и́и́ а́й о́а́и́е́ а́ А́а́и́а́о́ди́а́и́и́ о́а́а́о́а́ и́а́ди́ е́ а́а́а́о́а́ и́и́о́у́е́и́у́
о́а́и́е́а́е́и́и́и́е́ е́и́и́о́а́о́, а́и́о́ди́е́о́а́а́и́ е́íóíd́íа́ а́и́и́óíéé о́у́а́ íd́áíéáóéé: А́а́и́а́о́ди́а́и́а́у́
а́а́а́éíáу́ íáúéíá íóáííóááéóáéííóáí а́а́áéíéíá d́áííóááéóáéííá éííéóáóá «А́а́éíó» íá
óéd́áéíá, Е́ód́áéííééé éóéííód́ííé óáí ód́, а́íа́и́а́о́ди́а́и́éé óéééáé А́а́áéíéíá а́а́í óíóá «Ńíóíó».**

На представление собрались евреи со всего города; зал был переполнен, и даже в проходах стояли люди. Перед началом концерта управляющий делами Днепрпетровской еврейской общины Александр Фридкис зажег ханукию, а затем перед гостями выступили руководители организаций, участвовавших в создании праздника. Приветственное слово произнес также депутат Верховной Рады Украины Сергей Бычков, который отметил особую роль евреев в жизни Днепрпетровска и всей Украины и выразил надежду, что возрождающаяся еврейская община будет и далее плодотворно участвовать в построении на Украине демократического государства.

Ну а сам концерт покори́л всех зрителей. Высокий профессионализм выступавших коллективов, умелая режиссура, световые эффекты – все это создало атмосферу праздника, радости и веселья. После концерта прямо в фойе театра состоялась праздничная дискотека, организованная молодежным кубом «Гилель» общинного центра Днепрпетровска.

Особое внимание в праздничные ханукальные дни традиционно было уделено детям, причем разного возраста. На второй день Хануки, в том же Театре оперы и балета прошел праздник для самых маленьких, организованный Еврейским общинным центром и Израильским культурным центром. Программа была разнообразной: ведь малыши не должны были скучать ни секунды! Как только дети вместе с родителями, бабушками и дедушками поднялись в просторный холл театра, их всех сразу же захватил круговорот конкурсов и соревнований, танцев и песен. Ну а потом началось представление. А еще всех ждала премьера: на сцену впервые вышел новый коллектив Израильского культурного центра – театр «Керен»; совсем юные артисты представили историю праздника Ханука.

А затем снова действие перенеслось в холл театра; здесь каждый мог показать, на что он способен. Путешествие по «ханукальным станциям», в программу которого была, в частности, включена увлекательная компьютерная игра «Кто украл Хануку?», стало достойным завершением трехчасового праздника.

22 декабря 2003 года, на третий день ханукальных праздников, в Доме для пожилых людей «Бейт Барух» при днепрпетровской еврейской общине открылась синагога, в которую был внесен новый Свиток Торы; его подарил президент днепрпетровской еврейской общины Геннадий Боголюбов. В зимнем саду «Бейт Барух» собрались не только жители Дома, для которых это событие означало возвращение к ушедшим временам, но и раввины ряда городов региона, члены попечительского совета общины и учащиеся ешивы. Под аплодисменты присутствовавших было завершено написание последних букв Свитка, после чего президент общины и главный раввин Днепрпетровска Шмуэл Каминецкий внесли Свиток Торы в новую просторную и светлую синагогу.

А́. А́éííáód́í А́. А́íd́íáéí

אִתְּאָוֶה יְדַאֲרֵי אוֹרֵי הַשֵּׁנִי

Зажигание ханукальной меноры в центре Донецка

Торжественное зажигание третьей ханукальной свечи на девятиметровом ханукальном светильнике, установленном на центральной площади города, состоялось в Донецке 21 декабря.

Собравшихся приветствовал главный раввин Донбаса Пинхас Вышецкий. Он поздравил всех с Ханукой и рассказал об истории и традициях этого светлого праздника. Зажигательные национальные танцы способствовали созданию необыкновенно радостной атмосферы единения.

Затем в драматическом театре состоялся большой праздничный концерт. На сцене выступали коллективы донецкой еврейской школы «Ор Менахем», хор мальчиков «Пирхей Донецк» и танцевальный ансамбль девочек «Симха». «Изюминкой» вечера стал сюрприз, подготовленный самыми маленькими участниками концерта: из сундука один за другим стали появляться герои Хануки: Антиох, Иеуда Макабби, а также кувшинчик с маслом, «севивон» и ханукия. Юные артисты напомнили зрителям о событиях тех далеких лет, когда зародился праздник.

Концерт был подготовлен Донецкой областной еврейской общиной и представительством Еврейского агентства «Сохнут».

В заключение вечера главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий пожелал всем евреям донецкой общины не останавливаться на достигнутых успехах.

ע. יעקובי

אָדעאַננען: י אָדאַב אויף זעעב אַ אויף אַ אַי די אַא

Вручение раввином Черкасс Довом Аксельродом губернатору Черкасской области В. Лушенко серебряной ханукии.

17 декабря 2003 г. губернатор Черкасской области Валерий Лушенко принял главного раввина Черкасс Дова Аксельрода. В ходе встречи обсуждалась подготовка к предстоящему празднику Ханука.

Раввин Аксельрод рассказал об истории Хануки и значении этого праздника для еврейского народа. Он подарил главе областной администрации серебряную ханукию в знак благодарности за сотрудничество с общиной и, в частности, за помощь в предоставлении помещения для еврейского детского сада.

В этом году впервые на одной из центральных площадей Черкасс была установлена ханукия. В городе прошел праздничный концерт и торжественное зажигание ханукальной меноры.

י. די אָדאַ

ΕΘΑΑΙ ΝΕ Ε ΕΘΑΑΙ ΝΕΑΒ ΙΑΕΑΝΟΥ: ΟΑΕΑΒΑΑΒΕ ΙΑΑ ΑΓΒΙΑΙ Ι Α ΧΑΝΟΥ ΟΑΙ ΟΕΕ

Вот уже пятый год луганские евреи зажигают ханукию в центре города. С каждым годом на эту церемонию приходит все больше народа и не только евреев.

В этом году вместе с главным раввином Луганска и Луганской области Шоломом Гопиным праздничные свечи зажигал первый заместитель городского головы Г.В. Мельников. Затем на площади звучала веселая еврейская музыка и последовало традиционное для Хануки угощение: пончики-«суфганиот». Потом всех ждал сюрприз: разноцветный, красивый праздничный фейерверк.

В городе Рубежный Луганской области на Хануку в банкетном зале вниманию собравшихся была представлена детьми и взрослыми литературно-музыкальная композиция, подготовленная на тему восстания Хасмонеев.

Праздничная трапеза, конкурс на лучший ханукальный пончик, раздача «хануке гелт» детям, викторины, песни и танцы – это неполный перечень пунктов программы веселого праздника, продолжавшегося до позднего вечера.

На следующий день практически все члены общины «Шалом» собрались на площади Труда для зажигания третьей ханукальной свечи. Вокруг ханукии было около 200 человек – евреев и неевреев. Общину тепло приветствовали представители городской администрации.

Евг.м.А. х, őúé

יְדִאָּצְאִי עֵעֵעַ אַ אָצְאָדְעֵי נֵעָא עֵ יְעֵי אִי יִיאִי דִיאֵ

В один из праздничных дней 250 евреев некогда закрытого в течение многих лет Дзержинска Нижегородской области собрались вместе, чтобы зажечь ханукальные огни.

Эта честь была предоставлена Мордехаю Лapidусу. В своем выступлении ветеран сказал, что никогда не надеялся на возрождение еврейской жизни в Дзержинске и что зажженная ханукальная менора – символ возрождения вековых еврейских традиций в новую эпоху. На празднике в приокском городе химиков присутствовала делегация Нижегородской еврейской религиозной общины во главе с раввином Шимоном Бергманом и председателем Эдуардом Чапраком. Веселье с участием представителей национальных обществ Дзержинска продолжилось затем в кинотеатре «Спутник».

В Нижнем Новгороде 20 декабря 2003 г. засверкала огнями большая ханукия, возле которой танцевали, пели, угощались вкуснейшими пончиками около трехсот человек.

Ученики местной ешивы постарались донести праздничную атмосферу Хануки до пожилых евреев города, которые по состоянию здоровья уже не выходят из домов. Они обходили квартиры своих престарелых земляков, поздравляли их, вручали праздничные наборы, угощали традиционными пончиками с вареньем – «суфганиот».

Через три дня в нижегородской синагоге прошел сбор ветеранов Великой Отечественной войны, а вечером в одном из лучших концертных залов города – «Кремлевском» – состоялись ханукальное представление и концерт с участием ведущих музыкантов Нижнего Новгорода, хора учащихся школы «Ор Авнер» и других исполнителей.

י. אֶבְרָהָם לֵוִי

РОСТОВ-НА-ДОНУ ПРАЗДНУЕТ ХАНУКУ

יְיָ אֱלֹהֵינוּ הוֹצֵאתָ אֶת יִשְׂרָאֵל מִמִּצְרָיִם בְּיַד חֲזָקָה וּבְיָמָה עָזָה וְעַתָּה הַצַּדִּיקִים יִשְׂרָאֵל וְהַצַּדִּיקִים יִשְׂרָאֵל וְהַצַּדִּיקִים יִשְׂרָאֵל

Более трех тысяч подопечных благотворительной организации «Хесед Шолом Бер» получили традиционные подарки, а накануне первого праздничного дня стартовал новый общинный проект – «Ор Ханука». В течение недели сотрудники и волонтеры «Хеседы», члены молодежного и семейного клубов, ученики школы «Ор Авнер», студенты ешивы несли свет Хануки в дома пожилых членов общины (а их более 400): приносили ханукальные подарки, вместе зажигали ханукии, дарили общение одиноким людям. Исполнить эту миссию сочли своим долгом более 150 членов еврейской общины. Получили подарки и дети-инвалиды.

21 декабря с утра в праздничный круговорот включились самые маленькие члены общины; целый месяц участники программы «Мазл тов» готовили праздничное представление, которое в этот день с удовольствием показали еврейским детям города.

А вечером в концертном зале «Роствертол» загорелись три свечи огромной меноры, которую зажгли председатель ростовской еврейской религиозной общины Юрий Рубинов, председатель РАСЕК Михаил Гельфер и директор ростовского отделения Еврейского агентства в России Игорь Альтерман. Так началось центральное мероприятие праздника – концерт участников музыкальной программы «Дух еврея». Выступали вокальный квартет «Ключ», инструментальный ансамбль «Шолом», артисты театра израильского танца «Адина», «золотой голос» Ростова Мария Грунтфест и московский гость – артист театра «Шолом» Геннадий Абрамов.

Праздничные мероприятия для евреев Ростова провели также школа «Ор Авнер», еврейский женский клуб, чьи веселые встречи собрали более семидесяти человек, молодежный клуб (он устроил грандиозную вечеринку в престижном ночном клубе «Джениус», пригласив поучаствовать в веселом празднике своих друзей – молодежь армянской общины Ростова-на-Дону), юные члены общины из воскресного клуба «Нер ли» (они с увлечением организовали авангардную «Ханукальную матрицу»).

Но пожалуй, самым трогательным был праздник, который подготовили воспитанники еврейского детского сада «Светлячки». Для многих из них это была первая Ханука в жизни. Мальши играли роли «меноры», «кувшинчика», «севивона», которые рассказывали гостям и родителям о ханукальном чуде; потом всех угостили замечательными традиционными пончиками.

Ханука, без сомнения, оставила яркий след в сердцах евреев Ростова, еще раз продемонстрировав, что объединенные усилия еврейских организаций приносят реальные позитивные результаты всей общине.

ע. שאולובי אי

СОЧИ: ХАНУКА НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

На ханукальном празднике в гостях у сочинских евреев в кинотеатре «Спутник» побывал художественный руководитель московского театра «Шалом» Александр Левенбук.

С праздничными поздравлениями выступили председатель еврейской общины Исаак Шварцбурд и раввин Ари Эделькопф. Почетным гостем вечера стал мэр города Леонид Мостовой. Собранным был показан короткометражный фильм о наших днях: о возрождении еврейской жизни в стране. После концерта огни ханукии были зажжены на площади перед кинотеатром. Праздник завершился торжественным банкетом в ресторане «Норд-Ост» на берегу моря. В течение всего вечера выступал струнный квартет Сочинской филармонии, исполнявший еврейские мелодии. Александр Левенбук провел конкурс на самый смешной еврейский анекдот; победителем оказалась Римма Левинсон.

Практически впервые за последние годы праздничные ханукальные вечера прошли в еврейских общинах городов Черноморского побережья России и в Абхазии. В Туапсе, Геленджик и Сухуми из Сочи были отправлены ханукальные наборы и специальная литература о празднике.

È. Dào àí

ÂÎËÄÅÄÄ: Î ÐÀÇÁÎ ÈË ÄËÐ ÁÁÒÄÐÁÎ ÎÁ

Волгоградский еврейский общинный центр 21 декабря провел ханукальный вечер.

Гостей поздравили главный раввин Волгограда Залман Йоффе, представители городской и областной администраций. В праздничном концерте участвовали воспитанники еврейского детского сада «Ган Геула», учащиеся еврейской школы «Ор Авнер» и воскресной школы при волгоградской синагоге.

Все восемь дней Хануки в Волгограде реализовывался совместный проект «Хеседа» и еврейской школы «Ор Авнер», посвященный помощи пожилым евреям, которые по состоянию здоровья уже не выходят из дома. Ветераны получили традиционное угощение, ханукии с набором свечей, дети читали им стихи. Но самым главным было, конечно, душевное тепло, которым одаривали всех.

È. χεεεéîîî

ÀËÀÒÄÐË ÎÓÐÁ: ÕËÐË ÇÀËËÁÁÀÒ ÕÁÎ ÓËÀËÛÎ ÕÁ ÎÁÎ È

На праздничный вечер в Екатеринбургском государственном цирке собрались более трех тысяч человек.

Главный раввин города и Свердловской области Зелиг Ашкенази зажег третью ханукальную свечу. С поздравлениями выступили руководитель администрации области В.М. Голубицкий и заместитель председателя областного правительства С.И. Спектор. Были оглашены праздничные послания полпреда президента в Уральском федеральном округе П.М. Латышева и мэра города А.М. Чернецкого.

В ханукальной программе приняли участие творческие коллективы еврейской общеобразовательной гимназии «Ор Авнер»: хор мальчиков «Пирхей Русия» и танцевальный ансамбль девочек. Состоялся дебют еще одного коллектива гимназии – хора девушек. В праздничном концерте выступили также заслуженный артист России Ян Арлазоров и артисты цирка.

Fjc.ru

ÊÏÑÒÐÏÌÀ: ÔÃÏ ÔËÀËÛÏ ÛË ÊÏÏ ÔÃÐÒ

В праздничном вечере костромичан в честь Хануки участвовали председатель еврейской религиозной общины Михаил Гейдман, ученики вечерней школы «Ор Авнер», учащиеся воскресных школ ФЕОР и Еврейского агентства в России.

Состоялся большой музыкальный концерт. Зрители увидели также ханукальную сценку на английском языке. В заключение ребята из хорового коллектива под руководством Ларисы Иоцене пели еврейские и израильские песни. Затем последовали праздничное угощение, викторина и конкурсы. В завершение вечера все вышли на улицу и зажгли большую ханукию рядом с синагогой.

На следующий день после окончания занятий в воскресных школах, посвященных истории и традициям праздника, прошел концерт московского дуэта «Маген Давид». Затем был праздничный банкет с традиционными угощениями.

Fjc.ru

ИРКУТСК: ХАНУКИЯ В ЗАЛЕ И НА АВТОМОБИЛЕ

По иркутскому телевидению в прямом эфире прозвучало ханукальное поздравление раввина Аарона Вагнера. На торжественный вечер и концерт в Доме офицеров собрались около 350 человек.

Мероприятие было организовано Еврейским культурным центром, местным отделением Еврейского агентства в России и иркутской религиозной общиной. В этом году на улицах города впервые появился автомобиль с четырехметровой ханукией: он проехал в праздничные дни по всему городу.

Fjc.ru

ÑÃÏ ÊÏ ÆÒÐÏÃÃÐ ÔÃÏ ÔËËË ÆÏ ÆËÃËËÏÑÒÏËÃ

В преддверии Хануки мэр города Юрий Копылов принял главного раввина Владивостока Менахема Раскина и вручил ему разрешение на установку в центре города большой ханукии на время всех праздничных дней.

А 21 декабря в центре Владивостока напротив офиса главного раввина города в третий раз загорелись огни семиметровой ханукии. На церемонии зажигания свечей присутствовал мэр Юрий Копылов. Это событие освещали три съемочных группы местного телевидения.

Û. ÔËËÏ ÆÏ

ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

Αἰεὶ Οὐαί τὰ εἴδω

Ἰὰ αὐτὰ ἰεεῶνδὲ, εἰδὸιδιὸ διππερῆτᾶ ἀνικαδῖοαὶ ἰααείγᾶδ ἃ ἰαδβοαίεε γαείτᾶ, - ἀαδῆ. Ἰαίαεί ἰ ἰτᾶεὶ ἀτᾶαίτ ἰδε-εἰπῶοῦ εὐ ε «ἰαδῖαὸ Οἶδῖ», ἰἰὸτῖ ὁ ÷ οἶ εç αἰἰ ἀεῦῖ ἰε γαείπὸε διππεῦτῖ ε ἀἰἰοῦῖ ἀαδῖτῖ ὀτᾶε ἀτᾶααδῖπῖ ἀἰὸεἰπῖ εὐεçῖ. Ἰδεδῖαἰ ἀἰὸεἰπῖ εὐεçῖ ἃ, ἃ ÷ ἀπὸ ἰἰπὸε, ἰαἰ δααεί ἰτᾶ ἰδῖοεἰ ἰεεῶνδῖα, δεἰτᾶτᾶεὐε εἰπὸεὐεὐε εçῖ-αἰεῦ εὐἰαεçῖ ἃ ἃ Ντᾶ δααεί Αἰεὶ Οὐαί τὰ εἴδω ἰ ἰπῶοεε ἰαααἰ ἰ πᾶβεαεῖπ ὀφ εαεὐεφ.

Начну я рассказывать про антисемитизм с такой вот истории. Читает еврей антисемитскую газету «Черной сотни». Его спрашивают: «Тебе что, больше делать нечего?» Он отвечает, что когда читает антисемитскую литературу, получает удовольствие, а когда еврейскую – впадает в депрессию.

– Читая еврейскую литературу, я каждый раз узнаю, что где-то был очередной погром, что евреев опять преследовали или угнетали, что где-то жгут еврейские школы. А когда читаю антисемитскую литературу и узнаю, что евреи захватили власть во всем мире, что все деньги в наших карманах и что мы зурпировали науку и культуру, – я получаю удовольствие от того, какой мы могучий народ!

Тем приятнее в своей еврейской компании поговорить об антисемитах, ибо в конце концов мы будем говорить только о хороших вещах. Ведь у антисемитов гипертрофированное уважение к евреям.

Недавно был проведен опрос в странах европейского содружества. Оказалось, в Европе господствует мнение, что государство Израиль – наиболее реальная угроза существованию мира. В Израиле сегодня около 6 миллионов граждан. Вокруг – примерно 120 миллионов арабов. На всей земле – 6 миллиардов людей. Однако нас воспринимают как самую большую угрозу человечеству.

От одной своей знакомой я услышал любопытный рассказ. Ребенком ее послали в весьма престижную школу для девочек в Англии. Когда одноклассницы узнали, что она еврейка, они стали, смущаясь, ощупывать ее голову, поскольку были убеждены, что у евреев растут рога. Речь об Англии, а не о каком-то Бгом забытом ауле в Казахстане. Что ж, фольклор всего мира богат сюжетами о том, как нищие евреи на самом деле под половицами прячут слитки золота.

Вот я и спрашиваю: как могут интеллигентные люди верить в эти идиотические рассказы? Однажды я разговаривал с журналистом из России и сформулировал свою позицию так: антисемитизм – поле приложения сил для психиатров, а не для полицейских. И действительно – тот, кто считает, что у евреев есть рожки, скрытые под волосами, в принципе не совсем здоров. Само же существование сумасшедших – факт прискорбный, но науке известный, и с ним надо смириться.

Если классифицировать антисемитизм как душевное расстройство, тогда вопросов нет. Я знал одного психически больного человека. Он был уверен, что наш с ним общий сосед имеет специальные приспособления, с помощью которых облучает его, вызывая у бедняги умопомешательство. Этот сумасшедший был образованной личностью; он годами разрабатывал устройства, способные защитить его от этих болезнетворных лучей. Он изобрел изолирующую обувь, которая заземляла их. Он и мне подарил пару этой обуви, чтобы спасти меня от губительного воздействия.

В медицине это называется паранойей, лечится медикаментами и электрошоком. Остается открытым вопрос – можно ли всех антисемитов, начиная с думских и кончая подзаборными, приводить в чувство электрошоком? Хватит ли на это электроэнергии?

Тут я позволю себе чисто умозрительное рассуждение. Часто бывает, что люди, дабы решить те или иные сложные проблемы, прибегают к измышлениям. Уверен – большинство людей, распространяющих антисемитские «страшилки», понимает, какой это бред. Но для эффективности пропаганда должна быть постоянной. К самым невероятным измышлениям люди возвращаются вновь и вновь, от многократного повторения одного и того же человек иногда начинает верить в истинность своих изначально ложных утверждений. «А вдруг там действительно бесплатно конфеты раздают?»...

Вот пример из недавнего прошлого. Во время арабо-иудейского конфликта арабы были уверены, что вся журналистика западного мира – в еврейских руках. Они пытались с этим бороться. Дело

происходило в Египте. Арабы обратились к нацистским преступникам, разрабатывавшим в Германии антисемитскую пропаганду, чтобы те как истинные специалисты создали то же для Египта. В результате Египет и по сей день держит пальму первенства в деле распространении антиеврейской литературы.

Когда государство ведет пропагандистскую войну со своими врагами – это легитимно. Но за последние 30 – 40 лет арабо-израильского противостояния произошла интересная эволюция с самим мусульманством. С исторической точки зрения евреи никогда не были в передовой шеренге борцов с исламом, в исламских странах, в свою очередь, не велась последовательная антиеврейская политика. Да, мусульмане не любили евреев, но им не была свойственна и ненависть к нам. Кстати, в отличие от христианских стран, где антисемитизм укоренился давно. Однако в последние годы многие интеллигентные мусульмане искренне поверили в правдивость антисемитских выдумок. Например, в Иране, где к евреям до того, как к власти пришли аятоллы, всегда относились толерантно. Теперь в официальную идеологию Ирана вошла концепция существования в мире двух ипостасей сатаны: большой сатана – Америка, маленький сатана – Израиль. А евреи, естественно, дьявольское порождение.

Похожий процесс шел и в нацистской Германии. «Протоколы сионских мудрецов» русского производства – тоже пример антисемитской пропаганды. Тайная полиция заказала Сергею Нилусу произведение на заданную тему. «Протоколы» зажили самостоятельной жизнью, и их вдохновители поверили в то, что сами породили. Это, кстати, одна из самых популярных книг в Японии. Когда японцы в последний раз вообще еврея видели? Но самое интересное другое. Оказалось, японцы эту книгу рассматривают не как антисемитский памфлет, а как рассказ о маленьком народе, что смогу подчинить себе весь мир. Японцы ведь очень восприимчивы к чужому опыту, и когда они видят, что кому-то что-то удается, они пытаются извлечь урок из чужого успеха для себя. Менахем Бегин, в бытность свою премьер-министром Израиля, встретился с одним из ведущих писателей Японии, и тот преподнес ему роскошно оформленное подарочное издание «Протоколов». Этот человек искренне считал, что Бегину будет приятно видеть, как ценят в Японии достижения евреев, их мировое влияние, как японский народ восхищается еврейской мудростью.

Можно сделать несколько выводов. В частности – антисемитизм порожден интеллигенцией. И хотя сами создатели антиеврейских настроений в это не верят, на самом деле так и есть. Моя знакомая преподает в Иерусалимском университете. Как-то на занятии она упомянула, что иудаизм – религия, никогда не знавшая человеческих жертвоприношений. Тотчас одна студентка, еврейка по национальности, которая приехала из Польши и выросла в нееврейском окружении, возразила ей: «Вы говорите неправду. Всем ведь известно, что некоторые евреи используют кровь христианских младенцев для изготовления мацы». Студентка не сомневалась – она отстаивает очевидную и бесспорную истину, которая даже не требует доказательств. Правда, она точно знала, что в ее семье кровь христианских младенцев в мацу не подмешивают. Но предполагала, будто это лишь из-за недостаточной религиозности ее семьи.

Возникает вопрос: почему подобные вещи не рассказывают ни о грузинах, ни об албанцах, ни о чукчах? У баек о подмешивании крови в мацу нет даже отдаленной близости к реальным еврейским традициям. В их основе обвинения, которые римляне предъявляли христианам в начале новой эры. Ведь христиане, в соответствии со своим вероучением, утверждают, что пьют кровь Христову и едят Христову плоть. Зверства же евреев доходят максимум до куриного бульона.

Причина невероятной легкости, с которой эта чушь лепится к еврейскому народу, в том, что еврей, где бы ни находился, всегда чужой, и оттого на него можно навешивать все – любые злодеяния. Он может стать русским генералом, национальным героем России, даже русским националистом, – все равно он останется евреем и в собственном восприятии, и в восприятии окружающих. Больше того – еврей может и сам стать антисемитом, но его соратники-антисемиты, невзирая ни на что, будут думать, что он тайком пьет кровь христианских младенцев. И Жириновский тоже потихонечку этот коктейльчик в свободное время потягивает.

Чужесть, инакость, как правило, внушают амбивалентное к себе отношение. Они могут подчас вызывать даже восхищение, но при этом рождают и подозрения, и неприязнь. Инакость, чужесть – вот причина антисемитизма. Наша еврейская сущность – его причина. И что бы мы ни делали, решить эту проблему невозможно в принципе. Не так давно в западном мире еврея подозревали в том, что он – агент влияния коммунистов. Одновременно в странах соцлагеря его считали космополитом, то есть агентом Запада. Так кто же еврей на деле? Это не важно. Он – объект для ярлыка.

Когда-то Герцль, основатель политического сионизма, писал: антисемитизм – следствие ненормальности еврейского бытия, отсутствия у евреев своего государства и налаженного национального

образования. Евреи согласились с доводами Герцля и создали собственное государство. Но теперь именно оно становится основным источником антисемитских идей. Лекарство Герцля вызвало реакцию похлеще самой болезни, для избавления от которой было предназначено.

Я еще раз прибегну к умозрительному размышлению. Многие болезненно реагируют на то, что мы считаем себя избранным народом. Даже если евреи вдруг заявят, что они – самые умные, красивые и добрые, все равно причиной для проявления ненависти будет не это. Антисемитизм возникает потому что окружающие нас народы, может быть, и не согласны с этим нашим заявлением, но подозревают, что в действительности так оно и есть. Мир реагирует на арабов вполне взвешенно: собака кусает, осел лягается, арабы убивают. Зато, когда глава арабов на какой-нибудь международной конференции не бьет никого по физиономии и может даже связать две фразы без оскорблений в адрес присутствующих, – мировые лидеры радуются и ликуют. Как же в соответствии с убеждениями окружающих нас народов должно выглядеть еврейское государство? Оно, прежде всего, должно вести себя по-ангельски. Не хуже. А если мы ведем себя так же, как остальные – русские, американцы, англичане, – на нас немедленно обрушивается шквал обвинений. То есть антисемитизм амбивалентен. Он может возникнуть только из веры в еврейское превосходство; его оборотная сторона – колоссальное почтение и уважение к евреям.

Наша проблема в том, что мы не можем объединиться, дабы действовать сообща и не мешать друг другу. О, как сладко мечтать, чтобы сбылась мечта антисемитов и мы действительно стали единым народом! Вина антисемитов в том, что они неправы. Мы не настолько хороши...

ĬĀ ĬĚĚĀĬĎŌĀŌ

Лет 20 назад мало у кого из теперешних русских олигархов была свободная сотня в кармане. Все они были небогаты и где-то подрабатывали. Но за последние годы безусловно набрали огромную силу. Они сделали это в русском стиле – без большого такта, без большой интеллигентности. Как и все значительные люди в этой стране, они были просто воры и жулики. Но – очень талантливые воры, очень способные жулики. С трудом представляю человека, добившегося хоть какого-то успеха в России, который не подворовывал, не подтасовывал, не приписывал и не подписывал. Может, несколько пенсионеров и не воровали, но лишь в силу неудачливости и неуклюжести. Бывший сосед Березовского по общежитию или одноклассник Ходорковского, или тот, кто бил по морде маленького Гусинского, возмущен тем, что они – миллиардеры, а он по-прежнему должен красть и получать зарплату в рублях. Если бы олигарх сошел с небес, у него не было бы проблем. Страшная его вина в том, что он плоть от плоти остальных. Он изнутри. Он просто талантливый. И сегодня государство хочет положить конец олигархам не потому, что оно воюет с евреями... Но насколько же легче начать с евреев! Их ведь и так никто не любит.

Самое интересное, что большинство олигархов, с точки зрения еврейского закона, – не евреи. Но разве это кому-то мешает их ненавидеть? Вообще ситуация с ЮКОСом весьма интересна для человека, который может себе позволить смотреть на нее из-за границы.

ĬĬĬĒĀĬĬĬĬĀĒĀ

На лекцию раввина Штейнзальца пришли около 80 человек. Среди них были желающие услышать то, чего нет в учебниках, были представители других еврейских организаций, повышающие свой уровень преподавания иудаизма, и члены еврейских общин. После лекции раввину Штейнзальцу подали записку, которая вызвала всеобщий хохот: «Раввин Штейнзальц обидел многих сидящих в этом зале и за его пределами, проживших в этой стране честную жизнь. Вероятно, ему чужд менталитет честного человека». Переводчик лектора, рав Иешая Гиссер, объяснил: «Раввин говорил, что добиться успеха в советские времена было невозможно, не вступив в противоречие с законом. Записку, видно, написал обиженный неудачник, единственное самоутешение которого в том, что он честно прожил жизнь». Раввин Гиссер пояснил также, что Березовский и Ходорковский не евреи, потому что у них евреи – только отцы, еврейство же передается по матери. А вот Леонид Невзлин – еврей и по отцу, и по матери, как и Гусинский. «Но со скоростью предоставления Невзлину израильского гражданства, – добавил он, – это не связано. Ведь законодательство Израиля устанавливает право человека на получение гражданства, а не национальную принадлежность. А право это имеет как еврей, так и члены семей евреев, даже в том случае, если евреем был только ваш дедушка».

– А будет ли Невзлину нужда «подворовывать» в Израиле? – спросили из зала.

– Думаю, у него не было в этом необходимости уже в последние годы его жизни в России, – отвечал раввин Глиссер. – Для него это пройденный этап.

צאי עמך ל אלה ל אבודים

МОЙ РАДЗИЛОВ

ΑΓΩΟ ΑΓΩΙ

Γά:Γαί τὸ ιά:έε.

ΓαίεΓαί τὸδᾶ γ Γα γαέ - ΓΓ οἱ ἀδ γα σαπὸν εἶαδ αἱ ἰ Γαἱ δῖα:αἱ εἶ. Ἐγ εὖ Γαἱ ΓΓε Γαί ἡε - ὁ Γαἱ αἱεἱ σαπὸν ἀδαοῦαἱ ε Γαἱδᾶ - αἱεἱα γαδᾶεἱ ὀδαῶ ἀδαοῦαἱ Γα ὀδῖΓὸᾶ, ἁ Γαἱδᾶ ἰΓαεἱα ἁ ἁοῖ. Ὀαε :οἱ, ἡ γοῖε ἁοῖαἱ Γαε ὀαἱ εἶεε γ αἱε γαεἱ Γ:αἱ ἡ αἱ. ΓΓ, εἱε εγᾶΓὸΓΓ, αἱε ἁ Γαἱ ΓΓ ἰ ἁἱδᾶ ὀαῖαἱ... ΓαίεΓαί ἰ ἁοῖ ἁἱαῶεἱ Ὀαεἱαε, ὀΓαε ἁἱδῖΓαἱ ἁ ἰ ἁοῖδᾶδᾶεἱ Γε Γαί ἡε - ὁ Γαἱ αἱεἱ ἰ γοῖ ἀδαοῦαἱ ε ὀδᾶ Γαἱδᾶ. Ἐ Γ:ἁἱδᾶ, ἡ αἱεἱεἱ Γαἱ ΓΓ ἰ Γα ἁΓαεἱ ΓΓ ΓαἱδᾶοῦΓΓ. Αἱεἱα ὀΓα, εὖ ἰ ἁοῖ ἰ Γγ ἰδᾶἱαῶεἱ Νῖδᾶ, ἰδῖαεἱ αἱεἱα 90 εἱο, ὀΓαε ἡαε ἰ ΓΓα:εἱαἱ Γοῖ ἰδᾶἱεἱ ΓΓ ΓΓΓΓ:εὖ ἰ ἁἱγ.

ΓΓαο, γοἱ ε Γαεἱ ἰδᾶ:εἱε ἰ Γαἱ ἰΓαἱοἱ ΓΓα εἱδᾶΓα εἱ αἱ ΓΓ ε γοῖε εἱεε Γαοἱε δῖαἱεἱαἱε. Αἱα Γο ἁἱαῶεἱ Ὀαεἱαε ε ἁ ἀδαοῦαἱ ε Γαἱδᾶ γ γαε, :οἱ εὖ δῖαεἱε - Ὀαεἱ-ἘἱΓο ε Νῖδᾶ Γαἱαῶεἱ ἰδᾶεἱε ἁ Γαἱ ΓΓ ἁ Γα:εἱ ἁἱαῶοἱ Γα ἁεἱ εγ «ἰΓεἱεἱ ΓΓ ἰ ἁἱδᾶ:εἱ δᾶεἱεἱα». Ὀαἱ, ὀΓοἱ Γα ἰδᾶἱεἱ γ ἰδᾶ αἱε Γαε ὀαἱ ΓΓε εἱ ἀρὸ Γαεἱ ἡοῖαἱ ΓΓ Γε Γαἱ ΓΓαοἱε - ΓΓε, εἱε ἰδᾶεἱ, Γαοἱ:ΓΓ. ΓΓ Γεοᾶ εἱ ἁ ὀΓΓ αἱεἱαἱ ὀΓΓ ὀαεἱοἱ ΓΓ αἱαῶ? (Αἱεἱ, γοἱ εἱαδᾶεἱ δᾶεἱ Γαεἱ Γαε:ε? - Γαο, γοἱ εἱαδᾶεἱ Ἐαἱ Γαἱ - Ἐγᾶεἱεἱ ἁ ἁο ὀαεἱοἱ 24-03-80? - Γαο, 24-03-81. - Γαἱ αἱ Γαἱ ἁ ὀεοᾶ, ἁ ὀαεἱ γ δᾶεἱεἱ) Αἱο ὀαε ε ἁἱ εἱεἱεἱ αἱεἱ, αἱεἱεἱεἱ ἁ ΓΓαἱεἱ Γαἱεἱ ἰδᾶεἱεἱ Γαἱαῶεἱ, ἰ ἁ ἁἱαῶεἱ ἰ Γε ἰεἱε. Ὀαἱεἱ ΓΓ, ἰ ἁἱ ΓΓ ἰοᾶἱ γ ἁἱεἱ Γαἱεἱ ἰ ἁ δᾶεἱεἱ γοῖε γαἱεἱ, ἁ ἁεἱεἱ ἁἱ ἰ Γεἱ :εἱ ΓΓ. Γα ἡ ΓΓ ἁεἱ ἰ Γεἱεἱ ἰδᾶεἱ ὀαεἱεἱ «ΓΓ:οἱ» εγ δᾶεἱεἱ Γα - εγ δᾶεἱεἱ. ΓΓ:οἱ ἁεἱ ὀ δᾶεἱεἱ - ἁἱ αἱεἱ ε ὀ ΓΓ:ε εἱεἱ ἁοἱ Γα

Γαἱαδᾶεἱεἱ Γαοἱ:ΓΓε ἡαἱε ἰδᾶεἱεἱ ἰ ὀ αἱ ΓΓ:εἱ αἱε ἁἱ Γα ἡεεἱεἱ γαἱοἱαἱ, ἁεἱεἱ ἰδᾶεἱεἱ εἱο εἱ ἰ ἁεἱ Ὀαε αἱεἱ ε ἁ ἰ Γα ἡε:αἱ Β Γαἱαδᾶεἱεἱ ἡοἱε ἰ Γαο δῖαἱοἱ Γεἱα ἁεἱ Γαεἱ ἁ ἡαἱ αἱεἱαἱ ἰδᾶεἱεἱ ἡαἱε ἡαἱε ὀΓα ε ὀΓαε Γ:αἱ ἰ ΓΓ ἰδᾶ ἡοἱ αἱ Γαεοἱεἱ. ἁ γοἱ ἰ Γα ἡαἱ ΓΓ ἰ ΓΓ ὀεἱεἱεἱεἱ αἱεἱεἱ ἈΓα Ἀοἱ Γαεἱ, εἱεἱεἱοἱ, ἡ Γαοεἱ ε ἁεἱεἱεἱ ἡεἱ δᾶεἱεἱ ΓΓ:αἱεἱεἱεἱ ΓΓ εἱεἱεἱ ΓΓ. Ἐἱοᾶε, ἈΓα ἁεἱ «ἁἱ Γαἱ Γαεἱ» δᾶεἱεἱ - ἰδᾶεἱ, εἱεἱ ἁεἱοἱεἱ ἰ ἰδᾶεἱεἱ ἰδᾶεἱεἱ (www.radzilow.com).

ΓΓ ἁο ἰδᾶεἱεἱ αἱεἱ αἱοἱ ἁἱ:εἱ «ἰΓαοἱ ΓΓ» ἰ ἁἱδᾶ:εἱ ΓΓ ἰ εὖ ἰδᾶεἱεἱ, γ Γα εἱ Γοἱε Γεἱεἱεἱ εἱοἱ ΓΓ ε ἰ Γαοἱ ὀ δᾶεἱεἱ Β ἰ ΓΓε ε, ἁἱ ἀρ, Γα ἰεεἱ, - ἁἱ, «Γαοἱ» δᾶεἱεἱ, αἱεἱεἱ Γαο. ὀ ΓΓοἱ ΓΓ, ἰ Γαο, ἁἱοἱ ἰ Γεἱ Γαοἱ, ἁ ΓΓεἱεἱ ἁ ἁ Γαεἱ ἡαἱεἱ. Ἐ ἰ Γα γοἱ ὀ Γαο δᾶεἱεἱ Γο:αἱ-οἱ Γ:αἱ ἁἱ ΓΓ Γαἱ ΓΓ, ἰ Γε γαἱεἱεἱ ἰ ΓΓ Γαο ὀ Γοἱ ἁ ἰ αἱεἱ :ἁοἱ ἁἱ Γαἱ Γαεἱοἱ, :ἁἱ Γα ἁἱ Γοἱ

Радзилов находился в Щучинском уезде Ломжинской губернии Российской империи. Как и многие другие местечки, он имел сразу несколько схожих имен: евреи называли его Раджилов, русские – Радзилово, а поляки – Радзилов. Местечко располагалось на холме, который на западе мягко переходил в ровную местность, по краю которой протекала безымянная речка. Посреди Радзилова – базарная площадь. В большинстве домов, смотревших на нее окнами, спереди размещались магазины или лавки, а сзади – жилье самого хозяина. Улицы расходились от базарной площади во всех направлениях, некоторые изгибались и сливались в одну. В центре местечка стояла «Буда» – пожарная часть. Время от времени проводилась

проверка готовности пожарных, причем всегда при этих ложных тревогах соблюдалась строгая секретность. Но информация о предстоящем «пожаре» все-таки как-то просачивалась, и ко времени подобных инсценировок все местечковые дети уже собирались вокруг «тайного» места. Все проходило на славу, пожарные демонстрировали чудеса слаженности и ловкости, но стоило случиться настоящему пожару, как вышперечисленные отменные качества куда-то улетучивались. В таких случаях выгорало по несколько улиц. Но нет худа без добра. Тогда проявлялась пресловутая еврейская солидарность – из соседних Щучина, Граево и других местечек приходили подводы свежеспеченного хлеба для погорельцев. Раввин всегда выносил постановление, что хлебом надо поделиться и с польскими соседями. В последующие месяцы всякий раз, когда евреи встречались с поляками, казалось, что они приветствуют друг друга сердечней, чем прежде.

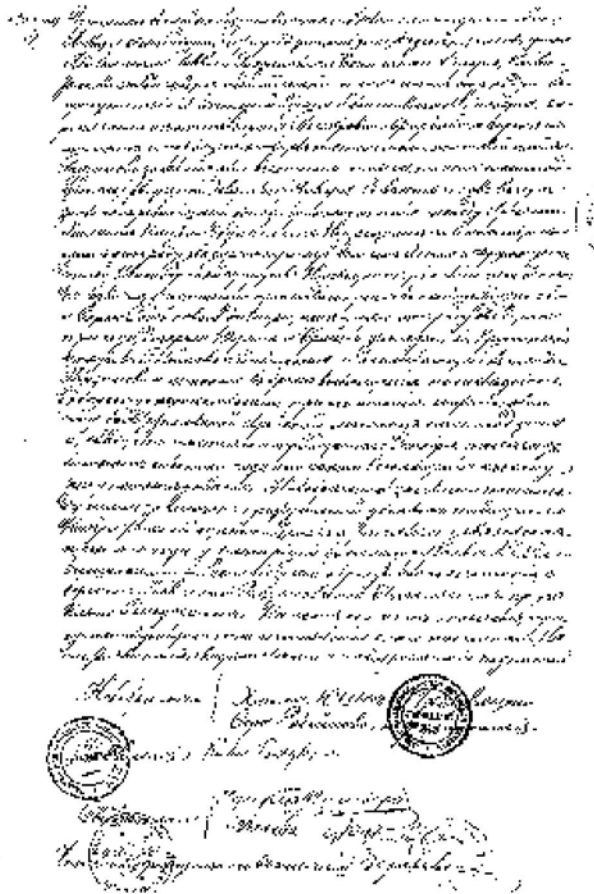
Евреи к концу девятнадцатого века составляли в городе чуть меньше половины двухтысячного населения. Большинство радзиловских евреев с полным основанием можно называть и едвабнинскими; они либо, как мой прадед, родились в Едвабно, соседнем местечке, либо нашли себе там шидух – вторую половину. В общем, Едвабно и Радзилов были даже не городами-побратимами, а объединенной общиной. Впрочем, это не мешало им посмеиваться друг над другом и даже награждать соседей обидными географическими прозвищами. Ну, так евреи ведь...

Áááááà è áááááà

Большую часть радзиловских евреев составляли ремесленники. (В польских мемуарах читаю: «Все ремесленники Радилова были евреями, за исключением одного кузнеца».) Местечко было не из богатых, даже по тем временам. Но тонкая прослойка «элиты» все же присутствовала. Их, более зажиточных, а главное, более образованных горожан называли «балаbatim» (это идиоматическое

выражение, буквально означающее «домовладельцы», более всего определяет «солидность»). В эту группу входили лавочники, торговцы зерном, мукой, скобяными товарами, держатели дровяных складов. Многие из них в юности учились в ешивах Восточной и Центральной Европы. В Радзилове они основали «Общество изучения Талмуда» и в начале года «делили» между собой трактаты Талмуда для изучения. Выбирали «габая» общества, которому предстояло в конце года устраивать трапезу в честь «сиюма», ежегодного окончания местечком изучения Вавилонского талмуда. Этот банкет был настоящим событием местечкового масштаба, столы ломились от угощений и водки, но пьяных даже после него не было.

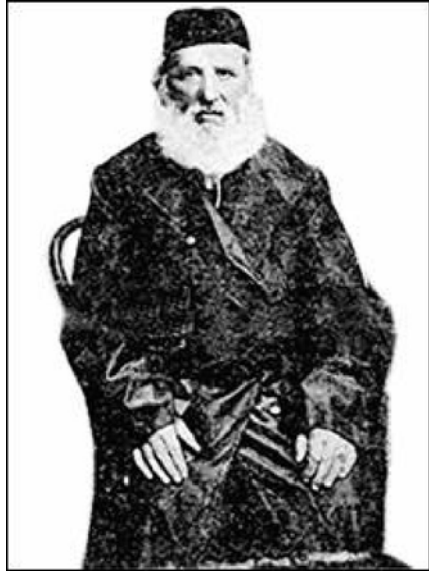
אדם ירא מצאצאיו אינו אדם, נדבאי עיבויא אדם אמתו עו עבאי א-עיתוה נאאאעו עי נידע

Пик занятий приходился на субботы и долгие зимние вечера, тогда «балабатим» усаживались по двое за длинные синагогальные столы, и шул («школой» именовали синагоги потому, что в них не только молились, но и учились почтенные прихожане) наполнялся распевной арамейской талмудической речью.

Стоит заметить, что зажиточность приветствовалась, но безусловным пропуском в круг «балабатим» не служила. Отпрыск состоятельной семьи, которого родители не отправили учиться в ешиву, малограмотный и пренебрегающий талмудическими штудиями, пусть он даже был преуспевающим торговцем, не допускался в избранное общество, и редкий «балабос» согласился бы видеть его своим зятем. Но сын ремесленника с репутацией ученого был «нарасхват», к его родителям подсылали сватов почтеннейшие отцы города. После свадьбы тесть брал его на десятилетнее содержание, но если молодой человек проявлял особые способности к учению, содержание продлевал.

Большую часть XIX века радзиловской общиной руководили раввины из семьи Суравич. Самый знаменитый из них, р. Шимон-Арье, составил комментарии к Мишне, которые были неоднократно изданы и в Польше, и в Эрец-Исроэл под названием «Хидушей Маршах». В них несколько раз упоминается Радзилов.

В конце века общину возглавил раввин Акива Гольдберг, о котором мне известно только то, что он женил моих предков и его подпись стоит на большинстве официальных семейных бумаг радзиловского периода нашей фамилии.

Асòаеè Діафєїаа

Большинство «балабатим» и соответственно раввинов общины учились в литовских нехасидских ешивах. Очевидно, к хасидизму в Радзилове относились безразлично. Любопытно, что среди восторженных отзывов о едвабнинском раввине Авигдоре Белостоцком я обнаружил и такой: «Будучи хасидом, он, однако, не вводил хасидские обычаи в общине».

В Радзилове имелись синагога и дом «Талмуд Тойра». Половина здания «Талмуд Тойры» использовалась для обучения мальчиков, родители которых не могли себе позволить нанять частных меламедов. В этой половине дома находился большой зал, который в субботы и праздники использовался как молельня ремесленников. Другую половину здания занимал «Ахносас орхим» – приют для проезжих и даже нищих. Там стояли кровати с постельным бельем и, вопреки сложившемуся мнению о богадельнях, было довольно чисто.

Неіаааа а Аааааа і.

Обязательным атрибутом местечкового быта была баня. По средам она обслуживала женщин, и об этом рассказать ничего не могу, поскольку моим гидом в бане, впрочем, как и во многих других уголках Радзилова, стал Мойше Атласович, автор неопубликованных мемуаров о местечке, а он туда ходил, естественно, в «мужской» день, в пятницу пополудни, с отцом. Это была не совсем такая баня, к которой мы привыкли, хотя ее и называли «русской». Дело в том, что помывочный зал был объединен с парилкой. Вдоль стен стояли скамьи, на которых посетители выбирали себе место поближе или подальше от печки, намыливались и парили друг друга дубовыми, размокшими от влажного пара вениками. Мальчишки побаивались такого «массажа», потому что ответственным отцам обычно хотелось, чтобы дело было сделано наилучшим образом, и они укладывали сыновей на самую жаркую верхнюю полку. В бане имелось два бассейна – один с горячей, а второй – с холодной водой.

Баня принадлежала общине, за вход взималась символическая плата, но, поляки все равно там не встречались.

Кстати о поляках. Единственным нееврейским учреждением Радзилова был костел, а за ним располагался кирпичный дом ксендза. В доме жила незамужняя служанка, родившая за годы службы у ксендза нескольких детей. Это дало поводы для пересудов и фривольных выводов. Авторами подобных слухов были благочестивые католики, но никогда – евреи. Хотя кроме евреев в Радзилове жили только поляки, официальные бумаги велись на русском языке. Поляки Россию ненавидели, евреи же относились индифферентно.

Когда мальчику из обеспеченной семьи исполнялось 4 года, старшие братья вели его в частный хедер – начальную школу. Там его усаживали за длинный стол в просторной комнате, служившей одновременно и классной, и кухней. В заднем углу помещалась печь, в которой готовилась еда. Мальчику объявляли: «Если ты будешь вести себя прилежно и хорошо учиться, ангелы наградят тебя». В этот момент на стол перед ребенком падала монета. «Видишь, ангелы уже наградили тебя в честь твоего первого дня в хедере».

Надо сказать, что было несколько ступеней хедеров – начальный, в котором учили читать и писать, хедер второй ступени, где изучали Священное Писание, и третий – с началами Талмуда. В хедерах система воспитания была весьма, по нынешним взглядам, строгой. За провинности меламед учеников бил. Большинство родителей либо одобряло такой метод, либо безмолвно мирилось с ним. Порой матери, замечая следы побоев на спинах сыновей, умоляли мужей попросить учителя быть более снисходительным. Но что понимает женщина, когда речь идет об ответственной задаче – научить маленьких негодников Торе! Случались, однако, и скандалы: однажды разъяренная мать единственного сына, накануне избитого меламедом, при учениках выругала их учителя реб Михла: «Вы так убьете моего “кадишла” (так называли единственных сыновей, которые после смерти родителей были обязаны читать по ним заупокойную молитву “кадиш”)! Сам Милосердный Б-г не простит вам таких методов преподавания Его Торы!» Но на реб Михла происшествие большого впечатления не произвело: «Если я не буду его бить, он вырастет невеждой, и тогда уж точно не скажет по вам “кадиш”!»

Закончив образование в хедерах, юноша либо шел в обучение к ремесленнику, либо уезжал для продолжения учебы в одной из ешив.

По большому счету, история «моего» Радзилова заканчивается в начале XX века, когда родители бабушки уехали из местечка в Одессу, где прадед получил место резника и кантора. Но не только «мой» Радзилов уехал тогда. Большинство евреев, не видя никаких перспектив в родных краях, отправлялись за счастьем в Америку, Южную Африку ... К сожалению, не все покинули Радзилов. Оставшихся и доживших до второй мировой войны ждала страшная судьба. В июле 1941 года еще до прихода немцев все евреи Радзилова и Едвабно были убиты своими польскими земляками.

СЛУЧАЙ МАНДЕЛЬШТАМА

Аאי אהעו נאדי גא

Отрывком, напечатанным в предыдущем – январском – номере, я завершил свой «Случай Эренбурга». (Книга выйдет в этом году в московском издательстве «Текст». В «Лехаиме» отрывки из нее печатались под рубрикой «Павел Савлович».)

Заглавие рубрики я заимствовал у Виктора Шкловского, который когда-то так назвал Эренбурга. Но хотя мой «Случай Эренбурга» уже завершен, рубрику эту я намерен продолжать и даже названия ее менять не собираюсь. Потому что, как я однажды уже написал, все мы, русские (а тем более – бывшие советские) евреи, в той или иной степени «Павлы Савловичи».

Смысл и назначение этой моей постоянной рубрики в журнале «Лехаим» я вижу в том, чтобы из номера в номер рассказывать о драматических, а нередко и трагических судьбах писателей-евреев, книги которых стали гордостью русской литературы XX века.

В январе 1908 года Корней Чуковский – едва ли не самый знаменитый тогда литературный критик в России – написал и опубликовал (дважды – сперва в газете «Свободная мысль», а чуть позже в еженедельнике «Нева») статью: «Евреи и русская литература». В ней он утверждал, что вклад евреев в русскую литературу весьма невелик. В сущности, даже ничтожен.

Статья эта вызвала множество откликов. Преимущественно – полемических. Самым заметным из них был отклик В.Г. Тана (Богораза), который высказал по поводу этого сурового приговора горькую еврейскую обиду. Он даже заподозрил Чуковского в намерении оторвать его и других русских интеллигентов еврейского происхождения от русской литературы, к которой они привязаны всем сердцем.

В.Г. Тану возразил Жаботинский (тогда еще не Зеев, а Владимир. Уже сионист, но пока еще – известный русский публицист «Владимир Ж»). Он прямо присоединился к Чуковскому. «Я, – писал он, – с г. Чуковским совершенно согласен... Нахожу, что евреи пока ничего не дали русской литературе, а дадут ли много впредь – не ведаю».

Суть этих разногласий была глубже, чем просто спор о роли и месте евреев в тогдашней российской словесности. Это было столкновение двух противоположных, взаимоисключающих взглядов на будущую судьбу русского еврейства.

Ярый противник ассимиляции, Жаботинский называл еврейских интеллигентов, подвигающихся на ниве российской словесности, дезертирами. И не отказывал себе в удовольствии довольно грубо глумиться над ними: «Если г. Тану или другим уютно в русской литературе, то вольному воля... При малом честолюбии и на запятках уютно...»

Мне в этой давней (но отнюдь не устаревшей) расстановке сил милее и ближе позиция В. Г. Тана. Но если говорить не о сути разногласий, а о том предмете, по поводу которого они возникли, тут даже спорить не о чем. Конечно, и Чуковский, и Жаботинский были правы!

В конце XIX века в русской живописи уже был Левитан, в русской музыке – Антон и Николай Рубинштейны.

А в русской литературе – кто? Один лишь Надсон, которого Маяковский в своем знаменитом разговоре с Пушкиным предлагал отправить «куда-нибудь на Ща».

Начало двадцатого века никаких существенных перемен в эту картину не внесло. В поэзии – Фруг. В прозе – Семен Юшкевич, из которого тот же Корней Чуковский незадолго до появления той самой своей статьи о евреях в русской литературе сделал отбивную котлету.

Тут можно было бы, наверно, заметить, что к Юшкевичу Корней Иванович (как и ко многим другим своим современникам) был не вполне справедлив. Но эта оговорка дела не меняет. Никому ведь не придет в голову поставить Фруга или даже Надсона рядом не то что с Блоком, но даже с Бальмонтом, а Юшкевича – не то что с Буниным, но даже с Куприным.

Но вот прошло всего-навсего каких-нибудь тридцать лет – для историка срок, прямо скажем, ничтожный, – и картина разительно переменялась!

Вряд ли у кого-нибудь из истинных ценителей русской поэзии сегодня возникнет сомнение в праве Мандельштама и Пастернака на место в том же ряду, в каком стоят в нашем сознании имена Блока, Маяковского, Ахматовой, Цветаевой, Есенина.

Так же, как вряд ли кто-нибудь из истинных, не отягощенных идеологическими или национальными предрассудками ценителей русской прозы усомнится в том, что «Одесские рассказы» и «Конармия» Бабеля по праву могут стать в один ряд с бессмертными зощенковскими «Рассказами Назара Ильича господина Синебрюхова», а «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана – в один ряд с «Белой гвардией» Булгакова и «Тихим Доном» (имя автора не называю, ибо, как пишут в подобных случаях на полотнах старых мастеров: «Художник неизвестен»).

Итак, за «Случаем Эренбурга» по моему замыслу должны последовать «Случай Мандельштама», «Случай Бабеля», «Случай Пастернака», «Случай Василия Гроссмана». А затем, быть может, дойдет черед и до поэтов и прозаиков так называемого «второго ряда», тоже внесших немалый вклад в русскую (именно русскую, а не «русскоязычную», как кое-кому нравится это называть) литературу.

Однако – не будем загадывать.

А сейчас – первый и, наверно, самый страшный из всех этих «Случаев».

Надежда Яковлевна Мандельштам во «Второй книге» своих воспоминаний говорит, что отношение Мандельштама к смерти, меняясь на разных этапах его жизненного пути, оставалось при этом единым и целостным. И замечает при этом, что еще юношей, «на пороге ранней зрелости», он осознал, что смерть художника – его последний творческий акт.

Вероятно, она при этом имела в виду статью О. Мандельштама «Скрябин и христианство» (1915), в которой поэт так сформулировал эту любимую свою мысль:

«Ni adou daitaeiea ia pavao aieep: adu ec oai e aa oaiθ: aieo aipoeaeiee, a daim adoe adu eae ipaeiaa caep: eoaui ia caii... Iia.. pvaeo eae au epoi: ieeii yoiā oaiθ: aioā, aa oaeieia: aiee i de: eie».

Мы всегда подозревали, что и последняя дуэль Пушкина, и расстрел Гумилева, и петля Есенина, и «точка пули», которую «поставил в своем конце» Маяковский, не были всего лишь трагическими случайностями. Мы даже знали, что смерть поэта не только изменяет его портреты («По-другому глаза глядят, и губы улыбаются другой улыбкой», как сказала об этом Ахматова), но и заставляет по-иному, по-новому прочесть давно и хорошо нам знакомые его строки: «Пуля, им отлитая, отыщет грудь мою, она пришла за мной...» – у Гумилева, «В зеленый вечер под окном на рукаве своем повешусь...» – у Есенина, «А сердце рвется к выстрелу...» – у Маяковского...

Но от всего этого, согласитесь, все-таки еще довольно далеко до того, чтобы смерть поэта считать источником его творчества. И даже не только источником, но и – его телеологической причиной.

Может быть, это просто – красивая метафора?

Нет, Мандельштам знал, что говорил.

Но если это не метафора, то что же? Ведь не верил же он всерьез, что его смерть была предопределена, что не только дата ее, но и все реалии его губительного пути были записаны в какой-нибудь

«Áàæá á ñéó:áá ñááðóáííí ááííí áðóíúó, áíæáíðááííúó óáéíðíá, èæé íáíð Íóøééíñéá, áííáí áàæíáá íóáíð, íéíí:áòæííí óóáðáææééé ýóó ááííð ñòðí:éó èéé ñòðáíéóó èç ñóíé èíúó, áíçí íæíúá. Ýóíò íóáíð íðíçáíæò íá áéúí, íá áííéé ááðíðá, á ðáéíáý ííáí:íáý, íééíáá áíá:æá íá èçááíðíáý, áííáá ñ ííçáíéáí ðáíííçáááí áý ñééá, áæéí íñòíð ááçííéáííð è ñéíáíááðíáý íðíçáíé ááðíðá, ááç:áá íí çáíóóæííý áú á ááçí áðííé ñáíáíáá ñáíéó áíçí íæííñóáé.

Á íáííí ñéó:áá ýóí ððáæ:áíééé çááòíé, íðéíðíðóáéá íæáíóíéé:áíéíé ñéúí, áííñéááíðáéè ñéáçíááðíáéííý á æéáá íðáæáááðáí áíííáí ñáí íóáééíðóáá, á áðóííí - :áððá íðáááæááí éý, ðáíéðíááðíáéííý ííðíí ííñ áðóííé áááíé, éííáá ðíéúéí :áðç:ñóí éáð, èæé ýóí áúéí ñ Ñòáíááéáí.

Íí áí áíáð ñéó:ááýó èí áííí ýóíé ñòíðííé ñáíáá ñóíáíðáíááí éý, íáóíéíáæáóáé óáéíðó, íí íá á íéó çáééð:áííé, ðáçááéýáð ááðíð æéçíú ííéíéáí éý, ó:áíðááíð á ñáí áéííé ððííééá ááéá, á ýóí ñáí íá ááæííá, ááí í áíðí á éíðíðéé, ýòéí èí áííí ááééé íí è ááí ðáíð:áíðáí».

(Òáí æá Ñ. 343, 344)

То, что Пастернак выразил в этом письме с редко свойственной ему внятностью, относится к самым разным, во всем остальном совершенно не схожим друг с другом художникам. Это – не частный случай, а некий общий закон. Так же, как мысль Мандельштама (в сущности, это одна и та же мысль) о том, что смерть художника является источником, телеологической причиной всего его творчества.

Но в приложении к Пушкину, Лермонтову, даже к Гумилеву, Маяковскому, Есенину, Цветаевой она (эта мысль) все-таки воспринимается как некий художественный образ.

По отношению к самому Мандельштаму она обретает смысл почти буквальный.

В ноябре 1933 года Осип Мандельштам написал небольшое стихотворение.

Í ú æéáíí, ííá ñáíð íá :óý ñòðáí ú,
Í áæé ðá:é çá ááííýóú óááíá íá ñéúóí ú,
Á ááá óááðéò íá ííéðáçáí áíðóá,
- ðáí ííí ýíóó éðáí éááíéíáí áíðóá.
Ááí ðíéíðóúá íáéúúú, èæé :áðáé, æéðí ú,
Á ñéíáá, èæé íóáíáíá áéðé, ááðí ú.
ðáðáéáí úé ñ áðóííý óíéúá
È ñéýðò ááí áéáí éúá
Á áíéðáí ááí ñáðíá ðííéíóáéó áíæááé,
Íí éáááðó óíéúáí è ííééðááé.
Èðí í ýó:éò, èðí íéá:áð, èðí ðí ú:áð,
Èèóúíáéí íí áááá:éò è ðú:áð.
Èæé ííáéíáí éúáð çá óéáçíí óéáç-
Èíí óáíáá, èíí óáéíá, èíí óááðíáí, èíí óááæáç

×òí íé εαρίύοίάᾱ, - òí í àèείà

È ðèðéαý ðáαίíñòείà

Ì. Ì àí àáέüòàì : «Ì ù æèáαì, í íá ñáíþ í á ÷òý ñò ðàí ù...»

Í αείοίðíà ñáαì àííέέ (εç ðαñ íáí ííáè, éíí ó γοί ñòέòíðáíðáíεά ðíáα ñòάέí εçáñòίí) í òçíáαέñíí í áì í ðáí ááðæέðάέüíí:

«Ýðáí áðáíá í ðεçí ááè ñòέòíá í Ñòάείà Ì í íαçíáè έò “ñòέóεαí έ”... Èέüý Áðεáñ ðíáαε ÷ ñ ðáαίíέεαí ñ-έòάαò έò íáí ííέαí íáíí έ έ έíáíáíí έ, ñέó-άεί ùí έ á ðáíð-áñòάá Ì. Ì.»

(Ì ááαεάà Ì àí àáέüòàì. Áíñííí έí áíέý)

Еще резче выразился Б.Л. Пастернак. Выслушав стихотворение из уст автора, он просто отказался обсуждать его достоинства и недостатки.

«Èáε-òí, áέýý íí óέέòàì, çááðáε ííé íá εάεφ-òí áαεφáíòφ íέðáέíó áðíáá á ðáέííá ðáαíñέó Ñí ñέó, çáεíáíí ðííí çáííí íέέý Ì áñðáðíáέó ñέðεί έíí íáíò εçáíç-ε-üéð ðáεáá çáαñí Ì àí àáέüòàì íðí-áé áí ó íðí έðáí εáαíείá áðòá. Áññέóάá Ì áñðáðíáέ ñέαçíé: “Ùí, ÷òí áñ í íá íðí-έé, í á έí áαò íέέáείá í òííθáíέý έ έέòάáòðá ííççé. Ýðí í á έέòάáòðáíúé ðáέò, íí áέò ñáí íóáέέñòáá, έí òíðíá ý í á íáíáðýþ έ á έí òíðí í á òí-ó íðείέí áòü ó-áñòέý. Áñ í í á íέ-áᾱ í á ÷έòάέé, ý íέ-áᾱ í á ñέüóáé, έ íðíòó áαñí á ÷έòάòü έò íέέíí ó áðóáíí ó.»

(çáí áò έé í íáðáñ-áí έέ áέíáðáòέé Ì ñεί á Ì àí àáέüòàì á έ Áíðείñ Ì áñðáðíáέá Ì àí γοü Ëñòíðé-áñέé ñáíðíέé. Ì áðεα, 1981. Ñ. 316)

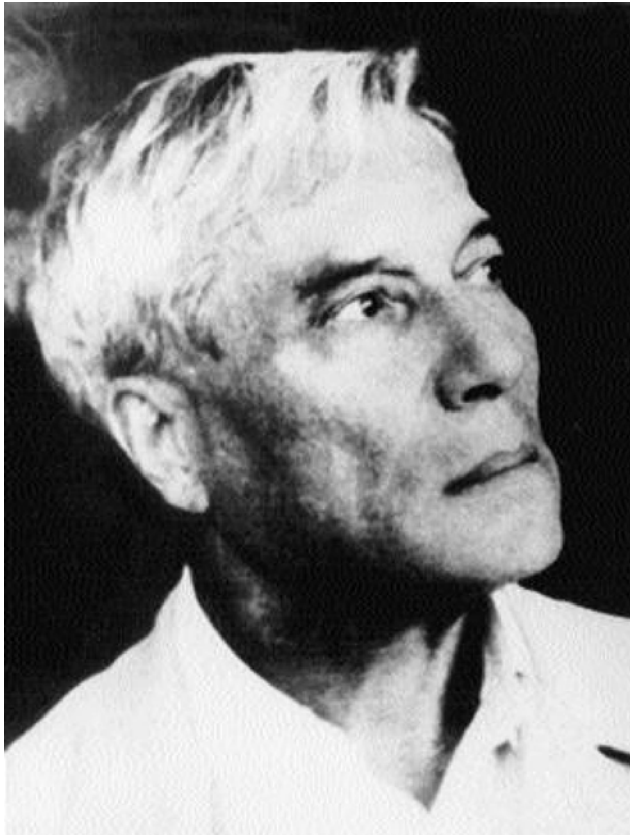
Совершенно так же (дословно, точно они сговорились) в аналогичной ситуации высказался еще один поэт, с которым Осип Эмильевич был на дружеской ноге.

«В последний раз я видел Манделыштама, посетив его вместе с Г.А. Шенгели... И мне вспомнилось, как я с тем же Шенгели пришел к Манделыштаму, еще до его ссылки, в комнатку в Доме Герцена, и Манделыштам прочел нам стихотворение об осетинском горце, предварительно потребовав поклясться, что никому о стихотворении не скажем. Я понял, что он боится, и не может не прочесть эти строки...

Шенгели побледнел, сказал:

- Ì íá çááñí íé:áá íá:èòàèè, ý íé:áá íá ñéùòàè...»

(Ñàí áí Èèíèèí. Èáááòèá Ì., 1997. Ñ. 398)

А.Е. Ì áñòáñí áè: «Áù ì íá íé:áá íá:èòàèè, ý íé:áá íá ñéùòàè...»

Мандельштам, конечно, и сам прекрасно понимал, что, сочиняя, – а тем более читая вслух хотя бы и самым надежным слушателем из числа своих знакомых, это стихотворение, – он совершает акт самоубийства:

“Òòòí ì íáíæèááííí èí ì íá ìðèòèá Ìááý, ì íæíí ñéàçòù, áèáòàè. Ì íá çáááñíðèèá ìòòùáèñòí. “Ìñý ñí:èíèè ì:áí ùòáçèíá ñòèòíòáíðáíèá Ááá íáèùý çáíèñòù Ìèèòí, èòíí á ì áíý, ááá íá çíááò. Ì óæíí, ÷òíáù áùá èòí-íéáááù ááá çáííí íèè. Ýòí áùááòá áù. Ì ù óí ðáí, à áù ìáááááèòá ááá ìíòíí èðáýí. Ìñý ìòí:òáò ááá ááí, à ìíòíí áù áíòé:èòá ááá ìáèçííòùíí ì ííé. Ì íèá íèèòí íá áñéæáí íá ýòíí çíáòù Ìñááííí Èááá”.

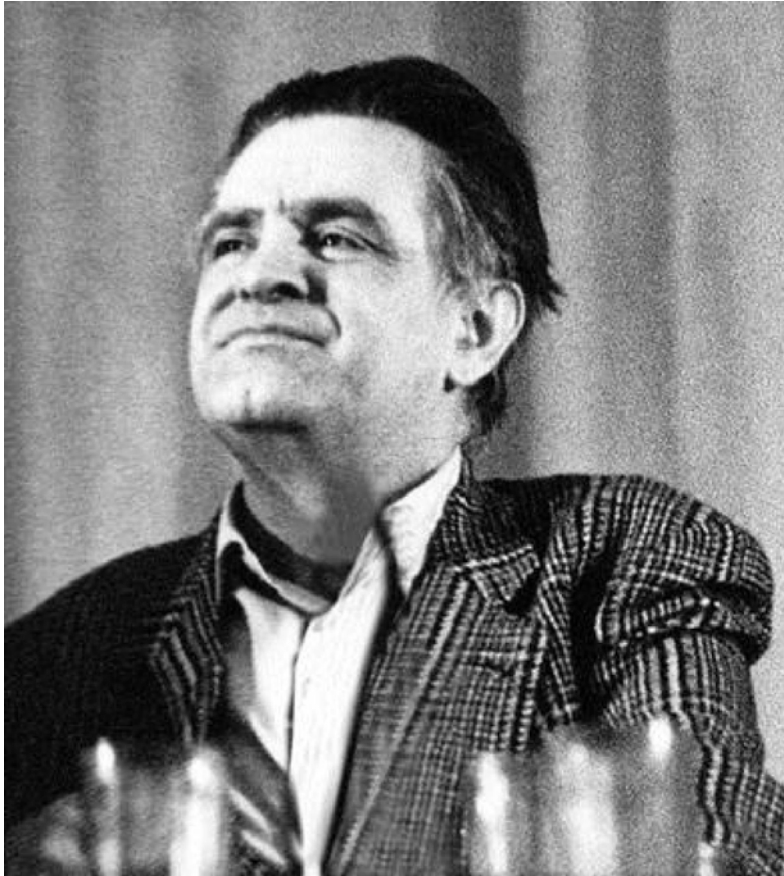
Надя была очень взвинчена. Мы тотчас пошли в Нащокинский. Надя оставила меня наедине с Осипом Эмильевичем в большой комнате. Он прочел: “Мы живем, под собою не чуя страны” и т.д. все до конца – теперь эта эпиграмма на Сталина известна. Но прочитав заключительное двустихие – “что ни казнь у него, то малина. И широкая грудь осетина”, он вскричал:

- Ì áò, íáò! Ýòí íèíòíé èííáò. Á íáí áñòù ÷òí-òí óááòáááííèíá Ò ááá ìòí áíýð. Áùááò áááðèáòùñý è ááç íááá... - È ìí ñííáá ìòí:áè ááá ñòèòíòáíðáíèá çáèíí-èá ñí ááèè:áéóèí áííááóááèáí èáí :

Èáè ìíáèíáí ááðèò çá óéàçíí óéàç-

Èíí ó á èíá, èíí ó á íáò

Èíí ó á áðíáí èíí ó á áèáç!

Ὁ ἀπεῖμι Ἐπῆαι ἄαδ: «Ἄοι ἀρ, ὃι Ἰὸ ἀεῖ ἰό γοῖ ἡὲ οἶ ὁ αἰ δαί ἐα αἰ ἐα ἰ ἰ αὐεῖ ἰ ἰ ἰ δαῖ ἐ οἰ ἰ ἰ».

С мнением Искандера, предполагающим столь чуткую восприимчивость Сталина к сокровенному смыслу поэтического слова, можно и не согласиться. Но сама возможность такого прочтения подтверждает, что «эпиграмма» Мандельштама на Сталина, как пренебрежительно именовали это стихотворение некоторые современники, несет в себе заряд большой поэтической силы. Образ тирана, запечатленный в этих шестнадцати строчках, при всей своей лубочности («Тараканьи смеются усища и сияют его голенища») и в самом деле словно вырублен из цельного куска и по-своему монументален. («Его толстые пальцы, как черви, жирны, и слова, как пудовые гири, верны...», «Как подковы кует за указом указ, – кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз...») И даже одного только первого двустишия, в котором отчаяние поэта отлилось в чеканную и емкую поэтическую формулу («Мы живем, под собою не чуя страны, наши речи за десять шагов не слышны...»), было бы довольно, чтобы поставить это стихотворение в один ряд с пушкинскими строчками «Беда стране, где раб и льстец одни приближены к престолу...» и Лермонтовским «Прощай, немытая Россия...».

При всем при том (что там говорить, прав, прав современный исследователь) – факт создания этого стихотворения был и несомненным, прямым политическим действием, разрешившимся «биографической катастрофой», то есть тем самым актом самоубийства, о котором говорил Пастернак. Поэтому может сложиться впечатление, что именно в создании Мандельштамом этого знаменитого антисталинского стихотворения и состоял его последний творческий акт.

Но на самом деле это был только первый шаг. Только завязка сюжета, которая лишь предопределила его трагическую развязку. Сам же сюжет разворачивался довольно причудливо. Совсем не по установившемуся тогда шаблону.

После того как Мандельштам был арестован (это случилось, как уже было сказано, в ночь с 13 на 14 мая 1934 года), по просьбе жены поэта за него взялся хлопотать Н.И. Бухарин.

Раньше об этих его хлопотах мы знали только из мемуаров Надежды Яковлевны. Но сравнительно недавно письмо Бухарина Сталину, в котором говорится об аресте Мандельштама, было обнаружено, так что теперь у нас есть возможность более точно, а главное, более подробно узнать, как было дело.

Одним из первых объявил, что это письмо «обнаружилось» в президентском архиве, Эдвард Радзинский. Из текста его сообщения можно было понять, что обнаружил его там не кто иной, как он. Однако привел он в этом своем сообщении лишь ту часть бухаринского письма, где речь шла о Мандельштаме, сделав при этом вид, что публикует письмо полностью. Другая публикация (Письма Н.И. Бухарина последних лет. Август – декабрь 1936 г. Публикация Юрия Мурина// Источник. 1993. № 2. С. 12) была еще более фрагментарной: там был приведен только постскриптим бухаринского письма и резолюция Сталина. Полный же текст этого письма появился в печати совсем недавно. Целиком, в том виде, в каком оно было написано, его привел Леонид Максименков в своей работе «Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932 – 1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие» (Вопросы литературы. 2003. № 4). По соображениям, о которых скажу ниже, считаю нужным и тут привести это письмо полностью.

«Атотаме Етаа»

Іа айу :адудат-йюуу уацаар а Еатейтаа, дае еае атееат цаитиоу ца асаатоп ііаатотіае е птаао іейтааеае, а цаити і іа даатіоаду іа ааро: іаеіі педіоууу (аадат Аеааі еу Іае, еа 30). А пйе п пей у даеае дааа іатейтау і іатейтео атотіае:

1. Іа Аеааі ее Іае. Ііейтаат еа пдатіаеотіу іейі :адауі і іададіей уі. В ііеае іейі і іо педіааау іадоетейаеаеа о. Еіаеааа (і:атіу отіотее іаатіу аіаеае дааті:еа, ідаедатіу дацаедаріуеіі). Уоті - птааеатіуе атіеу Іейі і ідеааар. Атее аіу оу ідеаае - еае оу уоті оі аіуу - ата аі цаадоаейіі А атіааеатіа птааеа аіа отіейі, :оті ца 1934 а Аеааі еу Іае іа ііеаеаа іеаейе еііпдотіі іе ееоаааооті - аті ооо е птаае ца іаеіе!

2. І іатейтааі «І дааіу» (оетіааотіейі). Атеі дааті, :оті іа:едауіуу :атіууотіі іатейтаа іааеаа іаі. Іа ііпееатіа цаитіае Іаароті аіеа атіааіа еііейі, еіотіау ііааааао іааті іодо уотіо оаеі е іу ііааті і:оооотіу аеааейі і іа іае. В іотіоо оатіаа аеаатіей і іаі о ааіао Ноаеіі а :отіау іаі іа іаеаеае. Еіа:а іу аааі ааеаеі атіаотіаіу іааа Іаі ааейтаедауі іаеіі пдотіа іатіаатіа еа «І дааіу» е еіотіа.

3. І ііуоа І атіаеуоаі а Іі ате іааааті аааотіау е атіеат. Аі аааао іі ідеотіае іі птаае аатіе еі і іае атіеааіае птае ііатіау іа птае іааі ао а пйе п оаі, :оті іі ііааейі (!) пАеаейіаі Отіепоті, еіотіоті о іаіаті «пей атее:атеее ааа» ца оті, :оті оті іаі даааеааті уеіау даеае аа ааеі, еіааа ааае іейтааеу ііаеае аа аатіа В атіаеае п Ааатіаіу, іі іі і іа іе:аа еііедаотіа іа птаае. Оатіау ііей:ар іо:атііаа оааааіу іо аатіу І атіаеуоаі а, :оті іі ііпее:атее даіпдотіаі, іуоаейі атіаотіеотіу ес іейа е о.а І іу іоатіа І. І атіаеуоаі а: іі - іаатіеаатіуе ііуо, іі аатіеотіі іатіааі атіаі; іі - ааотіейі іа іаатіа ііоті аеат; іі :оаіааао іауу цао дааеатіуі е о.а О.е еі і іа ата аааі у атіаеаеотіо, а у іа цаар, :оті іі е а :аті іі «іааеаеае», оті у даеае іатейтау дааа іа уотіі. І отіо е ца аеіі іа іейі і. І дааіо.

Отіе Іеетіае.

P.S. О Мандельштаме пишу еще раз (на обороте) потому, что Борис Пастернак в полном умопомрачении от ареста Мандельштама и никто ничего не знает».

Первые два пункта этого письма (об Академии наук и о судьбе типографского наследства «Правды») к нашей теме никакого отношения не имеют и, казалось бы, приводя текст бухаринского письма, их вполне можно было бы опустить без малейшего ущерба для сути дела. Но я, как уже было сказано, счел

необходимым привести текст этого письма полностью, потому что весь тон его – да и не только тон, а вся его, так сказать, композиция, – красноречивы необычайно.

Я думаю, что не случайно Бухарин не считал для себя возможным обратиться к другу Кобе с письмом (или хоть запиской), целиком посвященным судьбе Мандельштама, а решился затронуть тему его ареста лишь в общем письме, в ряду других, более важных (общегосударственных) проблем и вопросов. И не случайно заговорил он на эту щекотливую тему не в первом и даже не во втором, а лишь в третьем пункте своего письма, как бы давая тем самым понять, что сие хоть и важно, но важно – «в третьих».

Не менее красноречива тут и стилистика всех трех пунктов. По пункту первому он высказывает пожелание, чтобы Сталин приказал («как ты это умеешь»). По второму – просит дать указание своему другу Стецкому. Что же касается пункта третьего, то тут он, в сущности, ничего не просит, а как бы просто ставит «друга Кобу» в известность о том, какое создалось положение: жена поэта шлет ему «отчаянные телеграммы», Пастернак «в полном умопомрачении», все к нему апеллируют, а он толком даже и не знает, в чем арестованный поэт провинился, чем «наблудил», может быть, дело носит вовсе даже и не политический, а сугубо бытовой характер («подрался с Алексеем Толстым»), – вот и «решил написать и тебе об этом».

Все это я отмечаю отнюдь не в укор Бухарину. Заступиться за опального поэта он мог только вот в такой деликатной, осторожной форме. Вопрос и сам по себе был непростой. А тут еще – особое положение, в котором оказался тогда бывший лидер правой оппозиции. В конце 29-го года после изгнания из Политбюро он был назначен начальником научно-исследовательского сектора ВСНХ СССР. Практически это означало, что отныне он – политический труп. Однако в январе 34-го на «Съезде победителей» он был избран кандидатом в члены ЦК, а 20 февраля того же года был утвержден на должности ответственного редактора «Известий». Перед ним забрезжила перспектива возвращения в большую политику, пусть и не на прежних ролях. Времена, когда они с другом Кобой были на равных, когда тот предлагал ему что-то вроде дуумвирата («Мы с тобой Гималаи!»), были в далеком прошлом. Но были в этом прошлом (по времени – не таком уж и давнем) эпизоды, о которых теперь лучше было не вспоминать. Однажды, например, на какой-то встрече с периферийными партийными и комсомольскими жожаками (кажется, это было на даче Горького) молодые партийцы попросили «товарища Сталина», чтобы он рассказал им о Ленине. И тут Николай Иванович (может быть, в легком подпитии) больно защемил двумя пальцами сталинский нос, потянул и сказал: «Ну, давай, давай, соври им что-нибудь про Ленина!» Памятливый Коба эту его выходку, конечно, не забыл. Как не забыл и другой случай, когда они – шутя, конечно, по-приятельски, – боролись, и Николай, забыв в азарте борьбы «кто есть кто», положил друга Кобу на лопатки.

В общем, мы с вами даже и не в силах вообразить, насколько опасной, смертельно опасной была для Бухарина эта его попытка заступиться за опального поэта. (Л. Максименков, комментируя этот поступок Бухарина, не зря называет его подвигом.) А то, что сделал он это в хорошо продуманной, предельно тактичной форме, как раз и свидетельствует о том, что опасность такого заступничества очень хорошо понимал. Даже если и в самом деле не знал о том, что послужило причиной ареста Мандельштама.

Надежда Яковлевна считает, что не знал.

Вот как описывает она свой первый разговор с ним об арестованном муже.

«Іа іаіеііе ее іі ÷аіі-іеаііі ііііі÷а? В іаіаіеіа - іаі, аае, іаіаіаі÷аіеаііеіе, іаііаіаіаіаіаі, ÷аі І. Е. аіаіа.»

В ііеііеа І іа аі ііі ііі іііаіаі. І і ііеаеі ÷аіаа іаааі, а іаі іа аііі аі аіііаеіііе іаіаіііеіе.»

(І ааіеаа І аіаіііаіаі. Аіііі іеіаіеіі)

ссылка была отменена. Мандельштамам разрешено было поселиться где угодно, кроме двенадцати крупнейших городов страны (тогда это называлось «минус двенадцать»). Не имея возможности долго выбирать (знакомых, кроме как в двенадцати запрещенных городах, у них не было нигде), Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна наугад назвали Воронеж. Причиной «чуда» было личное распоряжение Сталина.

Надежда Яковлевна, как мы уже знаем, считает, что тут возымели свое действие хлопоты Бухарина. Не сомневается в этом и Л. Максименков, обнародовавший полный текст бухаринского письма Сталину, подробно его описавший и внимательно проанализировавший.

«А утарада 34-а іа нїааа “Ітаааеаае” Аааааі аіе есаааі еаіаааааіі а -еаіу ОЕ. Оіеааааі аа аіеу а Аааааі еа іаае Іі аау еіаіаеаа нїаааіеіе еааааааі е еаааааааааі аіеаа іа-еаааааіі іеаааааіі аааа, іа ааааааааааааііуе а уаіуаа ааааіеуа Ііеаааааі. Ааа-аі а і аа-еіаі аіеа ітааааааааа ітаау ітаааааа аіу Іааааа нїаааа іеаааааае. Дааааааааі есі аіаіаау, ііа ііаа-ааа Ааааааіа ааааааааа іа нїаааа н аіеааааі і нїааааааіе ііуаае. Аіеааа-еа ііеа-аа еааа-аааіа аау аааааааааааааа ііуаае е нїааааааа ііуааіа Іа іаааааааа аааіу Ааааааі іааіа-аааа іаі ааааааааіі Наааааа а ааааааа ііуаае, -ааааа-ааааа еіі еіааааі н іаіааааіі “Еіаааааааа”. І аіааааааааі а (ііа ааааі аеі Іаааааааа) н аааа еі аііі аааааааау уаіі оі ііааааі оі аіааааа».

(Леонид Максименков. Очерки номенклатурной истории советской литературы [1932 – 1946]. Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие. Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 256)

И – в завершение сюжета:

«Ааааааі іаааа-еа іа іаааааааа еаа аааааа І аіааааааааі а А уаіі - ааааааа еаіааааа еааааааааа іаі іаі аааааа-ааааа а аааааааааааааа ііуаае еаааіі аааааааааа-ааааааааааааа».

(Оаі ааа № 259)

Что касается мандата, наместничества, чрезвычайного комиссарства, а тем более «карт-бланша», – все это в высшей степени сомнительно. О том, какими жалкими были полномочия этого «чрезвычайного комиссара», можно судить по тому, с какой отчаянной наглостью кинулась в прениях на утвержденного высочайшей инстанцией докладчика свора «неистовых ревнителеев» (Демьян Бедный, Алексей Сурков, Безыменский, Жаров). Как нахально, с полным сознанием своего права, учили они вчерашнего «любимца партии» той самой «азбуке коммунизма», в преподавании которой еще совсем недавно он считался едва ли не высшим авторитетом.

Кстати, во второй части своей работы Л. Максименков публикует письмо (в сущности, донос) Жданова Сталину, в котором на эту тему говорится следующее:

«Больше всего шуму было вокруг доклада Бухарина, и особенно вокруг заключительного слова. В связи с тем, что поэты-коммунисты Демьян Бедный, Безыменский и др. собрались критиковать его доклад, Бухарин в панике просил вмешаться и предотвратить политические нападки. Мы ему в этом деле пришли на помощь, собрав руководящих работников съезда и давши указания о том, чтобы тов. коммунисты не допускали в критике никаких политических обобщений против Бухарина. Критика, однако, вышла довольно крепкой. В заключительном слове Бухарин расправлялся со своими противниками просто площадным образом. Кроме этого, он представил дело так, что инстанция одобрила все положения его доклада вплоть до квалификации отдельных поэтов, канонизации Маяковского и т.д., в то время как ему прямо указывалось, что в вопросе о квалификации поэтического мастерства того или иного поэта он может выступать лишь от себя... Я посылаю Вам неправоленную стенограмму заключительного слова Бухарина, где подчеркнуты отдельные выпады, которые он не имел никакого права делать на съезде».

(Аііааааа еаааааааааааа. 2003. 1 5. № 259–261)

Намерениям «поэтов-коммунистов» напомнить Бухарину обо всех его политических грехах и ошибках был, значит, сделан легкий укорот. Но свору «неистовых ревнителеев» на докладчика с цепи все-

таки спустили. И Сталин в своем ответе на донос Жданова не смог скрыть искреннего удовольствия, полученного им при известии, что «Бухарчику» от них все-таки крепко досталось:

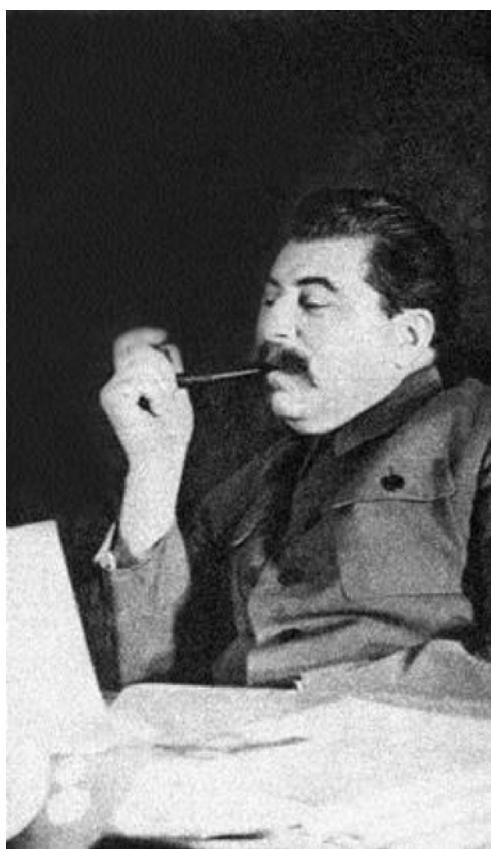
«Αὐτὰρ ἐὶ γὰρ ἴδεν, ἀπ' αὐτῆς αἰῶν ἐπιβόρῃς ἠ' ἀεικλίτῃς (ὀρθοῖ ἐ γὰρ αὐτῶν ἰοῦσθαι αἶψ' Ἄ. Ἀαῖ ἴε)».

(Ὀὰι αἰά Ν. 265)

Вот, стало быть, каковы на самом деле были «чрезвычайные полномочия» этого «наместника» Сталина «в царстве поэзии», вот чего стоил этот якобы полученный им от Сталина «карт-бланш».

Но с утверждением Л. Максименкова, что именно письмо Бухарина Сталину спасло Мандельштама от гибели, спорить вроде не приходится. Об этом как будто неопровержимо свидетельствует резолюция, оставленная Сталиным на тексте бухаринского письма.

Резолюция была такая:

«Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие...»

В оригинале письма Бухарина пункт третий (тот самый, где речь о Мандельштаме) сталинской рукой был отчеркнут красным карандашом. Первый и второй пункты ни специальных пометок, ни резолюций не удостоились: Коба сразу усек, что в письме «Бухарчика» было важно во-первых, а что – во-вторых и в-третьих.

Леонид Максименков полагает, что эта сталинская резолюция адекватно отражает непосредственную реакцию вождя, искреннее его возмущение теми, кто посмел самовольно, без его ведома арестовать Мандельштама. Причиной же этого возмущения было не уязвленное самолюбие диктатора («Сами подумали, сами посоветовались и сами решили?..»), а грубое нарушение установленного порядка. Мандельштам, оказывается, был номенклатурным поэтом. (Одна из глав работы Л. Максименкова так прямо и называется: «Мандельштам – номенклатурный поэт».)

«*Á ÷áí ñòù íáððáíáðííñòè ñáúòèý? Ñòáèéí íá áðáíðá ííðíáéá èñèðáííá íé÷áá íá çíáè. Ááç áááííá ÕË, “èíñòáíòèè” (Ííèèðáðòí, Íðááðòí, Ñáèðáðáðèáðá), Èèùíðíðíá è íðáèííèòáðá Ñíðçá íèñáðáèáè áðáíðíáèè ííí áíèèáðòðííá ííýòá. Á òá áíè íá-èíáèñý íðèáí á ÷éáíú ÑÑÍ. Õáèíé áðáíð í íá ííáðáèèòùèáí íáíèè è ííááí òíáéá è ñíáçá».*

(Áííðííí èèðáðáðòðí. 2003. 1 4 Ñ. 245)

«*Ííáðíðýáí, ÷òí Í áíááèùòáí áúè ííí áíèèáðòðííá ííýòáí. Ááí èíý áúèí áèèð÷áíí á ñèñé-ðááíðá, èíðíðúè áúè ííááí Ñòáèéíó á í íí áí ò ñíçáíèý íðáèíí èòáðá ÑÑÍ á áíðáéá 1932 ááá è èíðíðúè áíááí ñ áèùíí áèáííá çááðíáéá íáðíí ííè ñòðáíú èñ-áðáèè òáðáèèòáðííí è òèððáí è, ñòðáèèáí è è òáí èèèýí è èáíáèááðíá*

«*Á ÷áíðè ñèñéá, çáèèð÷éòáèùííé íí íáíðá íí íá íí ííèèðè÷áíèííó çíá÷áèèð, ñíðíýáèáè èç 58 «ááííáðòèèíúò íèñáðáèáè» áúèè èí áíá Íáíðáðíáéá, Ááááèý, Íéáðíííáá, Ýðáí áíá, Èèðááá è Í áíááèùòáí á.. Õáí èèèè Í èðáèèá Áóèáíèíáá, Áííú Áðí áðíáíè è Í èðáèèá Èçá èíá á ýòáí ñèñéá íá áúèí. Ñíèñé áúè íððáíííé áááí íòíè. Á áíèíáèýò áèçáí òèèííá çíá÷áèý ñèñéá áèý ðííñèè Ííèíá Ýí èèùíáè÷á í íáèíí áúèí ñ-èòáðíðáèèùííí ÷éáííí ííí áíèèáðòðííá ÑÑÍ íáðáçáá 1932 ááá. Íòííúá íáèíý áúèí íðííðíí òáè áðáíðíáíááòù òííí ýíòóùò á ñèñéá ííýòá è íèñáðáèáè».*

(Õáí áéá Ñ. 250)

Информация интересная. Но – вывод... При всей – внешней – его убедительности он представляется мне весьма и весьма сомнительным.

«Кто дал им право!», – возмущается вождь. Но кому это – «им»? Кто – эти таинственные «они», посмевшие арестовать Мандельштама? Ведь мы с вами прекрасно знаем, что никаких «они» на самом деле не было. Был «Он». И только «Он».

Когда Орджоникидзе возмутился обыском, который сделали у одного из руководителей подведомственного ему наркомата (кажется, у Пятакова), Сталин сказал ему:

– Что ты возмущаешься? Это такая организация... Они и у меня могут обыск сделать.

Шутка.

«*Á íðáçáèèòí á Íáðáíá áíáñðçííá ñíáçáá ñááíðíèèð íèñáðáèáè. Ááí úýí Áááí úé, Í èèíéáè òèèííá Èèùý Ýðáí áðáá*

Сталинская резолюция по поводу ареста Мандельштама шуткой, конечно, не была. Но, как и реплика, брошенная им в разговоре с Серго, она была чистой воды лицемерием. О том, что Мандельштам арестован, Сталин, конечно, знал. Мало того: к тому моменту, когда до него дошло бухаринское письмо, арестовавшие Мандельштама «они» уже давным-давно получили от Него указание, как «им» надлежит в этом случае действовать.

На письме Бухарина даты нет. Но определить, когда оно было написано и отправлено, нетрудно. Л. Максименков датирует его первой половиной июня исходя из информации, содержащейся в первых его двух пунктах. (Подготовка к съезду писателей, дата заседания оргбюро, на котором рассматривался вопрос об использовании оборудования старой типографии «Правды».)

Но для нас гораздо важнее другая подробность этого письма, содержащаяся в представляющем для нас главный интерес третьем его пункте.

«Я получаю, – пишет там Бухарин, – отчаянные телеграммы от жены Мандельштама, что он психически расстроен, пытался выбраться из окна...»

Из окна Мандельштам пытался выбраться в Чердыни. А то, что он с Надеждой Яковлевной оказался в Чердыни, было, как мы знаем, чудом. И причиной этого чуда было личное распоряжение Сталина. Его фраза: «Изолировать, но сохранить».

Эту сталинскую фразу Надежда Яковлевна услышала из уст следователя, который вел дело Мандельштама. Она называет его «Христофорович» – не по аналогии с Бенкендорфом, как можно было бы предположить, а просто потому, что по иронии судьбы именно такое было у него отчество. Николай Христофорович Шиваров – вот как его звали. Оперуполномоченный 4-го отделения СПО ОГПУ, специалист по писателям.

*Í.Ë. Áóóáðéí: «Β ἰῆó: ἀρ ἰò: ἀγῖί ἰύá òáéáðáì ἰ ὕ ἰò æáí ὕ Ì áí äéúò òáì à
: òí ἰí ἰῆòé: áñéè ðáññò ðῖáí, ἰ ὕ ò æéñῖ áἰáðῖñé ò ὕñῖ εç ἰέἰá...»*

«РЕПРИЗА» НА АРЕНЕ ИСТОРИИ

Ἴ ἱστῶν ἀρεῶν ἀποκαλύψαι θεῶν ἀλλήλων ἀδελφὰ ἀδελφῶν Ἀδελφεῦ Ἀδελφῶν ἐπὶ τῶν ἱστῶν ἀποκαλύψαι τῶν ἀποκαλύψαι

Ἀλλήλων ἐπὶ τῶν ἀποκαλύψαι

Ἴ δὲ τῶν ἱστῶν ἱστῶν ἀποκαλύψαι ἀδελφῶν ἀδελφῶν... × ἀποκαλύψαι τῶν ἀποκαλύψαι – γὰρ ἱστῶν ἀποκαλύψαι

Ἄ. Ἀδελφῶν ἀλλήλων, «Ἐπὶ τῶν ἀποκαλύψαι»

Ὁ ἈΔΕΛΦΕῦ Ἰ Ἰ ΔΑΔΔ Ὑ ἈΔΔ Ὀ Ἰ ΔΑΔΔ Ἰ ΔΑΔΔ

Создатели недавно снятого историко-документального фильма «Реприза» – автор сценария Аркадий Ваксберг, продюсеры Григорий Илугдин (он же режиссер-постановщик) и Валерий Рузин, – давая такое название своему детищу, конечно, не имели в виду цирковой трюк. В дословном переводе с французского «реприза» – это повторение, возобновление чего-либо. Только такое толкование чужеземного слова может служить ключом к закодированной авторами основной идее картины: во что бы то ни стало доказать, что сталинский антисемитизм есть повторение нацистского Endlosung – «окончательного решения еврейского вопроса».

Именно на этой, рожденной холодной войной и поныне весьма популярной на Западе идеологеме зиждется сценарий Ваксберга, которого без преувеличения можно назвать мозгом и душой фильма. Такой вывод правомерен уже потому, что Ваксберг не только изначально определил содержание картины, но и выступил в роли рассказчика, который, что называется, «от первого лица» предлагает нам свой взгляд на антиеврейскую политику Сталина. Используя эффект постоянного присутствия на экране, Ваксберг без посредников воздействует на зрителя и комментирует все, что тот видит, – от кадров документальной хроники военного времени и игровых эпизодов, представляющих того же Ваксберга в юности, до сцен современной жизни, где он запечатлен фланирующим по парижским улицам. Сама по себе такая форма подачи материала, безусловно, удачна. С одной стороны, она обеспечивает единство основных частей сюжета – двух вспомогательных (автобиографические эпизоды и тема В.С. Гроссмана) и главной (история о письме еврейской общественности в «Правду» и якобы готовившейся депортации евреев). А с другой – живое авторское слово всегда доходчивее и убедительней, чем профессионально поставленная, но лишенная эмоций сопричастности происходящему на экране дикторская речь. Однако тут важно соблюдение неперемного условия: позиция ведущего должна быть предельно ясной. Никакой уклончивости. В противном случае авторский монолог превращается в инструмент манипулирования сознанием зрителя, в средство обмана.

К сожалению, Ваксберг на экране лишь имитирует чистосердечие. Правда, имитирует он его благодаря актерскому дару и личному обаянию, несомненно присущим этому литератору, тонко, искусно, так что зрительская аудитория, поддавшись магии убеждения, в большинстве своем склонна ему верить. И только немногие, главным образом специалисты-историки, посвятившие не один год изучению проблем, которым посвящен фильм, способны трезво оценить его содержание.

Вот лишь одна иллюстрация. На экране воспроизводится былая полемика Ваксберга с «зашоренным», в его понимании, французским коммунистом Шарлем Лидерманом, смеющим сомневаться в реальности государственного антисемитизма в СССР. Сомневается он еще и на том основании, что в мрачные послевоенные годы с самим Ваксбергом ничего не случилось. На этот вполне резонный довод следует скороговоркой произнесенный ответ явно задетого за живое собеседника: да, не случилось, но ведь могло случиться. Чувствуется, для Ваксберга этот вопрос явно из «неудобных». Ведь вопреки его словам о том, что после войны Сталин ввел такую процентную норму для поступления евреев в вузы, какой не было даже в царское время, ему самому, выходящему из еврейской семьи, почему-то удалось закончить в 1949 году весьма престижный юридический факультет МГУ, а потом – в самый черный для евреев 1952 год, когда были казнены тринадцать членов Еврейского антифашистского комитета, – еще и аспирантуру^[1]. Неужели Ваксбергу просто повезло и его судьба стала исключением из жестких правил советской жизни, действительно установленных тогда для евреев? Или произошло нечто не совсем случайное? Будь картина Ваксберга воистину исповедальной, мы получили бы ответы на эти, на другие вопросы, подобные этим и возникающие по ходу фильма. Однако поскольку «Реприза» по духу далеко не «Покаяние» Т.Е. Абуладзе,

оставшееся, по сути, гласом вопиющего в нашей кинопустыне, придется самостоятельно докапываться до истины.

Я далек от того, чтобы безоглядно верить идейно враждовавшему с Ваксбергом В. В. Кожинуву, когда тот свидетельствует, что в 1949 году, случайно столкнувшись в коридоре МГУ с юным тогда Аркадием Иосифовичем – студентом юрфака, он был неприятно поражен выражением остолбенелого восторга, застывшим на лице последнего в момент выхода из аудитории (после очередной лекции) А.Я. Вышинского^[2]. Однако Кожинув так живо и реально описал ту памятную для него сцену, намеренно упомянув при этом имя невольного очевидца, Л.А. Рускол, что рассказанное им невозможно полностью отвергнуть. Тем более что последующее продвижение Ваксберга по карьерной лестнице в СССР было весьма успешным. И только в «перестройку», когда многих прежних кумиров стали сбрасывать с пьедесталов, Аркадий Иосифович назвал Вышинского «сталинским инквизитором». Однако, как писал Гюстав Флобер, низвергающим идолов не дано смывать с себя их позолоту, въевшуюся в кожу за время поклонения.

До перестройки Ваксберг, как и подавляющее большинство советских граждан, покорно совершал ритуал поклонения советским божкам. В 1954 году в автореферате своей кандидатской диссертации он с пиететом цитировал сочинения Сталина, Жданова и Маленкова, разоблачая одновременно «антимарксистские взгляды» правоведов Хейфеца и Немзера^[3]. Занимаясь позже преподавательской и адвокатской деятельностью, Ваксберг стал публиковаться, подвизаясь на ниве воспитания подрастающего поколения и наставляя его на примерах из жизни К. Маркса, Ф. Энгельса, «всегда» «мягкого и доброго»^[4] В.И. Ленина, а также других «пламенных революционеров». «Светлой памяти» одного из них, Н.В. Крыленко, видного представителя и создателя репрессивной советской юстиции, побывавшего на постах председателя Верховного ревтрибунала республики, прокурора РСФСР, наркома юстиции СССР и др., он даже посвятил книгу^[5].

С этим своего рода идеологическим заказом партии Ваксберг справился блестяще. Созданный им образ эдакого рыцаря социалистической законности получился не блеклым, ходульным и дидактичным, сработанным по канонам популярной серии «Жизнь замечательных людей», а ярким, человечным и потому убедительным. В книге Ваксберга Крыленко не только отдавал всего себя борьбе с коварными врагами новой светлой жизни, но и не был чужд таких романтических увлечений, как охота (да еще в компании с Ильичом), шахматы, альпинизм.

Однако когда в эпоху гласности из праха забвения стали восставать тени невинных жертв рухнувшего режима, миф о человеке-легенде развеялся. Открылось, что, перед тем как навсегда сгинуть в пучине «большого террора», Крыленко сам немало поучаствовал в организации акций уничтожения. В качестве главного государственного обвинителя он выступал с речами (в народе их называли «сказками Крыленко») на процессе по «Шахтинскому делу», на процессе «Промпартии» (кстати, кадры хроники этого процесса – изображения жертв, но не палачей – использованы в «Репризе» как фон), на других сфальсифицированных политических судилищах 1920 –

1930-х годов. Подобно Вышинскому, считал личное признание «царицей доказательств» вины подсудимого. Заявлял: «Только лицемеры могут утверждать, что в гражданской классовой борьбе можно обойтись без физического уничтожения противника».^[6]

Когда книга о Крыленко вышла в свет, Ваксберг уже три года как работал в редакции «Литературной газеты», созданной еще Сталиным для идеологической обработки собственной интеллигенции и западного общественного мнения, а в 1960 – 1980-е годы возглавлявшейся А.Б. Чаковским, деятельным участником так называемых активных антисионистских мероприятий властей. Не так давно, кстати, А. Ваксберг написал о бывшем своем главном редакторе если не восторженную, то уж по крайней мере весьма и весьма хвалебную статью. Бесспорен факт, что работа в «Литературной газете» служила для «птенцов гнезда Чаковского» своеобразной школой фальсификаций, причем фальсификаций не в стиле суконно-кондовой печатной продукции «Правды», а гораздо более искусных, делавших грань, отделявшую ложь от истины, почти неразличимой. «Школа» эта воспитывала всегдашнюю готовность к выполнению очередного «социального заказа», умение ложь выдать за правду и наоборот; навыкам селективного подбора фактов (по принципу: «выгодные» – «раздуть», «невыгодные» – замалчивать; отсутствие «выгодных» фактов восполнять эрзацем, сотворенным из слухов, домыслов и выдумок). Учила методам воздействия на чувства читателей посредством популизма, мифотворчества, использования всех психологических средств – от тонкой игры в сердечность и доверительность до грубой брани в адрес тех, кого надо представить в образе врага.

Подобный анализ задним числом был бы излишним, если бы советская пропагандистская методология не «проросла» в «Репризе», дав причудливые всходы на новой почве либеральной публицистики.

КОММЕНТАРИИ СВОБОДНЫ, НО ФАКТЫ СВЯЩЕННЫ

Собственно, ради торжества этого девиза английских журналистов, провозглашенного в 20-е годы прошлого века, я и рискнул обратиться к некоторым фактам биографии Ваксберга, который, полагаю, конечно, поспешит обвинить меня в намеренном сборе компромата и выходящей за рамки дозволенного дискредитации оппонента. Это обвинение было бы справедливо, если бы Аркадий Иосифович в своем фильме-исповеди – таков он по крайней мере по форме – хотя бы попытался честно разобраться в собственном прошлом. Напротив – в автобиографических эпизодах юности мы увидели сценариста лишь в трогательном, симпатичном, но далеком от реальности образе. Двадцатилетний студент МГУ даже внешне не мог походить на юное создание, глядящее с экрана детскими наивными глазами в игровых сценах, датированных сценарием 1948-м годом. То же самое можно сказать и о юноше в кадрах, переносящих нас на темные московские улицы зимы 1953 года. Тогда «всамделишному» Ваксбергу шел 26-й год, и почему-то слабо верится в реальность его разыгранных в фильме романтических чувств к «шестнадцатилетней Маринке».

Конечно, все эти несоответствия между Ваксбергом в жизни и им же на экране не так уж существенны. Но вообще-то «накладок» в фильме немало. Скажем, в самом начале Ваксберг вспоминает, как «проклятой», «страшной» зимой 1953-го он, достав утром 13 января из почтового ящика «Правду» и добравшись до четвертой страницы, узнал из сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей». Зачем, спрашивается, понадобилось ему залезать в самый конец номера, когда о том же буквально кричал с первой полосы аршинный заголовок передовицы: «Подлые шпионы и убийцы под маской профессор-врачей»? Видимо, Ваксберг и те, кто ему помогал в сборе документальных материалов для фильма, если и держали в руках когда-либо этот номер «Правды», то очень давно. В противном случае Ваксбергу не понадобилось бы «близко к тексту» воспроизводить соответствующее место из мемуаров И.Г. Эренбурга (тот тоже почему-то начал читать «Правду» за 13 января 1953 года с «хвоста»^[7]), а создателям видеоряда – халтурить, демонстрируя газету за совсем другое число – 22 января 1953 года.

Еще один «ляп». Когда Ваксберг говорит, что в конце лета 1941 года с экранов вдруг исчезли фильмы о погромах в Германии («Семья Оппенгейм», «Профессор Мамлок») и фильм о советских евреях («Искатели счастья»), а из известной кинокартины Г. Александрова «Цирк» вырезали эпизод с Михозлсом и Зускиным, поющими колыбельную на идише, зрителям остается лишь недоумевать: в незабываемых кадрах они видят Михозлса и артистку ГОСЕТа Любовь Ромм, которую разве что с закрытыми глазами можно принять за Зускина.

Впрочем, все эти курьезные погрешности – только «цветочки» в сравнении с «ягодками», которыми потчует Ваксберг доверчивого зрителя на протяжении всего фильма. Создается впечатление, что в исследуемой проблеме ему изначально все ясно и без фактов, которые нужны разве только для того, чтобы проиллюстрировать уже готовую концепцию. Он не размышляет, а утверждает, поучает и разоблачает.

В лучшем случае он «терпит» лишь те факты, что как-то укладываются в «прокрустово ложе» его схемы. С другими поступает согласно известной сталинской формуле: «Если факты против нас, тем хуже для фактов». Вообще реальность играет в фильме подсобную роль: она используется не для выяснения истины, а главным образом для нагнетания страстей, для воздействия на зрителей на чисто эмоциональном уровне. Наблюдая за Ваксбергом, невольно вспоминаешь новеллу Томаса Манна «Марио и волшебник», где один из главных персонажей, гипнотизер-циркач считал себя вправе манипулировать не только чувствами, но и подсознанием простодушной публики. За что, впрочем, потом поплатился.

Перейдем, однако, к центральной теме фильма – к «делу врачей» и его роли в истории государственного антисемитизма эпохи Сталина.

«Ï ÐÏ ÑÏ ÊÏ ËÏ ÈÐÀÏ ÈÁÂÑÊË Ì ÓÄÐÅÕÏÁ»

Основная авторская идея состоит в том, что «дело врачей» и якобы вызванные им приготовления в Кремле к депортации евреев – это важный элемент тайного заговора Сталина и его ближайшего окружения. По Ваксбергу, главной движущей силой этого заговора явилось намерение «кремлевских мудрецов» воплотить в жизнь не выполненное Гитлером «окончательное решение еврейского

вопроса». Отсюда и упорное стремление авторов фильма доказать, что гитлеровский геноцид евреев и сталинский государственный антисемитизм – явления одного порядка и никакого принципиального отличия между ними не существует. Что, конечно, не соответствует исторической правде и служит попыткой ее вульгарного извращения. Ибо научно установлено: тайный антисемитизм Сталина сводился к постепенному, дозированному вытеснению евреев из сферы политики и управления государственными делами, что так или иначе продолжалось и после его смерти – почти вплоть до падения коммунизма в нашей стране. Гитлер же не только открыто угрожал евреям тотальным уничтожением, но и впервые в истории цивилизации ввел в действие мощную индустрию истребления целого народа. К тому же Сталин как политический прагматик не мог не понимать, что продолжение нацистской антиеврейской политики равносильно самоубийству для него самого и его многонациональной империи. Поэтому тот антисемитизм, который мог позволить себе Сталин, был «подковерный», «исподтишковый», внятно заявивший о себе только однажды, зимой 1953 года, когда обострение старческой паранойи заставило Сталина на время потерять контроль над собой.

Ставя жирный знак равенства между гитлеровским Холокостом и сталинской юдофобией, Ваксберг предпочитает не замечать существенной разницы между ними. Для него все кошки серы. И чтобы доказать никогда не существовавшее тождество, он вольно или невольно стремится обелить нацизм и максимально демонизировать сталинизм, прибегая для этого к демагогической риторике и искажению фактов. По его словам, «сталинский антисемитизм слился в жарких объятиях с гитлеровским антисемитизмом», и В.М. Молотов, назначенный в мае 1939 года наркомом иностранных дел, «прямоком» заявил бывшему руководителю НКВД М.М. Литвинову, что Сталин поручил ему «разогнать синагогу» в этом ведомстве. Однако если бы Молотов действительно сослался в таком деле на Сталина, то не сносить бы ему тогда головы. В действительности не Молотов Литвинову, а Сталин Молотову приказал, причем, надо полагать, без свидетелей: «Убери из наркомата (НКВД. – Г.К.) евреев»^[8].

Полемизуя с Ш. Лидерманом, считавшим, что Красная Армия спасла евреев от фашизма, Ваксберг утверждает, что Сталин воевал не с нацистской идеологией, а лишь с германской армией и что нацистская идеология одержала в войне «сокрушительную победу». Мысль по меньшей мере спорная, но пусть она останется на совести сценариста, хотя даже в Германии сейчас мало кто сомневается в том, что наряду с айнзацгруппами, которыми руководила такая зловещая структура партии, как СС, самое активное участие в уничтожении евреев на территории СССР принимал и вермахт. Так что, сражаясь с ним, Красная Армия в любом случае спасала евреев.

Неправ Ваксберг и тогда, когда говорит, что «четыреста с лишним русских газет, выходивших при оккупантах, изо дня в день науськивали своих читателей на “пархатых” и “крючконосых”». Во-первых, большая часть из такого рода изданий печаталась не на русском, а на языках других народов СССР, а во-вторых, все они, независимо от того, на каком языке выходили, по существу представляли собой пропагандистскую продукцию германских властей.

Вряд ли подобные «неточности» носят случайный характер. В фильме неоднократно дается понять, что изначальным злом являлась массовая ненависть русских к евреям, а государственный антисемитизм Сталина носил вторичный характер. Вот почему после рассуждений Ваксберга о «русских газетах», травивших евреев, следуют кадры с работающими в поле русскими крестьянками, осеняющими крестами проходящую мимо колонну фашистских мотоциклистов (не уверен, что сие не монтаж). А потом все это итожится столь же кощунственным, сколь и нелепым выводом: миллионы славян Советского Союза, поверив гитлеровской пропаганде о том, что Сталин возлюбил евреев, тем самым до такой степени оскорбили великого юдофоба, что тот решил «низвергнуть эту версию ценой жизни целого народа». То есть в подготовке депортации евреев, факт планирования которой так никогда и никем не был доказан, Ваксберг уже обвиняет не столько Сталина, сколько миллионы русских, украинцев, белорусов...

«Откровений» подобного рода в фильме немало, и вряд ли они поспособствуют межнациональному взаимопониманию в полиэтнической России.

Впрочем, никакие опасения, кажется, не посещают Ваксберга, ныне живущего во Франции. Сей благословенный край он готов, в отличие от не очень, видимо, любимой родины, превозносить до небес. Вот он убежденно толкует нам с экрана, что во Франции «не клеймят антисемитизм и не борются с антисемитизмом...» В том, видимо, просто нет необходимости. Во Франции с младых ногтей всем внушают, что дети разных народов суть равноправные граждане, и благодаря этому, как можно понять, в стране торжествует идиллия в межнациональных отношениях... Увы, чудес на свете не бывает. Ксенофобия и ее разновидность антисемитизм («тень еврейства», по слову А. Эйнштейна) еще сильны повсюду, и Франция, где совсем недавно под Парижем подожгли еврейскую школу^[9], не составляет исключения. В

действительности тамошние власти с антисемитизмом еще как борются, законом запретив, например, антиеврейскую пропаганду, нацистскую символику и сочинения отрицателей Холокоста.

... Противоречия в содержании фильма так разительны, что видны невооруженным глазом. Ваксберг, скажем, вспоминает, что в октябре-ноябре 1941 года его мать категорически отказалась покинуть Москву, после чего на экране возникают документальные кадры столицы военной поры. Аркадий Иосифович сопровождает их уверенной фразой: о том, что уготовано евреям под нацистами, толком еще не знал никто. Однако через несколько минут на экране воспроизводится состоявшийся в августе 1941-го и транслировавшийся столичной радиосетью еврейский антифашистский митинг, заклеивший позором гитлеровский геноцид евреев. После чего, естественно, возникает вопрос: так знали евреи, что их ждет при Гитлере, или нет? К счастью, историкам тут все более или менее ясно. По крайней мере тем из них, кто знаком с широко известной речью Сталина, произнесенной по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции, где недвусмысленно сказано о гитлеровцах как устроителях средневековых еврейских погромов^[10].

Чтобы прикрыть чужим непререкаемым авторитетом собственную несостоятельность в качестве историка и публициста, Ваксберг на протяжении всего фильма апеллирует к памяти Василия Гроссмана. Впрочем, это все равно не препятствует манипулированию фактами. В фильме, скажем, утверждается, что очерк Гроссмана «Украина без евреев» не был напечатан в советское время. Звучит вроде бы убедительно, поскольку известно, что власти всячески препятствовали выходу в свет этой работы. И все же, если верить С.И. Липкину, очерк удалось опубликовать «в каком-то второстепенном журнальчике»^[11].

Грешит Ваксберг против истины, убеждая зрителей, что другой очерк В. Гроссмана на тему Холокоста, «Треблинский ад» (он распространялся советскими представителями на Нюрнбергском процессе как официальное свидетельство обвинения), потому-де был напечатан, что Гроссман, пойдя на хитрость, ни разу не употребил в нем «крамольного слова “еврей”». Не знаю, давно ли Ваксберг перечитывал этот страшный документ истории и знакомился ли с ним вообще. Но если он когда-либо держал его в руках, то не мог не заметить, что в этом небольшом сочинении, изданном только в Москве в 1945 году дважды, слово «еврей» употребляется в различных вариациях как минимум пять раз – при том, что Гроссману национальный аспект не был важен в первую очередь^[12]. Для него, писателя-гуманиста, «Треблинка» стала прежде всего символом нацистской индустрии убийств, символом глумления темных сил преисподней над священной человеческой жизнью. Гроссман пишет о трех миллионах уничтоженных в этом концлагере как об общечеловеческой трагедии. Это, разумеется, не мешает ему скорбеть и о людях из народа, родного по крови, составивших подавляющее большинство погибших в Треблинском аду.

Укрывшись под сень почитаемого в России имени Гроссмана, Ваксберг, кроме того, пытается выдать за подлинное так называемое «обращение» группы евреев в «Правду», авторы которого просят о выселении их вместе с остальными соплеменниками в отдаленные районы СССР. Тем самым он совершает подлог, ибо подменяет своим фальсификатом письмо, действительно подготовленное в верхах в конце января-феврале 1953 года. Оно написано от имени нескольких десятков выдающихся евреев (варианты письма ныне хранятся в Архиве Президента РФ и в Российском государственном архиве новейшей истории), но не содержит никакого призыва к депортации. Поскольку отсутствие призыва выбивает главное доказательство из-под «теории» Ваксберга о подготовке в СССР второго Холокоста, он, проговариваясь о существовании «первоначального, самого немыслимого, самого безжалостного текста письма» и заведомо дезинформируя затем зрителей на тот счет, что этот текст «известен пока по воспоминаниям тех, кого удостоили чести его подписать», как искусный фокусник, делает подмену прямо на глазах. Вместо первого варианта подлинника из архива, действительно «безжалостного», хотя и содержащего отнюдь не призыв к депортации, а лишь требование «самого беспощадного наказания преступникам» (арестованным «врачам-вредителям». – Г.К.), Ваксберг зачитывает текст, сфабрикованный известным сторонником депортационной версии Я.Я. Этингером^[13]. Вся эта манипуляция обставляется не только провокационно (в качестве видеоряда используются современные съемки молебствия в Московской хоральной синагоге), но также весьма хитро и изобретательно. Прежде чем огласить подделку, Ваксберг, не обмолвившись ни единым словом об Этингере, как бы случайно вместо него ссылается на автора «Жизни и судьбы»: «Гроссман вспоминал, что это (обращение еврейской общественности в “Правду”. – Г.К.) была мольба евреев защитить их ссылкой от грядущего самосуда...»

Ничего подобного, однако, Гроссман не «вспоминал». Из мемуаров С.И. Липкина известно, что друживший с ним писатель так однажды изложил ему смысл письма: «врачи – подлые убийцы, они должны подвергнуться самой суровой каре, но еврейский народ не виноват, есть много тружеников, советских патриотов и т.д.»^[14]

Поскольку в этих строках, точно передающих суть хранящегося в госархиве подлинного, самого первого варианта «еврейского письма» в «Правду», депортация никоим образом не упоминается, они, разумеется, «озвучены» Ваксбергом не были. Вместо них он приводит отвечающую его собственной, но, как мы убедимся ниже, сомнительной с научной точки зрения версию из воспоминаний В.А. Каверина.

Каверин утверждал, что ему, приглашенному в свое время в редакцию «Правды», показали и предложили подписать коллективное письмо представителей советской еврейской элиты, которое представляло собой «приговор, мгновенно подтвердивший давно ходившие слухи о бараках, строившихся для будущего гетто на Дальнем Востоке»^[15]. Однако многое говорит за то, что это свидетельство недостоверно. Во-первых, Каверин пишет, что был вызван в редакцию «Правды» зимой 1952 года, а сбор подписей под «еврейским письмом» происходил в конце января – феврале 1953 года. Во-вторых, хотя из информации, полученной из госархива буквально на днях, вытекает, что Д.И. Заславский и Я.С. Хавинсон работали в период «дела врачей» в «Правде» и могли участвовать в сборе подписей под «еврейским обращением» (это частично подтверждается и свидетельством И.Г. Эренбурга^[16]), настаивавший на том же самом Каверин прав тут не во всем. Вопреки его утверждению, «руководящим работником» газеты являлся не Заславский – был лишь обозревателем, и потому, возможно, не был допущен к подписанию обращения, а Хавинсон, который, напротив, допущен был, так как вплоть до своего увольнения из «Правды» в мае 1953 года входил в состав ее редколлегии.

В-третьих, данный Кавериним словесный портрет Хавинсона (так почему-то он именуется писателем) мало соответствует оригиналу. Каверин изображает Хавинсона тридцатипятилетним лощеным красавцем^[17], тогда как в реальности тот был почти на двадцать лет старше (в 1953 году ему исполнилось 52 года) и не мог похвастаться приятной наружностью. Более того – постоянно носил массивные очки с толстыми стеклами и потому казался подслеповатым, не отличался ни светскими манерами, ни умением изящно одеваться. Ясно, что Каверин никогда не видел реального Хавинсона, и более чем очевидно, что он не читал настоящего «еврейского письма», хотя, возможно, ему и предлагали его подписать. Кроме того, Каверин, а вслед за ним и Ваксберг, назвав Гроссмана среди «подписантов» «подлого» «депортационного письма», фактически возвели на него облыжные обвинения, так как в реальном обращении, под которым тот поставил свое имя, о высылении евреев, как уже было сказано выше, речь не шла.

О том, что Ваксберг без особого пиетета относится к памяти Гроссмана, наглядно свидетельствует и такой вроде бы пустяк: говоря об аресте в начале 1960-х рукописи книги «Жизнь и судьба», он небрежно замечает: М.А. Сулов предрек-де, что это произведение увидит свет не раньше, чем через 200 лет. На самом деле тот сказал: «Напечатать книгу можно будет через 250 лет», – и это зафиксировано в дневниковой записи Гроссмана за 23 июля 1962 года^[18].

Указанные выше «несстыковки» с фактами в воспоминаниях Каверина, кстати, просившего читателей отнестись к этому литературному итогу его жизни «беспощадно», возможно, обуславливались тем, что окончательно были подготовлены к печати в конце 1980-х годов, когда из рушившегося на глазах СССР отмечался самый массовый исход евреев, а старые слухи о сталинской депортации обрели словно бы вторую жизнь, превратившись в сознании многих в некую историческую реальность. Как не вспомнить тут стихотворную строчку Б.Л. Пастернака о художнике – пленнике времени.

Но сейчас на дворе другие времена. И то, что было понятно и, быть может, даже оправданно десять – пятнадцать лет назад, нельзя простить ныне, когда существует реальная возможность с фактами в руках объективно разобраться в том, что происходило в нашей стране в далекие годы. К сожалению, Ваксберг, видимо, таким желанием не горит.

Если версия Каверина изначально как нельзя лучше укладывалась в концептуальное «прокрустово ложе» «Репризы», то для того, чтобы втиснуть туда еще и свидетельство Эренбурга, Ваксбергу пришлось потрудиться, извращая его суть.

В мемуарах «Люди, годы, жизнь» Эренбург, размышляя об арестах «врачей-вредителей» и начавшейся в январе 1953 года пропагандистской кампании, пишет: «События должны были развернуться дальше. Я пропускаю рассказ о том, как пытался воспрепятствовать появлению в печати одного коллективного письма. К счастью, затея, воистину безумная, не была осуществлена. Тогда я думал, что мне удалось письмом переубедить Сталина, теперь мне кажется, что дело замешкалось, и Сталин не успел сделать того, что хотел»^[19].

Всякому здравомыслящему человеку из этого текста понятно: «затея, воистину безумная» – это неоднократно упоминавшееся выше коллективное письмо в «Правду» с требованием «самого беспощадного

наказания» арестованным врачам, исполнение которого действительно затянулось («дело замешкалось»), благодаря чему, как дает понять Эренбург, Сталин не успел провести расстрельный процесс («сделать того, что хотел»). Но для Ваксберга, для которого сталинская депортация евреев превратилась в *idée fixe*, «затея, воистину безумная» и есть этот самый «план всееврейского выселения» в зашифрованном виде.

Такая трактовка логически вытекает из того, что Ваксберг вот уже более десяти лет активно пропагандирует миф о депортации. Правда, соприкоснувшись с ним в 1991 году, он поначалу осторожно констатировал, что «эта история (с депортацией. – Г.К.) еще достаточно темна, в ней множество загадок и недоговоренностей»^[20]. Однако сомнения мучили его недолго. Уже в 1993 году Ваксберг без колебаний примкнул к сторонникам депортационной версии, поддержав в своей новой книге все составлявшие эту версию легенды^[21]. И вот теперь, читая с экрана упомянутую выше фальшивку Этингера, он пытается убедить зрителей, что именно этот текст и направили зимой 1953 года Эренбургу, который, оказывается, в ответ не только его не подписал, но и, обратившись к «вождю» с личным посланием, «предпринял отчаянную попытку сорвать сталинский замысел депортации».

В действительности Эренбургу, как и Гроссману, предлагали подписать отнюдь не своеобразное приглашение на казнь, а так называемую первую редакцию коллективного обращения евреев в «Правду» (дается в приложении к данной статье). Будучи убежденным сторонником ассимиляции евреев и поддерживая ленинско-сталинский тезис о том, что «еврейской нации нет», писатель скептически воспринял представленный ему текст. Сказалось, видимо, то, что он еще в 1945 году демонстративно дистанцировался от еврейства, став потом главным проповедником антисемизма. К тому же 27 января 1953 года, то есть буквально в те же дни, когда Эренбург знакомился с проектом «еврейского письма», состоялось широко разрекламированное вручение ему Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами». Эта акция была призвана наглядно продемонстрировать и стране, и особенно всему миру, что советским евреям как таковым ничто не угрожает – более того, некоторых из них за заслуги перед государством даже награждают, а если кое-кого иногда и наказывают, то только за нарушение закона, перед которым равны все советские граждане независимо от национальности.

И вот теперь ему, идейному ассимилятору, предлагалось участвовать в национально окрашенном пропагандистском действе, да еще включиться в общий хор, требовавший «самого беспощадного наказания» людям, в преступлениях которых он весьма и весьма сомневался. Столь неожиданный оборот дела так встревожил Эренбурга, что он уже в день получения проекта письма, то есть где-то в конце двадцатых чисел января, обратился к Сталину, прося «поручить одному из руководящих товарищей» сообщить ему, Эренбургу, «желательно ли опубликование такого документа и желательна ли под ним» его подпись*^[22].

** А́иáí-áíüéááéèòèèðíááíííé íáéééááéé íéñíí à Ýðáí áóðáá Ñòáééíó íá ñòðáíéðáò «Èñòí-íééá» (1997. ¹ 1. № 142-143) ííí íòéáí-íí äàòèðíááíí 3 óááððéý 1953 ä*

«Руководящим товарищем», доставившим обращение Эренбурга Сталину на Ближнюю дачу (там оно и было обнаружено через несколько месяцев после смерти «хозяина») и потом, скорей всего, передавшим первому указание «вождя» подписать «еврейское письмо», был, по всей вероятности, Маленков, державший связь с писателем через Шепилова.

Именно Маленкову 29 января 1953 г. направили Н.М. Михайлов и Д.Т. Шепилов отредактированный уже с учетом замечаний Эренбурга (указаны в документальном приложении к статье) и наряду с прочими им подписанный первый вариант «еврейского письма»^[23]. Так что утверждение Ваксберга о том, что Эренбург уклонился от подписи, несостоятельно, о чем наглядно свидетельствует девятнадцатый по счету автограф писателя в прилагаемом к статье подписном листе «еврейского обращения». Этим же листом опровергаются и аналогичные утверждения Ваксберга в отношении Я.Г. Крейзера, М.О. Рейзена и других. И даже Л.М. Каганович вопреки слухам, пересказанным Ваксбергом, «приложился» к историческому письму. Правда, его автографа нет в общем подписном листе, поскольку он, считая себя членом высшего советского руководства, но никак не еврейским общественным деятелем, решительно отказался расписываться вместе со всеми. Однако заявил, что сделает это на отдельной копии письма, и сдержал слово^[24].

Сохранился общий подписной лист к первой редакции обращения, который содержит 57 автографов. Потом все эти подписи автоматически были «зачтены» при подготовке второй редакции, под которой появились новые подписи – А.М. Шафрана и Э.Ю. Локшина, чьих автографов нет в общем подписном листе к первой редакции.

Но хотя Эренбург и подписал коллективный призыв, требовавший казни арестованных врачей, что не решаются признать некоторые авторы журнала «Лехаим»^[25], – его личное обращение к Сталину во многом предрешило судьбу этого варианта. 2 февраля на коллективном письме появилась краткая помета некоего чиновника: «архив», – означавшая, что диктатор его забраковал. Взамен он потребовал от редактора «Правды» и председателя Комиссии по идеологическим вопросам при Президиуме ЦК КПССД. Т. Шепилова разработать еще один проект обращения еврейской общественности. При этом Сталин, видимо, распорядился ориентироваться на замечания и рекомендации, имевшиеся в письме Эренбурга. Ведь подготовленный в результате новый текст, представленный 20 февраля Маленкову, в полной мере соответствовал этим замечаниям. Так возникла вторая, значительно более спокойная по тону редакция «еврейского письма». В ней уже не было призыва беспощадно покарать «врачей-вредителей», из чего можно заключить, что Сталин решил отказаться от проведения публичного покаяния. Тем самым автоматически опровергается миф о показательном антисемитском судилище как сигнале к началу еврейской депортации. Если бы Сталин вскоре не умер, то скорей всего арестованных врачей расстреляли бы по приговору, вынесенному на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР, о чем потом было бы кратко сообщено в официальной хронике.

Как и «жесткая», так и «мягкая» версия «еврейского письма» не были опубликованы. Думается, Сталин незадолго до приступа смертельной болезни сам похерил эту затею, исходя из того, опять же подсказанного Эренбургом, соображения, что обнародование любой, даже выдержанной в самой оптимистической тональности, коллективной петиции евреев будет воспринято в мире как свидетельство наличия в СССР серьезной национальной проблемы.

Со всеми вариантами настоящего «еврейского письма» Ваксберг наверняка знаком, но предпочитает не принимать их в расчет, понимая, что реальный документ не оставляет камня на камне от сотворенной им с таким трудом легенды. Игнорируя очевидное и продолжая упорствовать в своем антиисторизме, он уснащает собственноручные «протоколы кремлевских мудрецов» все новыми «страшилками». В совсем недавно вышедшей новой книге «Из ада в рай и обратно» Ваксберг рассуждает: «Гитлер своего добился: Сталин приступил к осуществлению его замысла (в отношении евреев. – Г.К.), но не так brutally... Без газовых печей»^[26]. В «Репризе» он идет еще дальше: осуществив массовую депортацию евреев, Сталин, мол, не мог бы позволить скопление в одном месте такого огромного количества ненавидящих его людей. Где бы он взял столько конвойных для охраны? Значит, выход был, как у Адольфа, – печи, печи и снова печи.

Вот так, ради ничем фактически не подкрепленного, но устрашающе-эффектного красного словца («газовые печи»), Ваксберг с легкостью пошел и против правды истории, и против здравого смысла.

CIRCULUS VITIOSUS

Это латинское выражение буквально означает «порочный круг». Юристы прибегают к нему, дабы отметить бесполезность добытых по делу доказательств, поскольку те сами сомнительны и требуют проверки на достоверность. Система аргументов в «Репризе» только на первый и очень поверхностный взгляд кажется убедительной. Но когда, отрешившись от эмоций, приступаешь к анализу с юридической и исторической точек зрения, они начинают рассыпаться на глазах и становится очевидным, что имеешь дело с типичным *circulus vitiosus*.

Не будем, однако, голословными. Для обоснования версии о подготовке Сталиным массовой депортации евреев в «Репризе» используется только одно вещественное доказательство, или, как юристы говорят, улика, – упоминавшееся письмо представителей еврейской элиты с призывом к соплеменникам «добровольно» переселиться в отдаленные районы страны. Все остальное – это устные свидетельства очевидцев, призванные подтвердить, что такое выселение действительно планировалось и подготавливалось Кремлем.

Начнем с главного, с «улики». В опубликованной сначала в «Лехаиме», а потом и в академическом журнале «Отечественная история» статье «Депортация – мистификация» мною было доказано, что коллективное обращение с призывом к переселению – не что иное, как фальсификат, выдаваемый Я.Я. Этингером за подлинное «еврейское письмо» в «Правду»^[27]. И хотя «депортационное обращение» было названо в «Репризе» подлинным, в его подложности, как ни парадоксально это звучит, кажется, мало сомневается и сам Ваксберг. Сетуя по поводу «одиноких и непрерываемо звучащих голосов» тех, кто отрицает депортацию, кто смеет не соглашаться с ним только на том, по его мнению, «смешном» основании, что до сих пор не найдено ни одного письменного документа, ее подтверждающего, маститый литератор почему-то так и не решился в качестве такового привести вот это самое «депортационное

письмо», а пустился в туманные рассуждения о том, что и многие другие политические преступления сталинизма не были зафиксированы в архивных анналах истории. Но Б-г с ними, с архивами. Почему до сих пор не найдено ни одного клочка от тех, якобы уже составленных в феврале 1953-го миллионов «списков на депортацию» и тогда же будто бы отпечатанных пропагандистских брошюр, ее обосновывавших? Ведь вслед за Этингером Ваксберг неоднократно писал о них как о реальных вещественных доказательствах, подтверждающих подготовку Сталиным «провокации века»^[28]. Ныне он благоразумно предпочитает по этому поводу не распространяться. Что это, если не своеобразное и хотя бы частичное признание правоты «одиноких... голосов»? Впрочем, не таких уж и «одиноких», как представляется Ваксбергу. Сегодня не только пишущий эти строки, но и многие известные и авторитетные авторы, изучавшие тему депортации, – литературный патриарх, на себе познавший государственный антисемитизм, А.М. Борщаговский, старейшина отечественной критики В. Кардин, ветеран диссидентского движения Ж.А. Медведев, один из руководителей фонда «Холокост» И.А. Альтман и другие – пришли к выводу, что таковая Сталиным не готовилась. И даже В.П. Наумов, этот «видный специалист по новейшей российской истории» (так его аттестует Ваксберг), ранее безоговорочно поддерживавший версию депортации, ныне уже придерживается «нейтральной» позиции, осторожно констатируя, что «вопрос о возможности депортации требует дальнейшего изучения и исследования на основе дополнительных документов»^[29].

Теперь о достоверности включенных в фильм устных свидетельств. Наиболее существенные из них поданы в виде «свидетельских показаний» на воображаемом судебном процессе в Колонном зале Дома Союза над «гражданином Сталиным И.В.». Первым в сцене «суда» на экране возникает актер, изображающий Н.А. Булганина. Суетясь и гротескно жестикулируя, он, как пулемет, торопливо изрыгает фразу за фразой: «Казнь (повешение) врачей должна была свершиться публично в Москве, Ленинграде, Киеве Минске, Свердловске. Вслед за этим должна была последовать депортация евреев на Дальний Восток. Лично я получил указание от Сталина подготовить для этого восемьсот железнодорожных составов и организовать крушения эшелонов, нападения на поезда разгневанных граждан...»

Зловещие слова, произнесенные с истерическим надрывом, способны впечатлить слабонервную публику, если, конечно, той невдомек, что «свидетельство» взято из сочинений все того же Этингера, еще лет десять назад обнародовавшего сначала всего лишь 3 – 5 строчек так называемых «Воспоминаний» Булганина, а потом непонятным образом увеличившего их до нескольких страниц. Разумеется, Этингер при этом не считал себя обязанным хоть как-то подтвердить аутентичность своей публикации.

То же самое можно сказать и о включенных в фильм обличениях «гражданина Сталина И.В.» историком Е.В. Тарле – они также позаимствованы Ваксбергом из сочинений Этингера^[30].

Правда, актеру, исполнившему роль бывшего секретаря ЦК КПСС П.К. Пономаренко, достался текст другого происхождения, производный от легенды, рожденной в недрах советских спецслужб. Более чем вероятно, что именно Лубянка по заданию Кремля организовала в 1957 году Пономаренко, тогда послу в Голландии, пресс-конференцию, на которой тот попытался подбросить Западу «дезу» о том, что Н.С. Хрущев и другие наследники Сталина «героически» сорвали последние безумные планы тирана, в том числе и связанные с «делом врачей»^[31].

Чтобы хоть как-то смыть налет «липы» с этих «свидетельств», создатели «Репризы» оговорились в титрах, что использовали «воспоминания Н. Булганина, П. Пономаренко, Е. Тарле, опубликованные в Москве и Иерусалиме», хотя мемуары этих деятелей никогда и нигде не печатались.

Однако мифотворчество Ваксберга не ограничилось только использованием чужих легенд – в фильм включены и его собственные наработки аналогичного плана. Одна из них представлена зрителям в виде «свидетельского показания» Л.Р. Шейнина (печально известный своей близостью к А.Я. Вышинскому следователь Прокуратуры СССР, автор детективов и личный знакомец Ваксберга) о деталях подготовки депортации на том же виртуальном процессе над Сталиным. Причем Ваксберга несколько не смутило то немаловажное обстоятельство, что с осени 1951 года Шейнин находился под арестом и уже в силу этого не мог быть информирован о намерениях властей. Выйдя в конце 1953 года на свободу, этот душевно надломленный тюрьмой человек вольно или невольно выдавал потом за правду соответствующие слухи, во множестве распространившиеся в среде столичной еврейской интеллигенции.

Удивительным образом «процесс», устроенный Ваксбергом в «Репризе», оказался по форме чем-то сродни подлинным политическим судилищам, что проходили в годы «большого террора». Во всяком случае, между ними довольно много общего: неубедительно сформулированные и фальшивые обвинения, ложь как основа доказательств, наспех составленные и зачастую нелепые вердикты вместо обоснованных приговоров. Правда, существует и важное различие: в «репризном» суде над Сталиным отсутствует такой

важный и непрменный атрибут реальных политических процессов 1930-х годов, как собственное признание обвиняемого. Но то, что в фильме Ваксберга чудесного воскрешения «царицы доказательств» так и не произошло, отнюдь не заслуга его создателей. Это заслуга Времени, устанавливающего, к счастью, непреодолимые границы людского произвола и фантазий в отношении истории.

Не внушают доверия и другие «фирменные свидетельства» творца «Репризы». Сплошь из ошибок скоены, например, эпизод, в котором бывшая разведчица Звонарева, будучи якобы посвященной во «все мыслимые и немыслимые тайны», случайно узнает в начале 1948 года о готовившейся в верхах депортации и «по дружбе» умоляет мать Ваксберга срочно покинуть Москву. Да, действительно, Н.В. Звонарева (1901 – 1994) работала в Главном разведывательном управлении Вооруженных Сил, но только до 1938 года, когда была уволена оттуда с должности старшего референта бюро прессы редакторско-издательского отделения. Разумеется, служа в этом ведомстве, она могла быть осведомлена о некоторых государственных секретах, но только профильного, внешнеполитического характера. Несомненно и то, что, уйдя из ГРУ еще до войны, она перестала быть «секретносительницей» и не имела доступа к закрытой информации более позднего времени, тем более относящейся к положению дел внутри страны. Возникает еще и такой вопрос: если, согласно свидетельству Звонаревой, Сталин действительно замыслил высылку евреев уже в 1948 году, то почему не осуществил ее тогда же? Что это, как не еще одна логическая «нестыковка»? Единственное, в чем убеждает эпизод со Звонаревой, – так это в том, что вскоре после убийства Михоэлса в начале 1948 года, когда столичное еврейство затаилось и с ужасом стало ожидать дальнейшего развития событий, по Москве поползли тревожные слухи о будто бы готовящемся массовом выселении ставшего вдруг неугодным властям нацменьшинства. Не более того.

То же самое можно сказать и о единственном «живом» свидетельстве в фильме – об интервью с 90-летним Семеном Липкиным, взятом у него незадолго до кончины. Кадры видеосъемки запечатлели явно ослабленного серьезным недугом престарелого поэта, под пристальным, почти гипнотическим взглядом Ваксберга путано и сбивчиво произносящего до разреза нужные последнему слова о том, что в районе казахстанско-киргизской границы строились «помещения для евреев». Это Липкин якобы видел собственными глазами примерно «недели за две до смерти Сталина». Между тем в воспоминаниях Липкина, изданных в 1990 году (то есть через год после мемуаров В.А. Каверина, где уже всюю нагнетались депортационные страсти), ни словом не упоминаются ни поездка в Казахстан, ни возведение «помещений для евреев». Зато говорится, что как раз в то «смутное время», в феврале 1953 года, С.И. Липкин и В.С. Гроссман «укрывались» на даче поэта в Ильинском^[32].

Так обстоит дело практически со всеми приведенными в фильме Ваксберга свидетельствами; подобно холостому выстрелу, имитирующему настоящий, они могут разве что оглушить (психологически) или напугать, а в остальном – бесполезны.

ÀÙÀ ÎÄÈÍ «ËÄÁÎÊÎË»

У историка, решившегося на просмотр «Репризы», появление на экране финальных титров вызовет скорее всего вздох облегчения; ему наверняка захочется побыстрее избавиться от полуторачасового наваждения. Однако просто забыть увиденное вряд ли удастся. По мнению психологов, лучший способ справиться с негативным впечатлением, с «возмущением» мыслей состоит в том, чтобы сначала «смириться» с ними. После чего следует, еще раз «прокрутив» в голове полученную информацию, неспешно обобщить ее и вынести окончательное суждение.

Итак, начнем «прокручивать». Возникший в памяти текст первой же «заставки» («История, рассказанная в... фильме, слишком правдива, чтобы в нее можно было поверить») после всего увиденного на экране можно расценить разве что как демагогическую и разительно контрастирующую с содержанием картины.

Затем из потока ассоциаций сознание почему-то выхватывает сентенцию Гитлера, сказавшего, что «широкие массы охотнее верят большой лжи, чем маленькой». Далее из тумана памяти выплывает «Ледокол», «исторический бестселлер» последнего десятилетия, во многом созданный на основе этого циничного принципа. Судьба Виктора Суворова (Резуна), автора названного скандального произведения, попытавшегося обелить фашистского фюрера и заодно опозоренную им Европу, переложив часть их исторической вины на другого диктатора – Сталина и, значит, на СССР, в чем-то сродни судьбе Ваксберга. И тот и другой сначала верой и правдой служили коммунистическому режиму. И тот и другой разными путями оказались потом на Западе. И тот и другой, явно под воздействием стремления во что бы то ни стало смыть с себя грехи советского прошлого, принялись это прошлое разоблачать. Даже не разоблачать, а

клеймить, поскольку, как и прежде, приверженные старым методам идеологической борьбы, никогда не были особенно озабочены соблюдением исторической объективности.

Да, в сталинской империи существовал государственный антисемитизм и более или менее скрыто нагнетавшаяся властями бытовая юдофобия. Да, был безмерно жестокий, пораженный безумием тиран и послушная ему обывательская масса, готовая по первому знаку свыше впасть в неистовство. Впрочем, из этого моря разлитого шовинизма и ненависти выглядывали островки интеллигентской порядочности и народного здравого смысла, оттуда пусть и приглушенно, и нечасто, но все же звучал протест и осуждение.

Был также гнетущий еврейство страх, рождавший самые мрачные мысли и предчувствия. Недаром 1948 – 1953 годы в этой среде были названы черными. Вместе с тем со всей уверенностью, основанной на последних научно-исторических исследованиях, можно утверждать, что в тот период власть не разрабатывала планов депортации евреев, а сведения о бараках, вагонах, печках – не более чем производное от слухов и домыслов, а также от спекуляций недобросовестных авторов.

Иногда небо вдруг затягивается свинцово-темными тучами, изрыгающими гром и молнии. И кажется – вот-вот грянет буря и на землю обрушатся сметающие все на своем пути потоки воды. Но глядишь – и под напором неведь откуда подувшего ветерка исчезают тучи на глазах и небо светлеет. Так и с «делом врачей». Многим в начале 1953-го казалось: грядет новый грандиозный террор, грядут погромы. Однако не прошло и месяца после смерти диктатора, как врачи-сидельцы оказались не только на свободе, но и реабилитированными.

Так почему же сейчас, когда в «деле врачей» очень многое прояснилось и оно уже не тайна за семью печатями, вновь с упрямством, достойным лучшего применения, извлекается на свет

Б-жий побитый молью миф о «депортации»? Зачем снова спекулировать на генетическом страхе людей и беречь раны, к чему фальшивые страсти на пустом месте? Разве нужно это народу, и так сверх всякой меры пострадавшему за тысячелетия своей трагической истории?

Как непохожа «Реприза» на недавно сн

ятую режиссером Павлом Чухраем в рамках проекта Стивена Спилберга документальную ленту о Холокосте... У Ваксберга – грубое искажение исторической правды и претензия на сенсацию, на первооткрывательство «сталинского Холокоста». У Чухрая – реальная трагедия евреев и реальный Холокост.

Если и уместно говорить о «сталинском Холокосте», то только подразумевая под ним ГУЛАГ, где уничтожены миллионы – вне зависимости от национальности каждого. Всякие спекуляции вокруг гипотетического геноцида советских евреев чреваты межнациональными осложнениями и на руку только тем, кто пытается отрицать настоящий Холокост с шестимиллионной гекатомбой.

Если обратиться к учению Фрейда-Юнга, то можно сделать вывод, что отрицатели Холокоста подлинного и придумщики Холокоста «репризного» суть своеобразные адепты соответственно национал-садизма и национал-мазохизма. Что ж, в таком единстве противоположностей, возможно, и выражается одна из составляющих диалектики настоящего. Но почему от этого должно страдать прошлое?

Уже закончив статью, я случайно прочел рецензию на «Репризу»^[33]. Написал ее некто Анатолий Вайнштейн. Меня не столько изумил хвалебный тон этого отзыва, сколько то, что человек с точно таким же, что у рецензента, именем числится звукорежиссером означенного фильма. Если тут не совпадение, то воистину – о tempora, о mores! Раньше подобное неприличие хотя бы старались прикрыть фиговым листком псевдонима.

Ááúú í ed çíááð, ÷óí íáðíáú Ñíááóíéíá Ñíþçá è íðáæáá áúúú ááæééé ðúúúéé íáðíá íáíáé íúí ííðááðæáííé ááðíé÷áíéíé áíðúíáé íáíáé ÷áííá÷áííó ò èáá æðéáðéçí á, á ááðáá - íò ííéííé ááááé è óíé÷óíáæíéý. Á íáæé áíé, éíáá áíáíí-áí áðééáííééá èí íáðéáéñòú íúðáþòíý áááðáóóú í ed á ííáþ áíéíá, éíáá ááééíá ááæáíéá çá í ed íðíðéá áíéíú íðááóúáááð áíá íáðíáú è áíá íáðéé, íááóíééé íáðíá éááð á íáðáú ðýááð áíðúíá çá í ed, ðáááí íðíðáæáý ááí í edá á éíðááíáð áíá ÷áííá÷áííó.

Áíáðáá á èñòíðéé á Ñíááóíéíí Ñíþçá ííçááéé ðáéíé íððíé, éíðíðíé íá çíááð íáðéííáéúííá áíáðá, ííúíáí íá ííáéííí áðáðíðáá íáðíáíá áíéúéð è íáéúú. Áíáíð íáðéííáéúííé íáíááéñðé è áúéíé áðáæáú íáæáó íáðíááí è ó íáí á íððáíá ííéííðúþ áííðíðéáíðáíéá íáðááíééáííóú è èñðáííýý áðáæáá íáæáó íáðíááí é. Áíáðáá á èñòíðéé ððúýúééíý ááðíé íáðáéé íáíáíáí þ, ðááííðí þ æçíú áíçí íæíííóú ááçááí é÷ííá ðáçáéðéý á éþáíé íáæáíðé ððúá è ðáíð÷áííó.

Óíéúéí áðáæáçíí-íáðéííáééñðé÷áíééá íðúáíáíóú è áúðíáéé, óíéúéí éþáé ááç ÷áííðé è íááíðé, íðíáááæéá íáíþ ááóó è ðáéí èí íáðéáéñðáí, íððáí ýòíý íáááóú ááéééá çáíááíéý íáðíáíá ííáíáíááæéóíý íð íáðéííáéúííá áíáðá.

Áí áíðá í ðáí íáéúý íá íòíáðéðú ÷óí íááé íáéíðíðúó ýéáí áíðíá⁴⁹⁴ ááðáéíéíá íáíéáíéý íáæáé íððáíú áíá íá éçæéðú áðáæáçíí-íáðéííáééñðé÷áíééá íáíððíáíéý. Ááðáéíééá áðáæáçííúá íáðéííáééñðú-íéííéñú, ýáéýííú ááí ðáí è áíáíí-áí áðééáííéíá èí íáðéáéçí á, áíý÷áíéé ðáçáééáþò ýðé íáíððíáíéý. Ííé íúðáþòíý áíú è í áðáí è ííáíáááóú è ðáçáááóú íááé íááóíééó áðáæáí ááðáéíéíá íðéííáæáíéý ÷áííóáí íáðéííáéúííé íáííáéáíííðé, íúðáþòíý ííðíáéðú íáðéííáéúíí þ áðáæáó è ðúúéíí ó íáðíáó è áðáí íáðíááí Ñíááóíéíá Ñíþçá. Ííé íððáí ýòíý ííááéðú ó ááðáá íçíáíéá áííéíá íáíáíðáííá áíéá íááóíééó áðáæáí, óíðýò íðááðéðú íáí áíðúó èí è áááá⁴⁹⁵ á óíéííá è áááá ðúúéííá íáðíáá è ðáí íáí úí ííçááóú íí-áó áéý íáæéáíéý áíðéíí éðéçí á, ýòíá íððáóííá íáðáæéðéá íðíðéíá. Íí ðúúééé íáðíá ííéí ááð, ÷óí áííááííá áíéúéííðáí ááðáéíéíá íáíéáíéý ýáéýáóíý áðáí ðúúéíá íáðíáá. Íééáééí é óéúðáíéý í è áááá íá óááíðíý ííáíðááóú áíáðéá íááóíééó áááá⁴⁹⁶ è ðúúéíí ó íáðíáó, íá óááíðíý ðáííðéðúéð íááééééí ðúúééí íáðíáí.

Éáæáúé ÷áííðíé ááðáéíééé ððúýúééíý ááðíé áíéááí áéðéáíí áíðíðíý íðíðéá ááðáéíééó áðáæáçííúó íáðéííáééñðíá ýðéð íóúýáéáíúó áááá ááðáéíééó ððáæáíééá⁴⁹⁷. Íáéúý áúóú íáðéííóí íáíáé Ñíááóíéíé ðíáéíú è áíéóíí çá íáíáíáó íáðéííáéúííðáé, íá ááý íáíé íáíðéíðéíé áíðúá íðíðéá áíá óíðí è íðýáéáíéé ááðáéíéíá íáðéííáéçíá. Ííáííéðú ááéðáéúííðú ðáçáííéðú è áí éííóá áíéíð÷ááóú áðáæáçííúé íáðéííáééçí - ðáéíá áíéá ððúýúééíý áááá - íááóíééó íáðéííóíá íðíðííééíá íáíáíáú íáðíáíá.

Áðúíá áðáæ-áé-ááééð ðáçíáéá-áíá Ñíðááíá áíá íáíá éç éíááðíúó íðááíé áíáí-áí áðééáííéíá èí íáðéáéçí á è áí íéííéñðíééé ááí óððú. Éáé áíá íááóíééá éþáé, í ú ððááá íáí íáí ááííúááííá íáéáçáíéý íðáíðíééíá. Í ú óáááíú á óíí, ÷óí ýòí ððáíááíéá áíðáæááð í úíéé è ÷áííðá áíá ððúýúééíý áááá è áááá ááéííáóóíí ííááðéáíí èí è.

Áóááí áéá è áíðááí áíáíðá íí áíá íááóíééí íáðíáíí í áíá áíéúóáé ýáðáéé è íáí ííðááðæáíííðúþ óéðáíéýòú íáóó Ñíááóíééþ ðíáéíó, áíðíðíý çá áðáæáó íáðíáíá çá í ed áí áíáí í edá íðíðéá ííáæéáíðáéé áíéíú.

- ÁÐÁÁÓÍÑÉÉÉ.Á.Á., ííééíáíéé áááæáú Ááðíé Ñíááóíéíá Ñíþçá; ÉÐÁÉÇÁÐ.Á.Á., áú áðáé-ííééíáíéé, Ááðíé Ñíááóíéíá Ñíþçá; ÓÁÐÉÓÍÑÉÉÉ.Á.É., íðáéááð çááíáá «Ñáðí è í íéíð»; ÉÁÁÍ ÍÁÉ×.É.Í., Ááðíé Ñíðéáééñðé÷áíéíá Óðúá, áúí óáð Ááðíáííá Ñíááóá ÑÑÑÐ; ÁÐÉÉÑÉÍ.Á.Í.Í., íðááááóáéú éíéðíçá èí áí è Áíðíðééíá Éóí óááíéíá ðáéííá Í ííéíáíéé íáæáíðé; ÁÍÉÚÓÉÍÁÉ×.Ñ.É., áéáááí éé, éáðááð Ñòáééííééé íðáí éé; ÐÁÉÇÁÍ.Í.Í., Í áðíáí úé áðééñð ÑÑÑÐ, éáðááð Ñòáééííééé íðáí éé; ÁÁÍ ÍÉÉÍÁ.Á.É., ÷éáí ÓÉ.É.Í.ÑÑ, áááæáú Ááðíé Ñíðéáééñðé÷áíéíá Óðúá; ÝÐÁÍ.Á.Ó.Ð.Á.É., éáðááð Í áéááí áðíáíéé Ñòáééííééé íðáí éé «Çá óéðáíéáí éá í edá í áæáó íáðíááí é»; ÉÉÍ.Ó.É.Ó.Í.Á.Á., çáííðéáí í úé áðá: ÐÑÓÑÐ; ÉÁÍ.Á.Á.Ó.É.Á., áéáááí éé, éáðááð Ñòáééííééé íðáí éé; Í.Á.Ð.Ó.Á.É.Ñ.Á., íéííðáéú éáðááð Ñòáééííééé íðáí éé; ÐÍ.Í.Í.Í.É., ééí íðáæéííá, Í áðíáí úé áðééñð ÑÑÑÐ, éáðááð Ñòáééííééé íðáí éé; Í.É.Í.Ó.É.É., áéáááí éé, éáðááð Ñòáééííééé íðáí éé; ÐÁÉÇÁÐ.Á.Á., í éíéñð íððíéðáéúííðáá íðáí ðéýðéé ðýáéáíé éíáíððéé ÑÑÑÐ; ÉÁÁÍ×.É.É.Í.Ñ.Á., éíííððéóíð, Ááðíé Ñíðéáééñðé÷áíéíá Óðúá, éáðááð Ñòáééííééé íðáí éé; ÓÚÐÉÉÍ.Á.Á., áú áðáé-ííééíáíéé éí áéáí áðí úó áíéíé; ×ÓÐÉÉÍ.Í.Ñ.É.Á.Í.Á., áðá÷; ÁÓÍ.Á.Á.Ñ.É.É.É.É.É., éíí ííçéóíð, Í áðíáí úé áðééñð ÑÑÓÑÐ, éáðááð

Í ðáðáðóéá áññááðñóáñ Ēçðáéúú á àì áðééáññéçð áñò-éíó, ááááðé ñéñíéçì á èçñáðáæáðò èì íáðéáééñòé-áñéçð Áì áðééó «áðúáñ». ááááá á ìðñóéá Ññááòñéñá Ññçá - ìñáñðñééá ìéðá è ðááñí ðááéç ìáðñáñá - áááò èáì ìáì çð èéáááòú è ìáíááéñòé. Ðáçááðá ññ è áçòñ ãñ ìðñá

Ēóñ íá çñááò, ÷óñ á ááéñóáéòáéúññòé ÑÓÁ çáéçðññ çáòñðéé áéç ááðéñééò òðúáçúéóññ, áñ áóáá ùó ñáì ìé æáññóñéñé ì áééñé éáìéòáééñòé-áñéñé çéññéçáðáðéé. Ēóñ íá çñááò, ÷óñ èì áññ á çóñé ñòðáñá ìðñóááðáð ñáì ùé ðáçíççááññé ðáñéçì è á òñ ÷éñá áñðéñáì èòéçì. Ēóñ, ìáéñíáá, ìá çñááò, ÷óñ áñðéñáì èòéçì ññòááéçáð òáéæá ìðéé-éòáéúññ çð ÷áðó òáð òáðéñòñééò éééé, èíðñðá ìñáññ áñññ ìñáááðééááðññ èì íáðéáééñòáì è ÑÓÁ.

Áì áñóá ñóáì áññ óì èðóéçáññóñ, ÷óñ ìáðñáñ Ññááòñéñá Ññçá è ìðáæáá áññá ááééééé ðññééé ìáðñá ñáñáé ñáì ìñóááðéáññé ááñé-áñéñé áñðáñé ñáñéé ÷áéñáá-áñóáñ ìò èáñ æéòáðéçì á, á ááááá - ìò ìñéñéé ááááé è óñé-òñáéáñéç. Á ìáçé áñé ññááòñééé ìáðñá èááò á ìáðáñó ðñááò áñðñá çá ì èð, òáááñ ìòñòáéáçç ááéñ ì éðá á èíðáðáñáò áññá ÷áéñáá-áñóáñ.

Á Ññááòñéñá Ññçá ìññáñóáéáññ ìñáééññá áðáññóáñ ìáðñáñá áñéúééò è ìáéúú. Áñáðáñá á èññóðéé òðúáçúéáññ ááðáé áñ áñóá ññ áññ è òðúáçúééññ Ññááòñéñá Ññçá ìáðáéé ñáñáñá çð, ðááññóñ çð æéçì.

Í á çññ éé, ÷óñ èááñíáá ìá èì íáðéáééñòé-áñéñé Áì áðééá, èáé «áðúáñ». ááááá çáéçáòññ ñçñáðáéúññé òáéúññéééáðééé ðáéóñá. Í á çññ éé òáéæá ÷óñ òñéúñ çáááññ ùá èéáááòééé ì ìáò ìðééáòúíðñ-ìññóúé ìáðáééì ìñóúáðáéáñ ì áéáó ìáðñááì è ÑÑÑÐ.

Áðáé ñáñáñá ìáééñáéúñññóáé è áðáéáñ ìáðñáñá òáááðéáçáéññ á Ññááòñéñá Ññçá ñòðáñ çóññ ìñááééòú ó ááááá ñçñáñéá áññéñá ìáñáñóááññá áñéá ññááòñééò áðáéááì, óñóçò ìðááðáðééòú ááááá á óñéññá è áðáñá ðññéñá ìáðñáá è óáñ ñáì ùì ñçñáòú ìñ-áó áéç ìáééáéáñéç áñðéñáì èòéçì á, çóñá ñòðáéññá ìáðáéééóá ìðñéñá. Í ðññééé ìáðñá ìñééì ááò, ÷óñ áññ ááñíá áñéúééññóáñ ááðéñéñá ìáñéáñéç á ÑÑÑÐ çáéçáòññ áðúáñ ðññéñá ìáðñáá. Íééáééì è óðéúðáñéçì è áðááñ ìá çááñññ ìñáñðááòú áñáðéá ááðáéñéñá ìáðñáá è ðññéñá ó ìáðñá, ìá çááñññ ðáñññ ðéòú ìáññ ááééééì ðññéééì ìáðñáñá.

Ó òðúáçúéóññ ááááá áññá ìéðá - ìáéñ ìáñéé áðáá çóñ - èì íáðéáééñòé-áñééá áñááòáðáéé, ìá ðñéæáñéé èíðñðñó ìáðñáçóññ ðáééééññá çáñðáééú Ēçðáééç, á òáéæá óñéññú è áéááðñáì óú - áñçéá áñáñé, èñáññú, ðáéúñ áñú è ò. ì. Ó òðúáçúéóññ ááááá áññá ì éðá ìáñá ìáñáç çááá-á - áñ áñóá ññ áññ è ìéðñéáéáñ è ìáðñááì è çáñéúáòú è óéðáñéçóú ááéñ ì éðá è ñáñáñá ìáðñáñá. Í áéúçç ìòñðáéááòú æéçáññá ìðááá ááðáéñééò òðáéáñééñá á ñòðáñáò èáìéòáéé, ìáéúçç áñóú ìñáééññá áñéóñ çá ááéñ ì éðá è ñáñáñá ìáðñáñá, ìá ááçç áñðáñá ìðñóéá ááðáéñééò ì èéééáðááðñá è ì ééééññáðñá è éó ñéñíéñòñéñé ááñ òóðú.

Ēðñáñé èíðááñ òðúáçúéóññ ááááá ññòñéò á òñ, ÷óñáñ éðáñéòú áðáéáó ñ òðúáçúééññ éçáñ è áñá ìáééñáéúñññóáé. çáñ éðáñ-á ñçç òðúáçúéóññ áñá ìáééñáéúñññóáé, óáñ ìðñ-ìáá ááéñ ì éðá è ááñ ìéðáðéé.

Í áñóú áñá òðáéáñééé ááðáé, èíðñðñá áñðáñ ááéñ ì éðá è ááñ ìéðáðéé, ìáñáéñçó ñáñé áñééç è áññóáñáò ááéññá óéðñééì óðñóñ ìðñóéá áááñçððéñòé-áñéñé ìñééòééé ááðáéñééò ì èéééáðááðñá è ì ééééññáðñá, áááááðáé Ēçðáééç è ì áéáóñ áðñáñá ñéñíéçì á.

Ó-éòúááçç ááéññóú ñéñ-áñéç áñá ìðñáñáñéáñ ùó ñéé ááðáéñéñá ìáðñáá, á òáéæá á ðáéçó ìðááéáñé èíðñðñ áéé ì ìñéñáéñéé òðúáçúéóññ ááááá á ðáçíúó ñòðáñáò, ì áñðáá ìáðñáñá çá óéðáñéáñéá ì éðá, ì ù ñ-éòáéé áñ óáéáññáðáçíúñ éçáñéá á Ññááòñéñá Ññçá áñçáòú, ì ðááñáçíá-áññé ééç óéðñééò ñéñáá ááðáéñéñá ìáñéáñéç á ÑÑÑÐ è çá ðñááéññá.

Í ù çáááññú, ÷óñ ìáçé èíéééáðééáá áñðááééò áñçç-çð ìñáááðéééò áñá òðúáçúéóññ ááááá á Ññááòñéñá Ññçá è áñ áññ ì éðá.

ÁÍĒÚÓĒÍÁĒ × Ñ.Ē., áéáááñ èé, éáóðááò Ñòáééññéñé ì ðáñ èé; ÁÐÁÁÓÍ ÑĒĒĒ Á.Á., ìñééñáñéé, áááæáñ Ááðñé Ññááòñéñá Ññçá; çóáñ áóðáĒ.Ē., éáóðááò Ĩ áéáóñ áðñáñé Ñòáééññéñé ì ðáñ èé «çá óéðáñéáñéá ì éðá ì áéáó ìáðñááì è»; ĒÐÁĒÇÁÐ Ñ.Á., áñ ááðé-ìñééñáñéé, Ááðñé Ññááòñéñá Ññçá; ÓÁÐĒÓÍ Í ÑĒĒĒ Á.Ē., ñòáéááò çáñáá «Ñáðñ è

i ieiō»; EÀÁÁÍ ÍÁË × È.Ì., +eai ÖÊ ÈÍ ÑÑ; ÐÁËÇÁÍ Ì.Ì., Íaðíáí úé àðò èñò ÑÑÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÁÁÍ Í ÈËÍÁ Á.Ë., +eai ÖÊ ÈÍ ÑÑ, Áaðíé Ñíò èàèèñò è: àíñíá Òðáá; ÈÁÍ ÁÁÓ È.Á., àèáááí èè, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; Ì ÁÐÐÁË Ñ.Ð., ì èñò àèü èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÐÍ Ì Ì Ì.Ë., èéí ìðàèèñíáð, Íaðíáí úé àðò èñò ÑÑÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; Ì ÈÍ Õ È.Ë., àèáááí èè, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÐÁËÇÁÐ Á.Ð., ì èí èñò ð ñò ðíèò àèüñò áá ìðááí ðèüò èè òüàèéíé èí ááñò ðèè ÑÑÑÐ; ÈÁÁÍ × ÈËÍ Ñ.Á., èí ñò ðèèò ìð, Áaðíé Ñíò èàèèñò è: àíñíá Òðáá, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÕÛÐËËÍ Á.Á., áú áðàè-ííèéíáí èè èí æáí áðí úò àíñíé; × ÕÐËËÍ Ì ÑËÁ Ð Ì.Á., áðá:; ÁÓÍ ÁÁÑËËË È.Ë., èí ñò ðèèò ìð, Íaðíáí úé àðò èñò ÐÑÕÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÁÐËÑËÍ ÁÍ Ì.Ì., ìðááñáàò àèü èí èñíçà èí áí è Áíðíèèéíáá Èóí óáñííá ðàéííá Ì ñíñíáíéíé íáèáñò è; ÐÁËÕËÍ Á.Ð., ìðáí íáááàò àèü èí èíü ¹ 19 á Ì ñíñáí; ÈÁÍ ÁÑÁÁÐÁ Á.Ñ., àèáááí èè, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÕÁËËÐ Ð.Õ., àèðèæáð, Íaðíáí úé àðò èñò ÑÑÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÁÐÍÑÑÍ ÁÍ Á.Ñ., ì èñò àèü; ÁÓÐÁÁË × Ì.Ë., èí ñò ðèèò ìð, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÈÐÁÍ ÁÐÑ.Á., áú áðàè-í áéíð óáí èí áíó áíñíé, Áaðíé Ñíáàò ñíñá Ñíðçá; Ì ÁËÕÕÑ Ð.Ñ., èí ñò ðèèò ìð, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÁËËÁÁÐ Ì.Ë., ì èñò àèü èòá, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÕÐÁÕÕÁÍ ÁÁÐÁ È.Á., àèáááí èè; Ì ÌÑÍÁÑËËË Ì.Ý., àèðàèò ìð Èíèíí áíñíá çáñíá òüàèéíá ñò áí èí ñò ðíáí èü; Ì ÈÑÐÁÓ Á.Õ., çáñíèæáí í úé ááüò àèü èí èñíñò á ÐÑÕÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÈÁÁÁÍ ÍÁË × Ì áðèü, ìðááñáàò àèü ÕË ñðçá ðááí: èð èáèéíé è òðèéíò àèííé ìðí úè èáí ñíò è, ÈËÍ ÕËÕ Ì.Ð., çáñíèæáí í úé áðá: ÐÑÕÑÐ; ÁÕË Á.Ì., +eai-èíððáñííááí ò Áèáááí èè íáèè ÑÑÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÈËÁÕËË Ñ.Á., íá: àèü èè óáá çáñíá «Èðáñí úé ìð èáò áðèè», èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; Ì ÐÓÁËËÍ Ì.Ë., Íaðíáí úé àðò èñò ÐÑÕÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÑÌ ÈÒ-ÕÁËËËÍ ÁÐ Ì.Ì., +eai-èíððáñííááí ò Áèáááí èè íáèè ÑÑÑÐ; ÈÁÍ ÕÌ ÁÍ Ì.Ì., èí æáí áð, íá: àèü èè óáá çáñíá «Ì áèèíñò ðíèò àèü»; ÁËËÁËË Õ.Á., çáñíèæáí í úé ááüò àèü èí èñíñò á ÐÑÕÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÐÍ ÇËËËÁËË Ñ.Ì., ìðí óáñíð, áíèò ìð èèíñò ðíèèò ñáè; ÁËÁÍ ÕÁÐ Ì.Ë., èí ñò ðèèò ìð, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÕÁËË ÕÁ.Ë., +eai-èíððáñííááí ò Áèáááí èè íáèè ÑÑÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÐÌ Ì Ì ËËËËËË Á.Ë., ðááí: èè ááñí ìðáí ñí ò ñíñá çáñíá èí. Áíèò ñáè: á; ÐÓÁËËÍ ÕÕÁËËÍ Ì.Ë., áíèò ìð ýéííí è: áíèèò ñáè; ÐÍ ÁËËÍ ÑËËË Ñ.Ç., +eai-èíððáñííááí ò Áèáááí èè íáèè ÑÑÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÈÁÑÑËËËË È.Á., ì èñò àèü, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÕÁÁËËÍ ÑÌ Ì.Ð., æóðí àèèñò; ÈÁËÁÁÐ Á.Á., èí æáí áð, íá: àèü èè èí ñò ðèèò ìð ñíñá áð ðí ñí ì áðáí èçáèè 1-á Áíñí íáèèííé èí èíñá çáñíá; × ÈÁËËËË Á.Ì., +eai-èíððáñííááí ò Áèáááí èè íáèè ÑÑÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÁÁËË Õ.Á., +eai-èíððáñííááí ò Áèáááí èè íáèè ÑÑÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÕËÕÕÁÍ ÁÍ ËËË Ì.Ë., èàððáàò áñíñðçáí úò è ì æááí áðíáí úò èí ñíèèñíá ì óüèáí ò ñá-èñí íéí èò àèáè; ÈËËËËÍ Á È.Á., èí æáí áð çáí áñò èò àèü íá: àèü èèá óáá 1-á Áíñí íáèèííé èí èíñá çáñíá; ÁÐÕÑÁËËË ÑËËË Á.Ñ., ìðí óáñíð, áíèò ìð èñò ìðè: áíèèò ñáè, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÁÁËËËË ÕË Ì.Ì., +eai-èíððáñííááí ò Áèáááí èè íáèè ÑÑÑÐ; Ì ÁÑÑÁÐÁÐ Ñ.Ì., çáñíèæáí í áü àðò èñò èá ÐÑÕÑÐ, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÕÁÍ ÈÐÍ Á.Ñ., ðááí: èè-íáèá: èè 2-á +áñíáñá çáñíá; ÇËËË ÕÁÐÛ È.Ë., çáí ñò ááèíí Íaðíáí ñá ñáðçáñíáí èü Èèðíáñíá ðàéííá á Ì ñíñáí; ÁÐËË Ñ.Ë., +eai-èíððáñííááí ò Áèáááí èè íáèè ÑÑÑÐ; ÑÌ ÈÐËÍ Ì.Ì., áíèò ìð èñò ìðè: áíèèò ñáè, èàððáàò Ñò àèèíñéíé ìðáí èè; ÈËËËËÍ Ý.Ð., èáí æááò ýéííí è: áíèèò ñáè; ÕÁÕÐÁÍ Á.Ì., áèááí úé çíò áðí èè ðàéíííá ñò ááá ñíèñíéíá òíçýèñò áá Èáí èíñíá ðàéííá Ì ñíñíáíéíé íáèáñò è, Áaðíé Ñíò èàèèñò è: àíñíá Òðáá.

[1] Ðíñíèèéáü ááðáñéáü ýí ðèèííáèü. Õ. 1. Ì., 1994 Ñ. 202

[2] Èí æéííá Á.Á. Ðíñíé. Ááè ÕÛ. 1939-1964 Ì ñò ááñí ðèñò ðáñò ñíñá èñíèáñíáí èü. Ì.: Áèñðèò, 1999. Ñ. 296-297.

- [13] *Áaenñada* Á.É. *Éçaaò aeuñeéé aítarítō ïï mñaoñeñi ó añaæaañeñi ó i ðaañ Áaò i ðaò añaò aenñadaò aèè ïá mñeñai eá ò: aíté ñò aíté eai aenñadaò ðòeae: añeéé ï aae. Ì.: ÁP ÇÈ, 1954. Ñ. 6*
- [14] *Áaenñada* Á.É. *Í aaeñi a ñ mñatp. Ì.: Áaò æç, 1966. Ñ. 9*
- [15] *Áaenñada* Á.É. *Í ðreéð ð ðam ðaéééé Édñeáí ef. Áteóí aít ðaeññ ay ï ï añaò ï Ì.: Ì ï eññay añaòeéy, 1974*
- [16] *Ðaí ï ï ðò B.É. Í a ðñaæeá añaò yí ï ð. Áaeñ aña: ae 1953 aña Ì.: Éteñ, 1988. Ñ. 65. Çaeññeéé É.Á. Èñ ï aèy Ñò aeeí a Áeññaaòe: añeéé yí ðeééñ ï aae: añeéé ñeñ añaò Ì.: Áa: a, 2000. Ñ. 249*
- [17] *Ýðaí añaò É.Á. Éþae, ñ au, æeçí ü Áí mñi eí aítéy. Á ðñaò ð ï ï añ Ò. 3. Ì.: Ñ ï añaò ñeéé ï eñ añaò eñ 1990. Ñ. 226*
- [18] *× aña Ò.É. Ñò ï mñe añañ ñ Ì ï eñ ð ï añañ. Éç aít aít eé a Ò. × aña Ì.: ðaña, 1991. Ñ. 274*
- [19] *Ðaeeñ «Ñaí aña», 2003. 18 ï yí.*
- [10] *Ñò aeeí É.Á. Í Áaeé eí e Í ða: añaò aíté aíté ï a Ñ ï añaò ñeñ ñ ï pçà 4 a eçà Ì.: Áí mñi eé ð eçaaò, 1944. Ñ. 26*
- [11] *Áaeçað Ì. Ì. Òñ ð, eó ï ð ï aèeññy, - ï a ð ð aò. Ðaçí ü ðeáí eý ï æeçí e è ð aít ð: añaò añ Ñ. Èé ï eé ï a // Éañaè ï. 2002. ¹ 5 (121). Ñ. 40*

[12] *Áðññ aít Á.Ñ. Òñaæeñ ñeéé aña Ì.: Áí aít eçaaò Í È Ì, 1945; Áaí æá Òñaæeñ ñeéé aña // Áí au aíté ü. Ì.: Áí mñi añaò añañ ï ï a eçaaò aenñ aít ð aít æañaò añañ ï eé ð añaò añaò, 1945. Ñ. 409-447.*

[13] *Èñ ð ð ð: aítéí Á.Á. Áaí ð ð añaò eý - ï eñ ð e ð eé añaò eý. Í ð ï aít eá ñ ï eó ï ï ñò aeeí ñeñ e yí ï ðe // Éañaè ï. 2002. ¹ 9 (125). Ñ. 32-33*

[14] *Èé ï eé ñ. È. Áeçí ü e ñ añañ Áaí ñeéy Áðññ aít a Á. Áaçað Í ð ï aít eá Ì.: Éteñ, 1990. Ñ. 32*

- [15] *Éañaè ï Á.Á. Ýí eéñ Ì aít añaò. Ì.: Ì ñeñ ñeéé ð aít: eé, 1989. Ñ. 316*
- [16] *ÐÁÁ Ì È. Ò. 17. Ì ï. 118. Á. 333. È. 83-90; Ì ï. 3. Á. 1089. È. 66. Èñ ð ð: ï eé. 1997. ¹ 1. Ñ. 142*
- [17] *Éañaè ï Á.Á. Òeàç ñ ð. Ñ. 316-317.*
- [18]
- [19] *Ýðaí añaò É.Á. Òeàç ñ ð. Ò. 3. Ñ. 228*
- [20] *Èe ð añaò añaò ay ñ añaò a 1991. 15 ï ay.*
- [21] *Áaenñada* Á.É. *Í añañeñ ð ð a ð aéí ü. Ì.: Í ï añaò e, 1993. Ñ. 292-294*
- [22] *Èñ ð ð: ï eé. 1997. ¹ 1. Ñ. 143*
- [23] *ÐÁÁ Ì È. Ò. 5. Ì ï. 25. Á. 504. È. 187*
- [24] *Òaí æá Ñ. 173-179*
- [25] *Ñaðí ï a Á.Á. Ýò e aña ð ð e ï a añaè ð añaè eé aña // Éañaè ï. 2003. ¹ 8. Ñ. 31-32*
- [26] *Áaenñada* Á.É. *Éç aña a ð aè e ï añaò ï ï. Áañaè ñeéé aít ð ñ ï ï Èaí eí a Ñò aeeí ó e Ñ ï æaí eó ï ï a Ì.: Ì eé ï ï, 2003. Ñ. 275*

[27] *Éañaè ï. 2002. ¹ 9. Ñ. 23-38. Í ð a: añaò añañ ay eñ ð ð ð eý. 2003. ¹ 1. Ñ. 92-113*

[28] *Ýðeí añaò B.B. Ýò ï ï añaçí ï aé ï ï añaò ð ð .. Áí mñi eí aítéy. Ì.: Áaññi eð, 2001. Ñ. 109, 112-113. Áaenñada* Á.É. *Í añañeñ ð ð a ð aéí ü. Ì., 1993. Ñ. 293-294. Áaenñada* Á.É. *Éç aña a ð aè e ï añaò ï ï. Ñ. 415*

[29] *Áí ð ï añañ añeéé Á.Á. Í aaeñ ï añaò ï y eó ð aít Áteóí aít ð aenñ ay ï ï añaò ï Ì.: Í ð ð añañ 1994. Ñ. 35-36. Éaðaéí Á. Áteóe aít ñò e. Òñ ð y aña ï ï ï ð añaò ï y. // Éañaè ï. 2003. ¹ 2. Ñ. 46. Í añañ añañ É.Á. Ñò aeeí e añaè ñeñ ay ï ð aè aít ï ï aít eé ç. Ì.: Í ð añañ ð aè ï añaè, 2003. Ñ. 273-277. Áeññi aít É.Á. Í añañ ð ð añaè 1953 a È ï ð añañ ð ð ð añaè eé æeó ð ð aè a «Í ï aít eé aña» // Í ï aít eé aña 2002. ¹ 2. Ñ. 107-112. Áaenñada* Á.É. *Éç aña a ð aè e ï añaò ï ï. Ñ. 291. J. Brent, V. Naumov. Stalin's Last Crime. The Plot Against the Jewish Doctors. 1948 - 1953. N. Y.: Harper Collins Publishers Inc., 2003. P. 297.*

- [30] *Ýðeí añaò B.B. Òeàç ñ ð. Ñ. 108-111.*
- [31] *Áaò ï ð ð aít ï a Á. Çañaè a ñ añaè Ñò aeeí a (Çaí aít ð Áaèy). Ì.: Ñeñ aít, 1992. Ñ. 90*
- [32] *Èé ï eé ñ. È. Òeàç ñ ð. Ñ. 32*
- [33] *Áañaè ñeñ ï a ñeñ aít. 2004. ¹ 1 (174).*

[34] *Çaññi e añañ eó ð ð e aít aít añaè aít eçí aít aít eý, ï ð eç añañ ï aña ï ï ï ð aè ï aè aít eþ É.Á. Ýðaí añaò, ð ï y ï ð aè a ï aít ð aè aít ï ï aña aít ó ï añañ ï a: aenñ ï aña ð aenñ a ï ð e aè ð ï aè añañ ñeñ aít ï ï ï añaçí ï ñ ï añaè aít eai ñ añaè ð ð aít eññ a ó ï ð ï a ï a ï aè ï ï aè ï ï ï, a ï a ï ï eé ð e: aít eñ aña aè ð a ï ð aè aít ü, añaò ð añañ ï ï ï y ð ï ï añañ eþ ñò ð aít ü, ð ð ï ï ï añaè y þ aña aít eñ eó ï ð aít añañ Ñ Ñ Ñ ð eñ y eñ ï ï ï ð aè ð aenñ ð aè e ï a è ï aña ï e: añañ ï añañ ñ «aè eé eé eó: eí e». ñ ï eai aít eé ï aña añaè eð ï a ï ð ð ð «añaè añaçí ï aña ï aè ï ï aè eçí a». Á añañ ï ï ï ð e: aña añaè aít eá «ñaè e ï aè ð ð ð ð y eñ aít ð ï a». ç aít aít eé ñeñ aít ñ: aña eá «ó ï aè ï ð ð e ð añaè», ð aè eá e ï ï ñeñ aít aít ï ï ï ï aít eþ Ýðaí añaò, ï aè ï «ò ï eé ï añaò ï y ð aè, ð ð ï ï aè ï ï aè ñò ï a añañ aít ð ð ï ï ï añañ». (Éañaè ï. 2003. ¹ 8. Ñ. 32).*

[35] *Í añañ ï a: aenñ ï aít eí: «... ð ð ð y ð ï ð añaò eó ð ð añañ ð ð ñeé». Áaí ï ay ï ð aè a aít eá ï aít ñ ï añañ a Ýðaí añaò ï ð aít, ð ð ï ð aè ay ð ð ð ð eé ð ð aè a ï ï añaçí añaò «añaò añañ a ð ð ï ð eñ eá añaò ð ð ï añaò ï y ð añañ ï eññ a». (Éañaè ï. 2003. ¹ 8. Ñ. 32).*

[36] *Ái eñáíí ài añòí àúðàæáí èý «ááðæñéíáí íáðíáá», ñòúáñòáíááí èá èí òíðíáí Ýðáí áóðá ñéááóý èáíííáí ì áðéñéçí à-èáí èí èçí à íá íðéçí áááé.*

[37] *Ái eñáíí ài añòí «ááðæñéíáí íáðíáá».*

[38] *9 óááðáéý 1953 á á Óáéü-Ááéáí íá óááðéòíðéé áéí éíí àòé-áñéé í èññé ÑÑÑÐ ìðí èçí óáé áðúá áíí áú, áðí óáí íé íáééííáé-ðááééáéíí. Í ñòðáááéé òðé ñíáòñééó áðáæáí éíá, á òíí -éñéá æáí à ìñéáí ééá Í.É. Áðóíáá. 13 óááðáéý ÑÑÑÐ ðáçíðáéé áéí éíí àòé-áñééá í òíí óáí èý ñ Éçðáééáí.*

«А дела идут своим Чередом...»

А. Евдеев

Íí ñàçò ïàðàìàé ïà ñàý áíéí áíéá Í ðæ:éíú ñ ñòíéú òííééí é :àðòàí é ééòà, òàéíé ñòðíéííòóò, òàééí éçúìàòòàí ïííààòòóí ïà éàèàíé ààíú Í ïà ïí çàííííééíí ïí ïàðàíé ñé:àéííé àíòðà:à òí ïàà áýàé - àìàòééà, íòíòí éýàòòàí àà éíéàí

Éííàà ïàçíàéíí àò òòàé, àýàý, ïà ñéíííúé é àííòíðæáíííòé, ïðíéçíàí :òí-òí àðíàà ðàéíéíà ñ:àòàíéà ùí à, òàéáí òà, éðàíí òú... Í à éíéçð:áíí, :òí ñéíàà àíéé éíúá, ïí çà ñ ùíé ðé:àòííí Í íçæá ï ïà ïà ðàç ïðàííòíýéí òàáíéòóííý á ïàìàí àííéíí ï ïàíéé í Í éðàééà Àéíéíàí àðíàé:á Ààæá ï ïé ñàòòàíííúé ñéòíí íúé ààí ñòòàíí òà-í àðàíéòòòí ééà ééòòàéà ÈÒÈÈ ýáíí ïííàéí:éé ààòò, àààà ï àíý çàíàééé ïà éàíòíé:ííé ïéíìàáéà, éàýéàòòéí - ïíàòí àòú òíéúéí! - ñíàí éí Èéòòéòàí.

К этому времени, естественно, я знал о нем куда больше, нежели при первой встрече. И чем больше знал, тем выше ценил, не переставая удивляться щедрости природы, одарившей человека внешностью, заставлявшей прохожих оглядываться, умом, внушавшим желание ловить каждое слово, литературным даром, побуждавшим вчитываться в каждую его статью, пусть и не рассчитанную на легкость восприятия.

Михаил Александрович Лифшиц родился в 1905 году в Мелитополе. Скифский мелитопольский курган с его гробницами-катакомбами будет исследован спустя полвека, когда уроженец Мелитополя настолько укоренится в Москве, погрузится в современные проблемы, что далекий город вряд ли будет напоминать о себе и рождать ностальгию. По крайней мере, я, с напряженным интересом открывавший в те поры всевозможные Америки и слушавший его, не помню обычных рассказов о родных местах, покинутых в ранние годы.

Даже на фоне головокружительных взлетов послереволюционных лет (зачастую кончавшихся столь же стремительным приземлением) биография М. Лифшица вряд ли имеет аналогии. Слишком беспримерен не только старт, но и его продолжение, достойное не спринтера, но стайера.

Проучившись года полтора-два в Высшем (!) художественно-техническом институте, двадцатилетний, еще беспартийный провинциал уже читает курсы философии и эстетики в московских вузах. Лишенный карьерных устремлений да и необходимых документов касательно образования, берет эрудицией, лекторским и публицистическим даром. Глубокие знания, тонкое понимание искусства, готовность отстаивать собственную позицию делали Лифшица кумиром гуманитарной молодежи, ценившей его роль в преодолении правящей бал вульгарной социологии. Популярная серия «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей»), между прочим, была тоже начата непосредственно им.

Не пытаюсь составлять список заслуг М. Лифшица и его сподвижников, все же отмечу их вклад в преодоление схематизма, претендовавшего на роль истины в последней инстанции, особенно соблазнявшего легкостью решения самых тонких и головоломных вопросов. Литературное творчество – и кто бы подумать, ребята, мог? – считалось напрямую зависящим от экономических отношений, классовой принадлежности писателя. Все, вплоть до метафор, объяснялось экономическими факторами. Художник, принадлежавший к одному классу, извольте видеть, не в состоянии постичь духовную жизнь, психологию людей другого класса. Пушкин, Гете, Толстой, будучи «идеологами», не способны подняться над собственным социально-классовым бытием.

В том же разухабистом духе доказывалось неоспоримое преимущество «пролетарских писателей» над всеми иными: «И он пожал в тени завода / ее мозолистую грудь».

Вульгарная социология приказала долго жить. Но стремление упрощать искусство достаточно живуче. Не получая «теоретической» поддержки, обходясь без нее, вульгарщина лезет на эстраду, на телеэкраны, театральные подмостки...

В июле 1933 года начал издаваться журнал «Литературный критик», сразу же перешедший в атаку на РАПП, на «неистовых ревнителей», которые отстаивали рабоче-крестьянские (!) принципы искусства, не щадя отвергавших агрессивную идеологию, замешенную, как ей и надлежит, на воинственном невежестве.

В наши дни трудно вообразить редакцию журнала, подобную той, что выпускала «Литкритик». Там собрались самые лучшие перья. Главенство Михаила Лифшица было настолько очевидным, что даже не служило предметом обсуждения. Как и главенство венгерского теоретика Дьердя Лукача, вынужденного покинуть родину, где правительство Хорти дважды приговаривало его к повешению. (Забегая вперед замечу: Д. Лукач участвовал в венгерских событиях 1956 года. После их подавления в «обновленную» компартию не вступил...)

Многих деятельных авторов «Литературного критика» ждали разочарования, тяжкие испытания, травля. Но тогда, в тридцатые, их души переполняли энергия, вера в собственную правоту, в свою миссию, в великую силу подлинного искусства.

Недекларированное лидерство М. Лифшица и Д. Лукача не сковывало инициативу таких авторов, как В. Александров, И. Альтман, В. Гриб, А. Македонов, А. Платонов, Е. Усиевич, И. Четунова, К. Юзовский, Ф. Левин... Я принадлежал к тем, кто еще со школьной скамьи зачитывался статьями журнала о Бальзаке, об историческом романе, о Белинском, Добролюбова, Чернышевском, об основах «реальной критики». «Литературный критик» первым сказал о «Танкере “Дербенте”» Ю. Крымова, «Степане Кольчугине» В. Гроссмана, выступил в защиту шолоховского «Тихого Дона».

Оставаясь на все более крепнущих позициях реализма, еще не снабженного определением «социалистический», «Литературный критик» умел, как правило, отличать догматизм, сковывающий творчество, от подлинного художества, пусть и не свободного от индивидуальных пристрастий творца. Журнал ценил талант авторов, не значившихся среди официальных фаворитов. По тем временам это было не так мало и не так безобидно, как может показаться сейчас, когда прошлое не только затянуто дымкой времени, но подчас умышленно либо по легкомыслию его лишают каких-то особенностей, знаменательных фигур, не вписывающихся в удобную схему.

Тогдашняя определенность «Литературного критика», пускай и в пределах вроде бы дозволенного, вызывала неприязнь «Литературной газеты», журнала «Красная новь» и некоторых других изданий, стремившихся проводить «генеральную линию» в художественном творчестве в соответствии с «генеральной линией» в партийной политике. «Литературный критик» превращался в опальный журнал не из-за частных ошибок. Он высоко поднимал планку в своих требованиях к художественному творчеству. Такое никогда не сходит с рук. Не сошло в тридцатые годы «Литкритику», а в шестидесятые – «Новому миру»...

С 1936 года при «Литературном критике» дважды в месяц начинает выпускаться «Литературное обозрение». Весной сорок первого, когда «Литкритик» уже был прикрыт решением ЦК партии, Михаил Александрович свел меня с одним из редакторов «Литобозрения», Жоржем Виноградовым. Тот поручил мне написать рецензию на книгу начинающего провинциального прозаика М. Бубеннова. Я написал. Виноградов согласился с моей негативной оценкой романа, но счел слишком резким финал. С молодым запалом я отстаивал свою правоту. Наши разногласия уничтожила война. К рецензии мы решили вернуться после ее завершения. Но Жорж Виноградов пал в бою... Зато М. Бубеннов развернулся во всю мощь своего убогого «таланта».

Хотя постановление ЦК КПСС еще в 1940 году положило конец слишком независимому «Литкритику», но споры, порожденные журналом, продолжались. Особенной непримиримостью отличалась дискуссия между «вопрекистами» и «благодаристами».

М. Лифшиц, его сподвижники, будучи убежденными марксистами, не обособляли творчество от мировоззрения творца. Пусть это не вульгарно-социологическая зависимость, но все же...

Отстаивая сформулированную еще «Литкритиком» позицию, Михаил Александрович в публичных выступлениях доказывал, что и консервативное, даже реакционное мировоззрение не мешает художнику постигать и воспроизводить правду жизни, правду характеров; оно вовсе не застит глаза. Благодаря подобному восприятию бытия творили многие великие. Начиная с Бальзака и Гоголя. Их консерватизм отличался от казенного.

Оппоненты «благодаристов» утверждали: нет, классики творили вопреки своему мировоззрению, своим реакционным убеждениям. Так было проще, но вряд ли убедительнее. Спор, отдававший схоластикой, жадной единого аршина, продолжался в самой большой, 15-й, аудитории ИФЛИ, набитой под завязку. Каждое слово главного «благодариста» М. Лифшица звучало в мертвой тишине, прерываемой лишь пылкими аплодисментами. Блестящий оратор умел скосить оппонентов метким словом,

пословицей, поговоркой. Один из его любимых, пусть и грубоватых, афоризмов утверждал объективный ход вещей: «Ходит баба задом, ходит передом, а дела идут своим чередом».

Эта мудрость несколько противоречила излюбленному тезису Маркса, утверждавшего, что мир мало объяснить – его надо переустроить. Бородатый основоположник не слишком полагался на разумность естественного движения жизни.

Гладко выбритый, обычно корректный его последователь М. Лифшиц в минуты острой полемики нередко прибегал к откровенно мужицкой философии и вообще не признавал галантности в полемических поединках. «Только что вы слушали бред малярийного медведя», – начинал он свое выступление в наэлектризованной аудитории, явно склонявшейся на сторону «благодаристов», не замечая, что и они, грешные, ищут универсальную отмычку, пригодную для индивидуального исследования судьбы и творчества великого художника.

Мне не хотелось бы, однако, злоупотреблять «задним умом», крепость коего давно вошла в поговорку более популярную, нежели та, что уповает на дела, идущие своим чередом при любых обстоятельствах. Не хотелось бы и выглядеть умнее своих товарищей, ушедших из жизни. Сверх того, в более поздних работах М. Лифшица нет и следа «благодаризма».

В предвоенные годы, насыщенные интенсивной, многогранной деятельностью (помимо редакционных должностей Михаил Александрович был и заместителем директора Третьяковской галереи), для Лифшица наступило время личного счастья. Мне довелось познакомиться с его новой избранницей, искусствоведом Лидией Яковлевной Рейнгардт. (Старый брак распался.) Трудно ручаться за всю Москву, но в ту пору я ни разу, нигде не встречал более красивой, гармоничной пары.

При своих многочисленных должностях (но не званиях, поскольку он не имел документа о среднем образовании) М.А. не составило бы труда освободиться от армии, терпевшей очевидные поражения. Однако он пошел в военкомат и получил назначение в Днепровскую флотилию. Судьба Днепра вскоре стала очевидной, флотилии – тоже...

Мы встретились, коль не ошибаюсь, в конце июля либо начале августа сорок второго. Фронтная ситуация складывалась плачевнее некуда, противник рвался к Сталинграду. Нашу группу «Бригады особого назначения», подготовленную для заброски в район Харькова, временно оставили под Москвой, позволяя нам празднично шататься по обезлюдевшим столичным улицам. В Столешниковом я нос к носу и столкнулся с Михаилом Александровичем в новенькой, с иголочки форме военно-морского офицера. Он словно был рожден для этого кителя, расклешенных брюк, кортика. Но не требовалось особой проницательности, дабы сообразить: обмундирование только-только получено с вещевого склада. Следовательно, прежнее в конце истрепано. Да и могло ли быть иначе у офицера Днепровской флотилии, когда на Днепре и его берегах хозяйничают немцы?

Мой затрапезный вид с неуместно надраенными хромовыми сапогами тоже был достаточно красноречив для умевшего все подмечать Лифшица. Мы избегали вопросов, так или иначе нелегких для собеседника, выражали зыбкую надежду на новую встречу и старались не замечать женских взглядов, несмотря на трагический этап войны обращаемых на флотского офицера.

«...А дела идут своим чередом?» – не слишком уверенно спросил я.

Михаил Александрович виновато улыбнулся. Но не возражал. Лишь спросил, велики ли потери среди студентов. Я знал о судьбах ифлийцев в отрядах, действующих во вражеском тылу. Но далеко не обо всех. Да и вообще предпочитал избегать этой темы. Не растолковывать же ему, что несколько наших групп под Харьковом уже накрылись. Мы оба догадывались, что наша случайная встреча в неожиданной экипировке имеет шансы стать последней...

Года через полтора, прогуливаясь по захлапленным комнатам разгромленного немецкого штаба, я наткнулся на довольно тщательно собранную библиотеку русских книг. Среди них была и написанная М. Лифшицем. С печатью штаба. Я сунул ее в рюкзак, надеясь когда-нибудь отдать Михаилу Александровичу. И отдал. Спустя несколько лет после своего волеизъявленного завершения армейской службы. В отличие от него, демобилизовавшегося сразу же с наступлением мира.

Мы встретились в редакции «Нового мира» на Малой Дмитровке. Лифшиц явно сблизился с Твардовским и напечатал в журнале блестящую сатирическую статью о дневнике Мариэтты Шагинян. Жанр сатиры не был в почете, а Лифшиц, в отличие от Шагинян, не ходил в фаворитах. Свою книгу с печатью немецкого штаба он принял со сдержанным удовлетворением. Куда меньшее удовлетворение у него вызвало постановление ЦК КПСС о снятии Александра Трифоновича с редакторского поста. Среди идейных оплошностей редакции числилась и статья М. Лифшица, выходящая, как видно, за границы дозволенного для осмеяния («сатира в рамках»). Нелепые, неграмотные, а то и курьезные суждения Шагинян почитались модным «вторжением в жизнь»; они не требовали конкретного о ней знания, отличавшего, скажем, новомирского автора Валентина Овечкина, явно не пользовавшегося благосклонностью высокого начальства, зато близкого А. Твардовскому.

Помимо всего прочего, альянс Твардовский – Лифшиц был мне лично на руку. Твардовский знал меня без году неделю, Лифшиц же – с младых ногтей и не забывал невеселую встречу в Столешниковом переулке тревожно опустевшей Москвы.

Высокая эрудиция Михаила Александровича импонировала Твардовскому, но раздражала составителей «исторических постановлений» ЦК, неусыпно стоявших на страже казенной идеологии, быть может, несколько ослабевшей в войну. Чего не сознавали не только вчерашние лейтенанты, но и люди более искушенные, такие как Александр Трифонович и Михаил Александрович, сблизившиеся в сложные послевоенные времена.

Что до М. Шагинян, то признаюсь: ее творчество никогда меня не занимало, но столь гнусной реакции на новомирскую статью я не ожидал, недооценив стойкий дух нацистской пропаганды. Мариэтта Сергеевна истолковала статью Лифшица как еврейскую реакцию на ее активное участие в кампании против романа В. Гроссмана.

С хладнокровной усмешкой Михаил Александрович принял постановление ЦК. Своим убожеством оно было подстать дневнику писательницы-интернационастки. Однако это постановление, насколько мне дано судить, еще больше сблизило бывшего редактора с бывшим автором. Видя житейскую беспомощность автора, Твардовский добился для него квартиры в добротных «красных домах», заселяемых на юго-западе столицы.

Да не покажется странным, но порой убеждения М. Лифшица, твердого материалиста, представлялись мне (вероятно, не только мне) явным идеализмом. Для него существовало учение, способное, в отличие от прочих, осчастливить человечество. И он ему служил, не замечая (стараясь не замечать) повседневной действительности, готовый отметить все не согласующееся с единственно верными заповедями.

Мне довелось несколько раз навеститься в квартиру в «красных домах», и я неизменно восхищался изысканностью и вкусом, присущими хозяевам, наконец-то получившим приличное жилье. Не берусь судить, чья роль, Лидии Яковлевны или Михаила Александровича, главенствовала. Да и какое это имело значение? Убранство делало комнату не уголком музея, но домом людей, чьи эстетические принципы стали неотъемлемой частью повседневного бытия, и не имели ничего общего с нынешним «евроремонтом», превращающим жилье в разновидность богатого общежития...

В этом, вероятно перебарщивая, я усматривал силу философской позиции М. Лифшица, лишь позже сообразив: в этом же истоки ее уязвимости. Так или иначе, «Черному квадрату» Малевича здесь места не оставалось. О «Черном квадрате» Михаил Александрович напишет позже в статье «Еще раз о реализме».

В своих заметках я ссылаюсь лишь на отдельные его работы, не пытаюсь охватить все творчество, не лишённое противоречий. Попутно лишь замечу: в эти годы семейный альянс обитателей квартиры в «красных домах» перерос в творческое содружество. Лидия Яковлевна совместно с мужем написала две книги, в которых каждому принадлежали свои главы.

Когда А. Твардовский вернулся в кабинет главного редактора «Нового мира», М. Лифшиц стал одним из его надежных соратников. По крайней мере, на первых порах. Я наблюдал это с определенной дистанции, радуясь содружеству, но не до конца уверенный в его прочности. Две донельзя определенные незаурядные личности расходились, мне представлялось, в своем восприятии сущего. Михаил Александрович оставался неколебимым приверженцем марксизма, уверенным в плодотворности, более того – в необходимости этого учения для трактовки искусства. Для самого искусства. О том его книги, статьи, лекции, приспосабливаемые обращения к невежеству, пустозвонству, конъюнктурщине... Но также и к

малейшему отходу от истин, провозглашенных Марксом и Лениным. Священные имена словно бы парализуют авторский рассудок, лишая свободы, явленной абзацем, страницей выше, где их отсутствие не сковывает мысль, пытаясь привязать ее к газетным откровениям и девизам.

Сегодня довольно легко доказать опрометчивость воззрений, претендовавших на универсальность и глобальность. Взгляды Маркса на искусство имеют право существовать наряду с другими, не претендуя на главенство и не требуя крови несогласных. Марксизм, думается, загублен не столько материалистическим истолкованием искусства, сколько нетерпимостью ко всему, что не соответствует такому истолкованию.

Оставаясь высокого мнения о человеческих качествах и интеллектуальных возможностях Михаила Александровича, сохраняя искреннее к нему уважение, я не мог не почувствовать холода в наших отношениях. Пускай и мимолетного. Особенно, когда мою фамилию употребляли с прибавлением словечка «ревизионист».

Близкий друг, с которым я делился мыслями, литературовед и философ Александр Лебедев был со мной солидарен. Хотя Михаил Александрович одобрял лебедевские попытки обнаружить рациональное зерно у новых последователей Маркса, таких как, скажем, Грамши.

Сегодня в мою скромную задачу не входит пересмотр марксистской теории. Для подобного дела достаточно доброхотов. А когда доброхоты бродят стаями, присоединяться к ним не обязательно. Хотя марксизм, конечно же, «лопнул». М.А. Лифшиц – не из наивных юнцов, соблазненных лозунгами «Коммунистического манифеста». Хотя идеи социальной справедливости, лихо отброшенные нынче, идеи межнациональной дружбы, также подвергаемые осмеянию, в принципе способны увлечь всякого нормального человека, свободного от априорной предвзятости.

Однако Михаил Александрович не довольствовался верхним слоем. Он шел вглубь, менее всего заботясь об орденах, званиях, служебном продвижении. Обретя свою веру, полагая ее венцом человеческой мысли, желая ей служить. Не исключено, что так начинали многие приверженцы марксизма. Но в дальнейшем либо, остывая, отдалялись от кумиров, либо, что менее достойно, молились им по долгу службы. М. Лифшиц сознавал изменения, совершающиеся в мире, но подходил к ним лишь с точки зрения безусловности марксизма, несокрушимости веры, исключавшей варианты, послабления. Он менее всего страдал приспособленчеством. Его догматизм обретал порой блистательное выражение в лекциях и книгах, трактующих самые разные проблемы – от бессмертия классиков до капризов сексуальной революции.

Это все отчетливее понимали наверху, где хватало долдонов, начетчиков, «искусствоведов в штатском». Но речь надо вести и о среде, в которой жил и работал М. Лифшиц. О среде, не лишенной специфичности. Однако М. Лифшиц проявлял абсолютную нетерпимость и к малейшей самостоятельности, не согласовавшейся с претензией на абсолютность Марксова учения, его святость.

Не вижу ничего порочного в отказе М. Лифшица от модернизма. Но некогда нашумевшая статья «Почему я не модернист» вызывает и сейчас легкую оторопь. Даже у меня, не относящего себя к сторонникам модернизма. Странно, горько, что эта статья, напечатанная еще до Москвы в Праге и Берлине, в конечном счете, оказалась холостым выстрелом, не уничтожившим, слава Б-гу, модернизм. Да и зачем уничтожать? Агрессивность атак лишь содействовала его распространению. «Черный квадрат» обрел власть символа.

Среди приверженцев и проповедников марксизма-ленинизма значительный процент составляли интеллигенты (или полуинтеллигенты) евреи. Такого рода, чаще всего мнимая научная, деятельность им позволялась. «Пятый пункт» не всегда препятствовал защите диссертаций. Одни кандидаты и доктора наук прилагали усилия, дабы как-то очеловечить умирающие догмы, другие цинично использовали ситуацию. К таким «другим» относится и давно находящийся в сфере моего наблюдения бездарный литературовед, десятилетиями паразитирующий на ленинской «Партийной организации и партийной литературе» – статье, не имеющей малейшего отношения к художественной словесности. Однако, монотонно доказывает литературовед, постичь эту словесность, не постигнув «Партийную организацию и партийную литературу», нельзя. И такая дребедень из года в год, из сборника в сборник.

На Старой площади, где в цеховских кабинетах тоже хватало долдонов, не могли не видеть, что от конъюнктурщиков по призванию или необходимости проку мало. Если какие-то западные интеллигенты цеплялись за марксистские догмы, то у нас дальше портретов, статуй и славословия не шло. Ситуация вынуждала обратить внимание на Михаила Александровича, даже помня слова песни «За столом никто у

нас не Лифшиц...» Даже простив ему фамилию и отсутствие справки об окончании семилетки. Он стал доктором философских наук, действительным членом Академии художеств СССР, заслуженным деятелем искусств. То была не более чем запоздалая справедливость, не лишенная капли горечи.

У него еще и до того появились беззаветные ученики. В большинстве своем честные молодые философы. Но затесался среди них и не особенно честный, соизмерявший свои взгляды со сводкой погоды. Его-то Михаил Александрович не раскусил и в ответ на просьбу снабдил солидной суммой в долг. В нужный час ученик отречется от учения, примет православие и, поглощенный охотой за собственными выгодами, забудет вернуть долг...

Последний раз я виделся с Михаилом Александровичем весной 1983 года. Мы беседовали в дачном дворике Переделкина. Мне показалось, будто он не совсем здоров. И этим я объяснял не свойственную ему обычно вальяжность... Нет у меня оснований и права утверждать, будто он почувствовал зыбкость (хотя бы зыбкость) почвы, на коей годами упорно возводил свои научные построения, желая сделать их приемлемыми, желанными для людей. Но когда построения подобного типа людьми так или иначе отвергались, а защищались чужеземными танками, он не мог оставаться безразличным.

Хотя мы в эту пору уже настолько отдалились друг от друга, что сбивчивый разговор летом сорок второго в Столешниковом переулке казался теперь верхом обстоятельности и откровенности. Вполне допускаю, что состояние, названное мной «вальяжностью», скрывало душевный дискомфорт.

Через несколько месяцев, осенью восемьдесят третьего, Михаила Александровича Лифшица не стало.

Эпоха, когда воинственно звучало «Почему я не модернист», близилась к концу. Эпохе, поспешавшей на смену, было уже не до того. И это внушало некоторые надежды, не гарантируя, правда, их осуществление...

Годы после кончины М. Лифшица я прожил преимущественно в подмосковном писательском поселке, где обрела пристанище и его вдова. Она круто перешла в другую возрастную категорию. Жилось Лидии Яковлевне трудновато, и ей не однажды вспоминался бывший верный ученик мужа, так и не вернувший долг. Неистовая религиозность и постоянное замаливание грехов не пробудили в нем элементарной порядочности.

Пути Г-сподни неисповедимы. Почувствовав приближение конца, Л.Я., если верить соседям, приняла православие. Она нуждалась в форме отказа от идеологии, некогда отстаивавшейся вместе с любимым мужем-единомышленником. Не исключено, что так она воспринимала формулу о делах, идущих своим чередом. Правда, ход этот, о чем не помышлял и не писал Михаил Александрович, отныне, надеялась вдова, определялся высшей силой. Выбор конфессии, думается, не был для Лидии Яковлевны решающим. Она хотела избавиться от старой веры, не оправдавшей себя в прежней жизни и не укреплявшей, как выяснилось, в последний час. Ее выбор не составлял редкого исключения. Он – вольная или невольная дань поветрию, менее всего предусмотренному поборниками «единственно верного учения», потерпевшего сокрушительный крах

ПЛЯСКА НАД ПУСТОТОЙ

Di i Áade.

Í eúnea x eí aeç-Óaei á

Ñí á: Ñei í í çeóí, 2003 — 398 ñ

Ромен Гари – хороший популярный писатель. Не бог весть какой талант, но действительно очень крепкий профессионал из тех, кто просто обречен на Гонкуровскую премию («Корни неба», 1956; «Жизнь перед собой», 1975). К тому же участник Сопротивления, личный друг де Голля, крупный дипломат. Автор тридцати романов и эссе. Покончил с собой...

В общем – всё для популярности, прижизненной и посмертной. К тому же Гари великолепно умел выбирать сюжеты. Точнее, не столько сюжеты, сколько исходные ситуации. В каждой его книге первые 30 – 50 страниц проглатываются на одном дыхании. Плюс – превосходное знание потенциального читателя, предвидение того, что тот в данный момент с особым удовольствием примет в душу.

Уже из этих двух абзацев читатель может понять, что произведения Романа Гари автору данного текста не нравятся. Автор вообще терпеть не может массовой культуры, особенно той, которая довольно умело изображает настоящую. Поэтому обещаю оставаться максимально близким к первоисточнику – иными словами, цитировать подряд.

Начало, как и у всех романов Гари, превосходно. Расстрелянный в варшавском гетто еврей превращается в «диббука» и с комфортом располагается в мозгах немецкого полицейского комиссара (бывшего нациста, разумеется). «Есть мертвые, которые никогда не умирают, чем больше их убиваешь, тем больше они воскресают». При этом вполне возможен и обратный вариант: еврей, переживший гетто и лагеря, сошел с ума и пестует в своем больном воображении нацистского «диббука» – хорошо известный из профессиональной литературы случай, когда жертва отождествляет себя с палачом. Недаром бывший нацист то на идиш переходит, то мацу из рабочего стола в полицейпрезидиуме тащит. А Гари намекает еще и на возможность третьего варианта: «к легенде о Вечном Жиде я добавил неожиданное продолжение о Жиде имманентном, вездесущем, невяявленном, ассимилировавшемся, перемешавшемся с каждым атомом (немецкого) воздуха и (немецкой) земли».

Но ни одна из этих богатых идей развития не получает. Наверное потому, что идеи слишком сложны для массового читателя, в расчете на которого всегда писал Гари. Вместо этого в первой части произносится множество слов о чувстве вины, которое хорошо бы положить в основу послевоенного развития Германии. То, что модель мира является, в конечном счете, экстраполяцией модели внутреннего мира, опоясанной по чреслам листами газетных передовиц, – это сегодня уже почти трюизм. Но что при этом модель внутреннего мира «основана» на чувстве вины, – это как говорится, бросьте. Ф.М.Достоевский придумал совершенно иначе – по-нашему, по-русски, с бодуна: пьяные слезы и мордой в винегрет. А у Гари – лишь попытка старательного ученика сыграть Ф.М.Д. Или, того хуже, – объяснить русскую душу по Ф.М.Д. массовому читателю Дюпону-Дюрану.

А затем достоевщина сходит на нет и перед читателем разворачивается довольно наивная символическая фантазмагория в лесу («Дух») с красавицей Лили, фригидной нимфоманкой, и егерем Флорианом. На протяжении двухсот страниц эта парочка скучно режет мужиков; каждого из них соблазняет Лили, но ни один не может ее удовлетворить, и – нож под ребро от Флориана. Попытка совместить эротичность русской души с «острым галльским смыслом» тут же оборачивается нагромождением банальностей в обертках от дорогих конфет. Чем дальше, тем скучнее. Автору очень хочется быть раздерганным на цитаты, но до этого уровня он явно не дотягивает. Хотя пробует – старательно, очень старательно, наконец натужно. Вымученное остроумие оборачивается пошлостью конферансье: «Будь я верующим, я сказал бы, что это Б-г пытается сотворить мир, идея которого у него когда-то возникала, но это при том условии, что существующий мир мы считаем Б-жьим творением, каковое оскорбительное предположение не придет в голову даже атеисту».

Ну, разве это прилично?

Под конец второй части текст вообще сбивается на уровень КВН: каждый новый абзац должен любой ценой вызвать смех в зале. Для этого сплошняком цитируются еврейские анекдоты. Некоторые из них бесспорно хороши, например тот, что про юдофоба: «Господин Хаим, вы начинаете раздражать нас этими вашими язвами и ранами. Чего вы хотите? Чтобы уложили сто миллионов китайцев с единственной целью доказать вам, что мы не антисемиты?» Другие откровенно омерзительны: «По-настоящему, им надо было бы построить на развалинах Аушвица биржу или банк, – вот тут-то мы бы все и воскресли».

Проблема, однако, не в том, хороши анекдоты или скверны, а в том, что они сплошь лишние. Так же, как и великое множество явных и скрытых цитат из французской и немецкой литературы (редактор объяснил сносками примерно одну пятую). Это мы в средней школе так болтали: стиль назывался «плетенка». Но мы-то в школе плели плетенку (хорошим тоном считалось цитировать литературу, запрещенную цензурой) с благородной целью – чтобы отличаться от «кухаркиных детей» и прочих верных ленинцев. А в «Чингиз-Хаиме» это, скорее, приманка для слегка образованной публики: вот, дескать, и мы книжки всякие читали...

Ну и, разумеется, полное блюдо политкорректности второй половины 60-х годов: обязательно поиздеваться над рыцарством, обязательно объяснить в любви к неграм, обязательно пнуть покойного Селина и, конечно же, поднять страстный голос протеста против войны во Вьетнаме. Чувствуется железная хватка МИДовца...

Третью часть повествования анализировать не берусь. Основной «смысл» текста заключается в доказательстве того, что прекращение антисемитизма означает... антисемитизм, поскольку «попытка сделать евреев полноправными ...есть... заговор с целью взвалить на них коллективную ответственность».

В общем, преувлекательное чтиво для интеллигентов во втором поколении, составляющих основную массу «читающей публики» в любой стране всеобщей грамотности. Тем более – очень хороший перевод Л. Цывьяна. Разумеется, если начать придираться, то и здесь можно отыскать досадные ляпы – например, странный «экзекуционный взвод» вместо «расстрельной команды»... Но это уж действительно придирки.

Ài eòdèé í ðîéôúúá

КАЛЕЙДОСКОП

Дина Рубина.

Несколько торопливых слов любви.

СПб.: Ретро, 2003. — 302 с.

Помните калейдоскоп – игрушку нашего детства? Картонная трубочка с окошком с одной стороны и матовым стеклом – с другой, и что-то тихонько шуршит внутри при малейшем повороте. Если разобрать игрушку (каждый пробовал, каждый потом огорчился), найдешь внутри всего-то щепотку разноцветных стеклянных брызг, без толку бултыхающихся в треугольнике зеркал. Мусор, собрать его веничком на совочек и вынести поскорей, чтобы ненароком коты (собаки, морские свинки и т.п., у каждого свое) лапки не укололи. А если не разбирать, а доверчиво пялиться в глазок, – видишь изменяющиеся узоры, простенькие, но милые (милые вдвойне своим непостоянством, эфемерностью, необязательностью). Помню, уже в школе учились, а все тянуло на памятное из детства: заглянуть и долго (минут пять) не отрываться от трубочки. И все надеяться – а вдруг да сложатся разноцветные стеклышки в волшебную комбинацию-ключ, откроют зеркальный коридор в другой мир, где всё – в пользу хороших детей?..

Такова проза Дины Рубинной, такой она была до сих пор, такой мы ее видим и в первой части предлагаемой книги, в подборке рассказов, объединенных общим названием «Несколько торопливых слов любви». Истории, состоящие из осколочков, – без ручек, без ножек, пожалуй, и без смысла. Или наоборот – со смыслом таким плоским, актуально-газетным, что делается чуть-чуть неудобно. Например: только началась прекрасно-безнадежная, в духе Петрушевской, история любви, как самолет с женщиной уже сбивает та самая украинская ракета («Область слепящего света»). Или еще: он любит ее, она любит его, но случайно она заражается СПИДом («Мастер-Тарабука»)… Если это не газетный фельетон, то что это?!

Персонажи Рубиной суть творения, само существование которых возможно только внутри злокачественных опухолей современной цивилизации – в шоу-бизнесе, интерактивном телевидении и в журналах на глянцево-бумаге. Соответственно и жизнь у таких персонажей необязательная, даже ненужная – постоянное скольжение по поверхности, как у клопа-водомерки. Сопереживать им могут, наверное, только любительницы сериалов и романов Барбары Картленд.

Читается, однако, легко и быстро – «густые, тягучие, сдобренные тмином, кардамоном, корицей и ванилью минуты» («Иерусалимцы»). Самый нелепый сюжет Дина Рубина умеет расцветить яркими блестками прилагательных, скорее ташкентских, чем израильских. «Дивный контраст смоляных волос с праздничной синевой глубоко сидящих глаз приковывал к ее лицу любой встречный взгляд» («На долгом светофоре»). Похоже на музыку к индийскому фильму, но встречный взгляд действительно приковывает…

Тем не менее, людям нашего возраста и (все-таки!) уровня развития не надо бы употреблять в авторской речи уродливые словечки, вроде «тусовки», «прикольного» и т.д. Да и «прагматичный Запад отдыхает, как говорят подростки» («Волшебные сказки Шарля Перро») откровенно режет ухо: подростки, которые говорят «Запад отдыхает», не знают слова «прагматичный». Но это, естественно, мелочи, тем более, они забудутся так же быстро, как и содержание прочитанного. Все, что останется, – это легкое приятное послевкусие, как от черешни в летний день.

За подборкой рассказов следуют четыре истории под общим названием «Ручная кладь». На грани художественной литературы, если не за нею; скорее туристические заметки, чем собственно рассказы. При этом «реальные» персонажи Дины Рубиной выглядят такими же клопами-водомерками, как персонажи вымышленные. Если про вторых можно задаться вопросом, что они делают в литературе, то с первыми не совсем понятно, что они делают в жизни. Стареющие шестидесятники, лучше всего описываемые латинской поговоркой *aut bibit, aut mixit* – либо пьет, либо льет. Только не говорите мне, что это они от большой талантливости. Не знаю, как там насчет гения и злодейства, а вот талантливость и хамство есть вещи явно несовместные.

За «Ручной кладью» – коротенькая повестушка «Я и ты под персиковыми облаками». Сразу вспоминается аналогичная история про собачку из Карела Чапека – когда Дина Рубина была маленькой, все

дети из хороших семей ею зачитывались. Очень мило. И похоже. Может быть, даже слишком похоже. Но все равно мило. Прочли – забыли, осталось приятное послевкусие.

И, наконец, последнее – повесть «Высокая вода венецианцев». После первых десяти страниц кажется, что это самое неудачное произведение сборника. У героини обнаружен рак с метастазами, она бежит в Венецию... Ну дальше все понятно, можно не читать. Обязательный набор фотографий из турагентства, желудочные арии гондольеров, криминально красивый, молодой (моложе героини) итальянец, волшебная ночь любви, героиня возвращается просветленной. Тем более, раковая больная в описаниях Дины Рубиной обязательно будет работать бродячей рекламой, рассыплет щедро пригоршни эпитетов, станет выписывать для нас «рассказ, который весь – как венецианская парча, вытканная золотом, лазурью, пурпуром и невысказанными узорами, тяжелая от драгоценных камней, избыточно прекрасная ткань»...

И будут громоздиться красоты и банальности сверх всяких разумных пределов до тех пор, пока читатель (не сделавший ошибку и не захлопнувший книгу после первых десяти страниц) не придет, наконец, к неожиданному открытию: вся эта история – обманка! Никакого рака у героини не было и нет, это она для нас с вами придумала, чтобы понимали, сочувствовали и заранее простили любые возможные в венецианском путешествии бесчинства! А на самом деле ей просто досмерти надоел законный муж (весь такой сдержанный, интеллигентный, безупречно порядочный – ну как такому изменишь, не имея в запасе метастаз-другой в оправдание?!). И пустилась наша героиня в загул, на поиски любовника. Точнее – идеального любовника, потерянного брата. И отыскала ведь... А вам жалко?

Вот это – обманка, потайной смысл, подглядывающий за нами в шелку расписных ташкентско-иерусалимских драпировок, – не забудется. Разноцветные стеклышки расположились волшебным образом и сделались ключом в настоящую литературу.

Ài èòðèé ĭ ðièîúúá

ĖĀĀĀĎŪ Ī ĀĀŅĀĀĀ

Ī ðei Ī ĖĀĀĖ, Ī ĀĀĀŪĖĀ

Ī .: ŌĀĖŅŌ, 2002 – 187 ű

В послесловии издателя Примо Леви сравнивается с Солженицыным, – как мне представляется, несправедливо. Солженицын прошел лагеря и вышел из них пророком на библейский манер: всю оставшуюся жизнь он будет «глаголом жечь сердца людей». Примо Леви никого ничему не учит, не гвоздит за грехи, не собирается улучшать человеческий род. Если сравнивать Леви с кем-нибудь из «лагерных» писателей, то ближе всего он к Шаламову – точно так же убежден, что никакого положительного опыта существование за колючей проволокой не дает.

Потому-то книга и называется не «Освобождение» и не «Путь домой», и даже не «После потопа», а именно «Передышка». Ибо война никогда не кончается, как верно подметил один из наиболее приспособленных к вечно-лагерной жизни персонажей книги, грек-спекулянт Нахум Мордо. Потому что лагерь – неизбежный спутник войны – тоже никуда не пропадет. И в начале, и в конце повествования душит один и тот же кошмар: вся «мирная жизнь» – только сон, откуда в конце концов тебя обязательно вырвет «команда подъема, с которой начиналось каждое утро в Освенциме, неотвратимое, всегда пугающее чужое слово “Wstawac!”»

А ведь Примо Леви пробыл в лагере всего один год. И книгу свою написал и опубликовал лишь в 1963 году, через 18 лет после освобождения и возвращения домой... Это постоянное «ожидание лагеря» наложило неизгладимый отпечаток на стиль и содержание повествования. Большая часть описываемых событий происходит поздней весной и летом в хорошо знакомой нам европейской средней полосе. Однако цветовая гамма текста грязно-серая. Лес в глазах лагерника утерял зеленые краски, небо лишено лазури. Да и вообще – лес упоминается лишь как источник пропитания, а на небо освобожденный зэк даже не смотрит. Зато описаний земли и всякой нечистоты, ее захламляющей, – хоть отбавляй. В самом конце книги Примо Леви объяснит нам этот феномен: «Прошло много месяцев, пока я смог наконец избавиться от привычки смотреть при ходьбе под ноги, словно в поисках чего-нибудь, что можно съесть или быстро спрятать в карман и потом обменять на хлеб».

Словом, хотя на первый взгляд «Передышка» – это воспоминания о пути из лагеря домой, то есть «история путешествия», самой дороги и связанных с ней внешних впечатлений в тексте не так много. Гораздо больше места занимают описания внутреннего состояния автора. Но опять же – не души, не «внутреннего мира», а довольно прозаических описаний физического самочувствия. Речь идет о том, где, когда и чем автор болел, что он при этом ощущал и как лечился. Это, наверное, самый очевидный признак лагерной травмы: человек живет скупом, не вглядываясь в окружающее, с ощущением, что каждый день несет смерть. Подробно и тщательно рассказано про пищу: как выглядела, как досталась, как была приготовлена...

Конечно, в такой книге не обойтись без образов воинов-освободителей – тем более, что все действие «Передышки» разворачивается на территориях, находящихся под контролем Советской армии. Надо честно признаться – освободители получились не слишком симпатичные, зато донельзя знакомые, словно в зеркало глядишься. Естественно испорченные квартирным вопросом и прочими прелестями социализма. Царство бардака, повального пьянства и торжествующей показухи, символом которой служит общественный туалет: «огромная деревянная постройка с тремя входами. Над каждым входом суриком небрежно намалеваны русские слова: “Мужская”, “Женская”, “Офицерская”... Вопреки надписям, разделяющим посетителей на три пола, помещение на отсеки не разгорожено».

Пару раз автор спохватывается, что русских вообще-то надо хвалить, поскольку они победители, спасители и т.д. И тут же слог становится тяжеловесен до неприличия, как в учебнике истории СССР для четвертого класса советской школы. Впрочем, натужная благодарность быстро сходит на нет: старый лагерник слишком хорошо понимает, что любая «освободительная миссия» – всего лишь побочный, необязательный продукт поразившей Европу чумы.

Парадоксальным образом не кто-либо из общественных писателей, а именно иностранец, побывавший с нами считанные месяцы, самым точным образом сформулировал сущность российского

государства, каким оно было всегда и, видимо, навсегда останется: «темная исполинская власть, пусть не враждебная нам, но опасная своей нерадивостью, невежественностью, непредсказуемостью, своей слепой, как у природы, мощью». К сожалению, лавры маркиза де Кюстина в XX веке даются слишком дорогой ценой...

Ài eòdèé Ĩ ðeíôüüä

ОТ СВЕТА

Дэн Джейкобсон

Дэн Джейкобсон (1929 г.р.) родился в Южной Америке в семье еврейских иммигрантов. После окончания университета уехал в Израиль, проработал два года в киббуце. С 1958 года живет в Англии. Многие его романы и рассказы посвящены жизни евреев в Южной Африке. Лауреат самых разных премий, в том числе и премии Сомерсета Моэма.

– А это – мой сын Лайонел, – сказал мистер Крамер мисс Позен.

– Мистер Крамер! Вы шутите? – сказала мисс Позен укоризненно.

Старик подмигнул сыну – тот стоял у стола мисс Позен рядом с ним. Лайонел – он был смущен, но замешательства не выдавал – повернулся, чтобы пройти в другой кабинет, но отец ухватил его за рукав.

– Пусть мисс Позен рассмотрит тебя хорошенько.

– Да ладно вам, мистер Крамер!

А юноша сказал:

– Мисс Позен видит меня не в первый раз.

– Ты изменился. Мы все меняемся – тем более что молодое поколение пришло нам на смену, правда, Лили?

Юноша улыбнулся – восторг отца ему льстил, но несколько поднадоел.

– Не так уж я изменился. К тому же мы мешаем мисс Позен работать.

– Вы слышали? – Мистер Крамер шугливо погрозил мисс Позен пальцем. – Мистер Лайонел уже беспокоится о работе. Это хороший знак, Лили. При нем нам всем придется попотеть. Новая метла чисто метет.

В ответ мисс Позен только покачала головой и зарделась. Однако нашла в себе силы сказать:

– Вы еще так молоды, мистер Крамер... – И снова покачала головой.

– Вы говорите про мою молодость, а перед вами живое доказательство того, что скоро мне пора в утиль. – Старый лис хитрил, поддразнивал их обоих.

– Ну нет, – сказала мисс Позен и перевела глаза на разложенные перед ней бумаги.

Возникла пауза. Мисс Позен, словно испугавшись, не перешла ли она границы, сказала:

– С вашего позволения я продолжу работу. Вы ведь этого от меня ожидаете, мистер Крамер?

– Да-да, конечно.

– Пойдем, а, пап?

– Идем-идем. – И старик последовал за сыном, который направился к выходу. Однако у двери обернулся и с улыбкой сказал мисс Позен: – Видите, он уже мной командует.

А у себя в кабинете он спросил Лайонела:

– Видел, как она краснела, бедняжка? – Презрительно поморщившись, он потер щеку. – Щеки так и пылали. Как будто ей семнадцать.

– А ей давно уже не семнадцать, – заметил сын – ему шел девятнадцатый год. Он занял кресло у стола.

– Действительно, – согласился отец. – Но бедняжка отлично работает. – Мисс Позен было за сорок, однако мистер Крамер почти всегда называл ее пренебрежительно-ласково «бедняжка». Пренебрежительно – поскольку она была некрасивая и заурядная – из тех, кто никогда не выходит замуж. В его глазах она была неудачницей; сам он иммигрировал в Южную Африку еще мальчишкой и исключительно благодаря собственным стараниям стал хозяином маслодельной фабрики и считал, что может позволить себе относиться к неудачникам с пренебрежением. Но сыну все-таки напомнил: – За столько лет – никаких нареканий, работает она действительно хорошо.

– Да знаю я, знаю. Что ты со мной ка

к с маленьким? Я же вырос на этой фабрике, я ее помню сколько себя. И вообще, кому это нужно – представлять меня мисс Позен и всем прочим? Я чувствую себя полным идиотом.

– А вот насчет этого не беспокойся. Им ты идиотом не кажешься.

– Ты просто не понимаешь...

– Да? – спросил отец, взглянув на сына. – Ладно, пойдем чайку попьем.

– А когда мне приступить к работе?

– После чая. – Мистер Крамер нажал на кнопку и сказал вошедшей секретарше: – Бетти, как там у нас насчет чая? Будьте добры, две чашки.

– Две чашки, – повторила секретарша. – Хорошо, мистер Крамер.

Когда она вышла, отец заговорил снова.

– Ну, теперь, когда ты все посмотрел, что думаешь? Жалеть не будешь?

– Пап, я ж тебе говорил, я тыщу раз все это видел!

– Видеть-то видел, да смотрел не так. Это же не то что приезжать на каникулы или заглядывать на полдня, перед тем как ехать в город развлекаться. Каждый день, каждое утро – одно и то же, одна и та же работа, одни и те же люди... Не позавидуешь, когда понаедут твои приятели, порасскажут тебе, как здорово в университете?

– Не позавидую. Мы с тобой это уже обсуждали. В университет я не хочу. – В голосе Лайонела сквозило раздражение. Высокий, загорелый, с худощавым лицом и огромными карими глазами, он был не похож на отца, разве что плечами подергивал точно так же. – Я несколько не глупее тех, кто идет в университет, просто не хочу попусту тратить свое время. И твои деньги. Я здесь, и я знаю, почему я здесь.

Потом они молча дожидались чая. Когда его принесли, Лайонел быстро выпил свой чай, поставил чашку на поднос и сказал:

– Я готов приступить к работе.

– Попроси Бартона показать тебе бухгалтерские книги. Для начала тебе нужно узнать, как и с кем мы связаны.

На пороге Лайонел остановился.

– Вот увидишь, папа. Ты убедишься, что мне можно доверять. Я не боюсь ответственности.

– Я на это и рассчитываю, сынок. Сам я все-таки старею и буду рад передать дело тебе. – Глядя на сына, такого шуплого, в строгом коричневом костюме, он понимал, что мальчик хоть и храбрится, но напуган, и сердце старика сжималось от гордости и тревоги.

Мистер Крамер обычно просиживал в кабинете целое утро: пил чай, читал газеты, просматривал почту, изучал – с присущим ему любопытством и уважением к устройству мира – рекламы товаров, покупать которые не собирался. Но почти весь первый рабочий день Лайонела он рыскал по фабрике. Коренастый, широкоплечий, он шагал, блестя лысиной, размашисто и уверенно и время от времени взмахивал рукой в ответ на приветствия работников; он сновал между конторой и фабрикой, всюду чувствуя себя полновластным хозяином. В его отношении к работникам сквозила чуть торопливая – как у занятого родителя – забота; он был к ним снисходителен, поскольку они от него зависели: на нем лежало бремя власти и ответственности.

Он ходил рядом с Лайонелом: иногда вступал в разговор с теми, с кем Лайонел только что побеседовал, а иногда лишь наблюдал – и к концу дня сообщил мисс Позен:

– Мальчик быстро осваивается. Пожалуй, скоро мистер Лайонел и впрямь будет мной командовать.

– Это вряд ли, мистер Крамер.

Мистер Крамер взглянул на нее не без лукавства.

– Думаете, нет, Лили?

– Вы никогда и никому не позволяли собой помыкать, во всяком случае на моей памяти. А вы сами знаете, я здесь не первый день.

– Все, что имеет начало, имеет и конец.

– Не в этом случае, мистер Крамер! – Мисс Позен осмелилась настоять на своем. За это он в тот вечер подвез ее до дома.

До того как Лайонел пришел работать на фабрику, когда он еще учился в школе, все белые работники звали его Лайонелом; теперь он стал для них начальством и его называли уже мистером Лайонелом. Все, кроме мисс Позен. Она, видимо, полагала, что раз она старше прочих и проработала дольше всех, то имеет право называть его просто Лайонелом. К тому же – Лайонел в этом не сомневался – позволяла себе называть его по имени еще и потому, что она единственная еврейка из всех служащих, и именно это злило его больше всего, поскольку ставило его на тот самый уровень, на котором они с ней будут равней навеки.

Спустя несколько недель он пожаловался отцу:

– Никто другой не называет меня просто Лайонелом. С какой стати она себе это позволяет? Между прочим, она подает дурной пример остальным служащим.

– Допустим, – согласился мистер Крамер.

– Она ведет себя так, будто я здесь никто, будто я все еще хожу в коротких штанишках.

– Так докажи ей, что это не так.

Лайонел надеялся, что с ней поговорит отец, но теперь у него не оставалось выбора. Прошло несколько дней, прежде чем он собрался с духом, но в конце концов вызвал мисс Позен в отцовский кабинет

и в присутствии отца попросил ее впредь называть его мистером Лайонелом. Решимости у него поубавилось, и он говорил с ней несколько заискивающим тоном:

– Понимаю, вам это нелегко: ведь вы здесь столько лет и помните меня еще ребенком, но и кое-кто из сотрудников может сказать то же самое. Я просто не хотел бы, чтобы вы подавали пример остальным.

Мисс Позен нервно потерла сложенные на груди руки. Она была полновата, носила очки с голубыми стеклами, скрывавшими глаза, и неизменные синие юбки с синими же джемперами – «в тон очкам», как заметил однажды мистер Крамер. Она проработала в конторе так долго, что могла выполнять любую работу: печатала на машинке, выписывала счета и чеки фермерам, присматривала за молоденькими секретаршами и даже частично вела бухгалтерию. Но несмотря на медлительность движений и полноту, в ней порой проглядывало что-то девчоночье: например, она могла внезапно покраснеть или захихикать, а иногда на нее находило глупое детское упрямство.

Она стояла столбом. Скрытый очками взгляд искал у мистера Крамера указаний. Но старик смотрел в сторону, как будто его здесь не было.

– Наедине зовите меня как хотите, – продолжал умамливать ее Лайонел. – Но в конторе, при других сотрудниках, – тут уж я рассчитываю на ваше понимание. – Последняя фраза – ему удалось выпалить ее одним духом – прозвучала весьма по-деловому.

– Мне будет нелегко привыкнуть, – сказала мисс Позен. Сказала неуверенно: все еще ждала поддержки или хотя бы реакции хозяина. – Я постараюсь, Лайонел. Извини, я не сразу поняла, что должна вести себя так же, как остальные, я предполагала, что... что... я столько времени здесь служу... Я помню, как ты прибежал ко мне за конфетами.

– Это было давно.

– Наверное... Ну, если ты хочешь...

– Я вам сказал, чего хочу.

Лайонел открыл перед ней дверь, и, оглянувшись напоследок, она заметила, что мистер Крамер рассеянно потирает щеку.

Лайонел, исполнив задуманное, почувствовал прилив сил.

– Ну, вот и разобрались, – сказал он отцу.

Однако оказалось, что не разобрались. Потому что мисс Позен все равно продолжала звать Лайонела Лайонелом. Поначалу Лайонел подумал, что она просто оговаривается. Но она упорствовала. Она называла его Лайонелом так, словно и вообразить не могла, что его следует называть иначе, словно и не было у них никакого разговора.

Лайонел снова пожаловался отцу.

– Она надо мной издевается. Прикидывается, будто не понимает, что делает, а сама прекрасно знает. Она нарочно так себя ведет. Хочет поставить меня на место.

– Да зачем ей ставить тебя на место?

– Сам знаешь зачем, – отрезал Лайонел. – Все яснее ясного. Не понимаю, почему ты отказываешься это признать. Она старая, ее время прошло, она завидует – моей молодости и моему положению.

Мистер Крамер пожал плечами.

– Если это тебя так раздражает, поговори с ней еще раз.

Одно дело – пожаловаться отцу, другое – снова проводить в его присутствии разговор с мисс Позен, и это Лайонела останавливало. Он ограничился тем, что побеседовал с мисс Позен наедине, уже без реверансов и в более резком тоне. Она вновь пообещала следить за собой, а через час снова назвала его Лайонелом; она не только продолжала звать его просто Лайонелом, она вела себя, как объяснил Лайонел отцу, «дерзко». Оставаясь такой же медлительной, упорной и трудолюбивой, она ухитрялась и дерзить – причем дерзила публично, она дерзила и при других сотрудниках и даже при отце. «Мисс Позен, будьте добры, сделайте то-то и то-то», – говорил Лайонел, а она отвечала: «Нет». Или он просил: «Мисс Позен, подайте мне, пожалуйста, эту папку», – а она, не подымая глаз, бросала: «Сам возьми».

Лайонел, слыша такое, ушам своим не верил. Он бледнел так, что это было заметно, даже несмотря на загар, устремлял взгляд в пустоту, затем делал все сам, нарочито сосредоточенно, будто бы всецело поглощенный работой. После каждого такого случая остальные служащие вели себя настороженно, но потом успокаивались и наверняка – в этом у Лайонела не было никаких сомнений – прикидывали, не сойдет ли такое с рук и им.

– Ты сам слышал, как она со мной разговаривает, – возмущенно говорил Лайонел отцу. – Так же нельзя. Так дальше продолжаться не может. Пап, ты должен вмешаться.

– Лайонел, если я вызову ее к себе и строго с ней поговорю, она, безусловно, перестанет дерзить. Но добьюсь этого я, а не ты. Думаю, что это уронит тебя в ее глазах и в глазах остальных. Все подумают – мистер Лайонел не может постоять за себя сам, раз побежал жаловаться к папочке. Ты этого хочешь?

– Но должен же быть хоть какой-то выход! Если бы ты на самом деле хотел мне помочь, ты нашел бы его.

– Лайонел, это – твое первое испытание. Ты должен преодолеть его сам, иначе никогда не наберешься уверенности в себе, а она тебе еще пригодится. Да и с кем ты, собственно, воюешь? Это ж всего-навсего бедняжка Лили Позен, которая сидит квашней в конторе. Неужели ты даже с ней не можешь справиться?

– Так ты что, за нее? – вырвалось у Лайонела.

– Я больше за тебя, чем ты сам, – сказал мистер Крамер. Обвинение его несколько не смутило. И, прикрыв глаза, добавил с улыбкой: – Я, Лайонел, за себя. И хочу, чтобы ты тоже был за себя.

– Ну, хорошо же, ты еще увидишь, – предупредил отца Лайонел. – Я сам разберусь. Вот увидишь.

Лайонел стал наблюдать за мисс Позен – поджидал удобного случая. За ней никто прежде не наблюдал, и усилия Лайонела увенчались успехом: однажды он тайком взял со стола мисс Позен ее сумку и, открыв ее в мужской уборной, обнаружил рулон марок по пенни. Это могли быть и ее марки, но Лайонел точно знал, что это не так. Говорить он ничего не стал – только записал дату и количество марок, после чего вернул сумку на место. С тех пор при каждом удобном случае – когда она уходила из конторы на фабрику и в кабинете никого не было – он заглядывал в ее сумочку. И находил то новую ленту для пишущей машинки, то ластик, то коробку скрепок, то шариковую ручку. Все это он аккуратно клал обратно в сумку, не забыв записать, что именно и в какой день обнаружил. Вскоре у него собралось небольшое досье на мисс Позен, и он гордился тем, что сам заметил, как подозрительно быстро исчезают канцелярские принадлежности из шкафа, ключ от которого был у старейшего служащего конторы – мисс Позен. Исполненный решимости, он предвкушал тот день, когда сможет предъявить ей обвинение.

Как-то раз Лайонел, зайдя в кабинет, который мисс Позен делила с еще одной сотрудницей, спросил мисс Позен – та искала что-то в картотеке:

– Вы собрали данные, о которых я просил вчера?

– Пока нет.

– И когда же я их получу?

– Когда они будут готовы, Лайонел, – ответила она, не прерывая своего занятия.

– Так когда? – Лайонел повысил голос.

На что она еле слышно ответила:

– Когда рак на горе свистнет.

Лайонел знал, что во второй половине дня отца в конторе не будет.

– Я с вами позже поговорю, – сказал он. – Зайдите в три часа в кабинет к отцу.

В три часа он сидел за отцовским столом и перед ним лежал листок бумаги, где были перечислены все ее прегрешения. Когда она вошла, он не поднял головы и заговорил, стараясь почти не шевелить губами – чтобы голос не дрожал.

– Мисс Позен, я должен серьезно с вами побеседовать. – Сесть он ей не предложил. – Двенадцатого октября вы взяли из конторы марок по пенни на сумму в один шиллинг. Семнадцатого октября вы взяли коробку скрепок. Восемнадцатого – новый карандаш. Первого ноября – три карандаша... – Он прочел весь список. Закончив, он заставил себя наконец взглянуть на нее. – Что вы можете сказать в свое оправдание? Это называется воровство.

Когда Лайонел увидел ее – жалкую, старую, в синем платье, повисшем на поникших плечах, он тут же позабыл о страхе, а заодно и о стыде. Он мог жечь ее взглядом, мог орать на нее. Он вдруг почувствовал свою силу и дал волю гневу.

– Вы воровка! Отец вас пятнадцать лет здесь держит, а вы вместо благодарности у него воруете! Кто вы без него? Полное ничтожество! Да как вы смеете?!

Он думал, что мисс Позен расплчется, однако она молча повернулась и чуть ли не выбежала из кабинета. Глядя, как она тяжело, неловко убегает, он еще больше взъярился.

Однако из кабинета Лайонел решился выйти, лишь когда отец вернулся из города. Он рассказал отцу о случившемся.

– Она должна уйти! – кричал он. – Я вывел ее на чистую воду, и она должна уйти. Я ей показал, кто я такой!

Он был бледен, руки у него дрожали, но глаза сверкали, и мистер Крамер понял, что мальчишка почуял кровь, что он упивается собственной властью. И ничего уже тут не поделаешь.

Мистер Крамер ни секунды не колебался, кого выбрать – сына или мисс Позен. Один из двоих должен был уйти, но, понятно, не сын. Однако старый Крамер должен был и за себя постоять.

Поэтому он выслушал Лайонела, а когда тот, выговорившись, обессиленно рухнул в кресло, мистер Крамер тихо сказал:

– А теперь я хочу побеседовать с мисс Позен. – Лайонел не тронулся с места, и мистер Крамер добавил: – Я хочу побеседовать с ней один на один. Хочу узнать, как все обстояло на самом деле.

– На самом деле? Что ты имеешь в виду?

Мистер Крамер не стал ничего объяснять, а просто велел Лайонелу позвать мисс Позен.

– Передай мисс Позен, что я хочу ее видеть, а сам пойдешь займись чем-нибудь еще.

При мистере Крамере мисс Позен дала волю слезам. Дала им волю, когда он ласково сказал ей:

– Лили, вы поступили глупо.

Она таки расплакалась. Слезы текли ручьем, чтобы утереть их, ей пришлось приподнять очки, и только тут – без прикрывающих их стекол – мистер Крамер разглядел ее карие глаза с крупными белками. Не дожидаясь, пока она успокоится, мистер Крамер стал, запинаясь, объяснять, почему не может ей ничем помочь.

– Я бы с радостью, Лили, – сказал он. – Вы проработали у меня – шутка ли! – пятнадцать лет. Но я ничего не могу поделать.

– Прошу вас, мистер Крамер, ну пожалуйста! Я сама не понимаю, зачем я это делала... Это началось совсем недавно...

– Знаю. С тех пор, как появился Лайонел.

Мисс Позен тут же умолкла; она застыла, потрясенная его словами, и мистер Крамер поспешил объяснить:

– Я знаю, когда это началось, не потому, что наблюдал за вами, Лили, а потому что понимаю, как это бывает. Да и как не понять? Мне ли не знать, что вы чувствуете? Я ведь и сам в том же положении. Оттого-то я и не могу вам ничем помочь. Все дело в мальчике, в Лайонеле. Сами видите, он удержу не знает. Он еще совсем юнец, но я не могу идти против него. Силы не те. И вам, Лили, я это говорю, потому что проработал с вами пятнадцать лет. Никому другому я бы такого не сказал, постыдился бы. – Говорил мистер Крамер запинаясь, пожимал плечами, головы не подымал. Мисс Позен едва не кинулась его утешать. Но от нее он бы утешений не принял. – Я в первый день, как он сюда пришел, вам же и сказал: «Кончилось мое время».

Затем он пообещал ей, что постарается выхлопотать для нее место в другой фирме, причем место не хуже нынешнего.

– Понимаю, это совсем не то, но большего сделать не могу – из-за сына. Но это сделаю. Мы скажем, что вы уходите потому, что не сработались с Лайонелом. А Лайонел будет держать рот на замке, он мальчик с характером, он сумеет.

Мисс Позен вышла из кабинета мистера Крамера – от разговора с мистером Крамером она взбодрилась и, повстречавшись в коридоре с Лайонелом, сказала ему:

– Гадкий мальчишка! – Щеки ее пылали, очки отбрасывали на лицо голубую тень. – Хоть бы постыдился!

Лайонел, оглядываясь на нее, дошел до отцовского кабинета.

– Слыхал, что она сказала? – Он был изумлен тем, что она посмела на него накинуться.

– Слыхал. – Мистер Крамер ничем не выдал своих чувств. – Я ее уволил. Можешь себя поздравить. Она уходит. Я велел бедняжке уйти, и больше она тебе мешать не будет.

– Да разве в том дело, что она меня беспокоила? Она же воровка!

– Мисс Позен? Да если бы я понял, что она, проработав здесь пятнадцать лет, таскает всякую ерунду вроде карандашей и ластиков, я бы сделал вид, что ничего не замечаю. И никогда бы не поступил так, как поступил ты. Я бы не мог следить, подгадывать, расставлять ловушки, рыться в сумочке. Я бы постыдился. Не стал бы тащить бедняжку в кабинет и устраивать ей сцену...

– Разве я был не прав? – возмущился Лайонел. – Я же вывел ее на чистую воду.

– Со своей точки зрения, наверное, ты и прав. Только точки зрения у нас с тобой разные. Я-то смотрю на все как человек, который хочет мира и покоя, который считает, что если женщина проработала у нас пятнадцать лет... Пятнадцать лет! Ты-то пока прожил не многим больше.

– Но ведь...

– Но ты поступил так, как считаешь правильным. Я тебя понимаю. Наверное, ты действительно прав, только прав по-своему. Не по-моему. Теперь я должен найти ей работу не хуже. Это самое малое, чем я могу помочь бедняжке – после того, что здесь случилось. Пятнадцать лет! Вся ее жизнь тут прошла, а чем ты ей отплатил? Ох, – вздохнул старик, – об этом и думать не хочется.

Мистер Крамер сдержал слово и устроил мисс Позен на новое место. А еще купил ей дорогой подарок и устроил прощальную вечеринку в ее честь. На вечеринке Лайонел слышал, как мисс Позен говорила, что не встречала человека лучше мистера Крамера. Лайонел не понимал, что с ним происходит.

А отец и не думал ему ничего объяснять. Когда же Лайонел попытался об этом заговорить, в ответ он услышал:

– Ты поступил так, как считал правильным. Бедная мисс Позен! Отец у нее был простой портной. Впрочем, наверное, нынче в бизнесе необходимы люди жестокосердые, правда, я-то управлялся и так.

– Да не жестокосердый я, – убеждал отца Лайонел. – Папа, я правда поступил так, как считал правильным.

– Поступил как поступил, и точка. Все кончено и забыто. Вот только бедняжка мисс Позен. Она не забудет. У нее на всю жизнь останется рана в душе.

– Папа, прошу, выслушай меня...

– Да разве я тебя не слушаю? – Мистер Крамер развел руками и удивленно воззрился на сына.

– Не слушаешь.

– Я? Я тебя не слушаю? Разве я не выгнал бедняжку – и это после пятнадцати лет службы? Разве я не выставил ее на улицу, словно она мне чужая – и все только потому, что ты на этом настаивал.

– Да, все так. Ой, я не знаю... – растерянно пробормотал Лайонел.

– Чего ты не знаешь?

Это признание Лайонелу далось нелегко.

– Вообще ничего не знаю.

И мистер Крамер понял, что выиграл битву.

– Со временем узнаешь, – сказал он.

Нежность, прозвучавшая в его голосе, удивила Лайонела, но и это он принял с покорностью.

Ī āmāā nāi āeēēēā

Ā. Ī āēēēēē

Век аскетической морали

Èàààÿ Áíðíàèö, ààòíð «Ðàèí», è àã ñàí ùÿ (XVI-XVII àà)

Самуил Городецкий

Мистический аскетизм и строгий морализм – таковы главные течения в раввинской литературе, начиная с последних десятилетий XVI века. Гонения, которым евреи подвергались в Германии и Австрии, и все ухудшавшееся их положение в Польше после прекращения ягеллонской династии (1572 год) привели к тому, что духовные вожди еврейства стали задумываться над «концом дней» – пришествием Мессии. Для того чтобы ускорить приближение «конца», следовало достичь высшего нравственного совершенства, отречься от земных наслаждений и предаться постам и покаянию – таково издавна учение ашкеназийской кабалы. Воскрешенное р. Ицхаком Лурье (Ари) в Палестине это учение быстро распространилось в диаспоре и нашло свое законченное выражение в нравоучительно-проповеднической кабалистической литературе Германии и Польши.

Среди представителей этой литературы особенно ярко выступает одна раввинская семья, которая на протяжении трех поколений, от конца XVI до конца XVII века, занимала центральное место в духовной жизни немецко-польского еврейства и из рода в род передавала традицию мистического аскетизма. Это – семья Горовицев, прославленная знаменитым р. Иешаей, автором книги «Шело». Родоначальником этой раввинской династии был отец р. Иешаи, р. Авроом Горовиц.

I. Рабби Авроом Горовиц и его учение.

Авроом Горовиц родился в 40-х годах XVI века, его отцом был р. Шабси, общинный судья в Праге. Детство р. Горовица не стало счастливым, несмотря на то что отец его «был счастлив во всех своих делах». Положение евреев в средневековой Богемии оставляло желать лучшего. Непрерывные гонения, вражда соседей-христиан, всевозможные обвинения омрачали их жизнь и расшатывали моральные устои. Дурное влияние не прошло для Авроома бесследно. Сам он рассказывает о себе: «Ныне вспоминаю свои грехи – я много раз сбивался с пути, иными словами, часто и слишком много пил и, вероятно, поэтому грешил, ибо в нетрезвом состоянии не мог остерегаться».

Совершенно другим человеком сделался р. Авроом, когда он оставил Прагу и переселился в Краков. В Польше общественное положение евреев было гораздо лучше, чем в Богемии: там возник и утвердился духовный центр еврейства и процветали раввинская наука, «тайное учение» и религиозная философия. Большую ешиву в Кракове возглавлял один из великих – р. Мойше Исерлис (Рамо). В эту ешиву, основанную на его личные средства, стекались «в большом количестве ученики достойные и совершенные». Одним из них был Авроом Горовиц.

Учение и сам Исерлис произвели на Авроома сильное впечатление. Его характер коренным образом изменился. Он стал человеком высоконравственным, скромным, приятным в общении. Он не ссорился ни с кем, будь то хороший или дурной человек, исполнял всякую мало-мальски приемлемую просьбу, и ни один человек не уходил от него разочарованным: он каждому умел помочь. Он научился владеть собою, взвешивать свои слова и чаще всего просто отвечал: «Не знаю», дабы не употреблять лишних слов. Он обогатился познаниями не только по части Талмуда, но и в области религиозной философии маймонидовского направления. Авроом следовал в этом отношении своему учителю Исерлису, который был большим приверженцем Маймонида и находил, что «всякое его слово – истина». Для Горовица Маймонид также сделался высшим авторитетом. Первым его литературным опытом, называвшимся «Хесед Авроом» («Милость Авроома»), был комментарий к этическому трактату Маймонида, в котором Горовиц обнаружил высокие достоинства. Он написал свой комментарий «для назидания и зрелым мужам, и цветущей юности, еще не вступившей на путь научного исследования» и издал его в Люблине в 1577 году.

Он был сыном своего времени и одной философской этикой Маймонида не ограничился. Вслед за комментарием он в том же году напечатал (тоже в Люблине) свою книгу «Брис Авроом» («Завет Авроома»). Книгу «о делах покаяния». Она написана удобопонятно и кратко – для облегчения трудностей, возникающих при изучении обширных глубокомысленных трактатов. В предисловии к «Завету Авроома»

говорится: «Сознавая, что каждый родившийся должен будет дать отчет Создателю, я сказал в сердце своем: “Что я сделаю и что отвечу, когда подымется и спросит Б-г?” – И внутренний голос ответил: “Сын человеческий! Чего ты дремлешь? Встань, войди в дом Б-жий!”» – Поскольку «суть покаяния – исповедь, а от исповеди зависит прощение», он внес в свое произведение «новую исповедь – в дополнение к старой, имеющейся в молитвенниках», и сочинил «много молений и просьб».

В 1590 году р. Авроом уже живет во Львове. Он был тогда занят своей книгой «Эмек а-брохо» («Глубь благословения»), содержащей объяснения к благословениям застольным и синагогальным. Туда приехал его второй сын – р. Иешая. Он был еще очень молод, но обладал глубокими знаниями, и отец передал ему рукопись своей книги, разрешив делать поправки и примечания. Книга была издана с комментариями сына в 1597 году в Кракове. В предисловии к ней автор пишет: «Хотя мы уже обладаем двумя кодексами – трудами гаонов р. Йосефа Каро и моего учителя, р. Мойше (Исерлиса), последователя первого, я все-таки взял на себя этот труд, потому что кодекс “Шулхан Орух” слишком обширен и по причине своего объема и тяжести неудобен в дороге». А так как благословения разного рода необходимы при всякой обстановке, р. Авроом собрал их в одну небольшую удобную книгу. Он написал ее легким языком, «чтобы все могли ее понимать – даже школьники и малые дети».

И в этой книге р. Авроом тоже оказался верным последователем своего учителя р. Исерлиса. Подобно ему, он, при всем своем преклонении перед кабалою, не желал пользоваться ее символами в области ритуального законодательства. Хотя он и сознавал, что «всякий, желающий по-настоящему исполнять обряды, должен проникаться их смыслом», он, однако, приводит в своей книге только «явные мотивы» обрядов. «Сокровенные же, – объясняет он, – о которых писали глубокие мудрецы, в ней не упоминаются, ибо в их тайну не проникла моя несовершенная душа». «Ясно сознаю, – пишет он далее, – что в других книгах имеется по этой части много мудрости и чудесных тайн; но сокровенное у Г-спода Б-га нашего, а явное я писал для себя и мне подобных». Мойше Исерлис служил р. Авроому авторитетом и в толковании закона. «В случаях разногласия между гаонами, составителями “Шулхан Оруха”, следует руководствоваться мнением мудрейшего. Мы, ашкеназы, придерживаемся постановлений блаженной памяти р. Мойше Исерлиса, ибо сей муж, был позднейший и был сведущ в учениях всех своих предшественников, знал мнения всех от мала до велика, и он устанавливал истину...»

О втором издании труда «Эмек а-брохо» р. Авроома раввин ашкеназийской общины в Амстердаме отзывается следующим образом: «Кто выразит все достоинства этой ценной, б-жественной книги, прекрасно толкующей и прекрасно объясняющей?! Она вселяет праведность в сердца человеческие, направляет их на путь истины и научает любить Б-га всем сердцем, всей душой и всем достоянием». Раввины сефардийской общины в Амстердаме исполнены восхищения: «Кто изобразит все великолепие и всю прелесть книги о благословениях, на которую ниспослал Б-г свое благословение! Она – основа, она – краеугольный камень!»

Перед смертью (время и место нам неизвестны) р. Авроом написал книгу «Еш нохалин» (Вот наследники) – завещание детям. В предисловии сказано: «Вот пришла моя старость, я не знаю дня своей смерти, и если не теперь – то когда же я сделаю что-нибудь для дома своего? Поэтому я решил написать завещание моим домочадцам, заключающее в себе моральные наставления, ведущие человека, исполняющего их, к истинной, вечной жизни». Он завещает детям читать эту книгу по меньшей мере «раз в год, перед Рош а-Шона и в десять дней покаяния», и выполнять сказанное во всех его книгах, и тогда они познают «счастье души». Книга была напечатана после смерти р. Авроома в 1615 году, в Праге с примечаниями его старшего сына р. Якова Щебрешинского и с многочисленными хвалебными откликами раввинов.

Посмотрим, чему учил Авроом Горовиц в своих книгах, вернее – что он собрал и выделил из созданного его предшественниками. Ибо новатором он не был; он только систематизировал то, что в разрозненном виде имелось в прежней литературе.

Авроом Горовиц – не теоретик. В своих произведениях он не излагает никаких философских или кабалистических идей. Он – человек дела. Только делом человек может достигнуть высокого духовного совершенства, и потому р. Авроом дает исключительно практические указания. Подобно философам и кабалистам, он знает: «главное в духовной жизни человека – это постижение Создателя», но постичь Б-жество можно, по его мнению, только посредством служения Ему. «Весь мир, все сущее в нем и все совершающееся, власть и царство – и будь оно царство Соломона – все суета сует, кроме служения Имени Его». И части человеческого тела должны быть орудиями служения Б-гу: «уши должны слушать слова

Торы, глаза должны быть устремлены к Небу, рот должен быть чист, должен поучать невежд, порицать злых, утешать скорбящих, давать советы застигнутым врасплох и часто воздерживаться от пищи. Ногами человек должен ступать по пути Б-га, без усталости ходить ради помощи бедным, ходить в синагогу – утром, в полдень и вечером и стараться появляться там первым и покидать молитвенный дом последним». Мы видим, таким образом, что и отношение людей друг к другу, и утешение скорбящих, и совет нуждающимся, и помощь бедным наш раввин причисляет к области служения Б-гу. Нравственность находится рядом с верой и молитвой.

Еще один путь ведет человека к Бгу: превращение повседневного в святое, одухотворение материального. «Следует быть набожным во всех поступках» – вот главный принцип учения р. Авроома. Все зиждется на святости. Не «половину Б-гу и половину себе», а все Б-гу. Человек должен служить Всевышнему с великою охотою и удовольствием, ибо «радость сердца – великое начало в служении Б-гу». «Следуйте заветам не в ожидании вознаграждения и удаляйтесь от греха не из боязни возмездия, а служите Б-гу из любви».

Итак, мы видим у р. Авроома три ступени служения Б-гу, представляющие в совокупности как бы лестницу, ведущую к Небу: 1) служение Б-гу непосредственное; 2) посредством морали и добродетели; 3) посредством одухотворения материального.

Для первой формы служения всего важнее молитва. Перед публичной утренней молитвой «до зари или на заре» автор советует молиться в одиночестве – «по крайней мере, полчаса до того как служба позовет в синагогу». Отправляясь в молитвенный дом, следует надевать «особое платье для молитвы». Нужно строго следить, чтобы платье и обувь были чисты, ибо «это место свято». Входя в синагогу, «надо прежде всего поклониться Г-споду до растяжения позвоночника, дабы вспомнить ничтожность своего положения и величие Творца». В синагоге нельзя вести посторонние разговоры, «даже в случае большой необходимости». Во время произнесения благословений «надо проникнуться сознанием, что Г-сподь благословен сам по себе и в наших благословениях не нуждается, ибо Он – первичная сущность, источник всех сущностей: их бытие вытекает из Его бытия, Его же бытие самодостаточно и в чужом не нуждается». Приступая к молитве «Шмоне-Эсре», молящийся должен «отстранить от себя все помыслы о человеческих наслаждениях и сказать в сердце своем: “Как мне, жалкому сосуду, предстать перед Владыкой Владык? Ведь и ангелы страшатся Его, вокруг Него – страх и трепет. И что случилось бы со мною, презренным в жизни и в смерти, не будь Его безграничной милости, которую Он оказывает созданиям Своим... Всюду, где мы встречаем Его величие, мы встречаем и снисхождение Его”. Молящемуся должно также «отвлекаться от всяких мирских помыслов и дел, даже от размышлений о Торе». Если ему это нелегко, все равно пусть ищет способа сосредоточиться; например, пусть представит себе, что Создатель стоит перед ним и внемлет тому, что изрекают его уста.

Автор рисует здесь картинку поведения «ученых» («ламдоним») в синагоге: «Диспутируют во время молитвы, с гневом и острым языком сражаются и воюют друг с другом по части алохи, спорят и поднимают крик к самому небу... Это несомненно греховно. Мало того, что они сами себя развлекают и из-за собственного крика не могут сосредоточиться на молитве, они мешают и остальному народу, сидящему возле них вникнуть в молитву». Автор обращается к раввинам, провинившимся, очевидно, в том же, с требованием – «прислушиваться к словам молитвы, произносимым кантором: этим они приобретут себе заслугу и окажут ее и другим, ибо с них возьмет пример и остальной народ».

С помощью добродетели – вторая форма служения Б-гу – человек может достигнуть единения с Ним. «Следует честно вести дела свои, ибо правдиво слово Б-жье и праведны дела Его, а мы должны, по возможности, уподобляться Создателю нашему». Человек «должен быть доволен своей участью и надеяться на Г-спода, что Он его без заработка не оставит, и пусть поэтому не скардничает». Нужно «всячески избегать клятвы, даже правдивой»; нужно быть приятным в обхождении с людьми и «подавлять свою волю ради воли других». Следует поддерживать бедных и не скупиться на благотворительность, ибо деньги даны человеку «лишь на хранение – с тем, чтобы исполнять волю Владельца их, а такова воля Его, чтобы помогать нищим. Человек никогда не беднеет от благотворительных дел». Нужно избегать всяких излишеств и «всяких плотских вожделений», сторониться «людей, гонящихся за наслаждениями, богачей, нечестивцев, глупцов и женщин, ибо общество всех этих портит совершенство служения». Короче – «следует удаляться от гнусного и подобного сему». Человек всегда должен стараться жить в уединении, вдали от общества, ибо одиночество охраняет от приобретения всяких дурных и постыдных свойств. Наши первые праведники занимались пастушеством, и сам Моисей был пастухом. Они предавались этому занятию по вышеупомянутой причине – из желания жить в уединении и удаляться от селений, опасаясь за свою душу, которая при соприкосновении с людьми может перенять какое-нибудь недостойное качество, мешающее идти к совершенству.

Говоря о третьей форме богослужения – освящении материи, р. Авроом особенно подчеркивает обязательное одухотворение еды: самого необходимого момента телесной жизни. «Человек должен освящать себя за трапезой и во время еды думать о том, что он ест перед лицом Б-га... Для благочестивца цель еды – не хлеб, который он вкушает, а подкрепление тела для служения разумной души». Человек должен стараться во время еды и питья сдерживать свой аппетит, не обжираться, как животное, и даже не наедаться досыта. Нужно уделять нищим от хлеба своего, «дабы стол наш был алтарем искупления». Кроме затрапезных молитв, следует освящать свой стол «подлинными словами Торы». Нужно помнить: «Руки символизируют две скрижали завета; десять пальцев, по пяти на каждой руке, соответствуют десяти заповедям, которые начертаны были по пяти на каждой скрижали. Подобными святыми мыслями надо проникаться во время еды». Только священной едой и питается разумная душа. Ибо «у каждого человека имеются две души: животворящая и разумная. Животворящая душа питается и поддерживается материальной пищей, а разумная – духовной и умственной. Придерживаясь обрядов, установленных для пищи, человек способствует тому, что и разумная душа питается долей того, что он ест и пьет. В Б-гоугодной трапезе всегда есть доля для души... Поддерживается душа либо тем, что человек соблюдает обряды, относящиеся к еде, – например законы о “кошерном” и “трефном”, либо тем, что, вкушая хлеб свой, он заботится о подкреплении тела с целью предстать перед Б-гом и служить Ему добрыми святыми делами. Эти важные помыслы и поддерживают возвышенную душу, ибо она – «святость и святостью питается»».

Будучи против излишеств в еде, р. Авроом восстает и против излишеств в напитках, «ибо пьянство разрушает тело человека, помрачает его разум и причиняет всевозможное зло». Однако он оправдывает «святых мира сего, героев духа, мужей Б-га и слугителей Его, предававшихся иногда излишествам в питье на больших пирах, особенно на пирах б-гоугодных. Нет сомнения, что их намерения были благие, так как после вина они еще ревностнее вели за столом беседы о текстах Торы».

Р. Авроом знает, что человеку очень трудно жить в совершенной святости. Знает, что человек всегда находится под игом плоти, что грехи окружают его со всех сторон и воздвигают препятствия на пути к благому. Поэтому он предписывает людям: «Проводите все дни свои в покаянии», ибо «ничто не может противостоять покаянию, и даже совершившему много грехов есть отпущение». Хотя он сознает, что «с точки зрения строгого закона и разума» покаянию нет места, так как согрешивший перед Б-гом не может не считаться отступником. Но покаяние есть «милость и благодать, истекающая на кающегося от Б-га, который не хочет гибели нечестивца, а хочет, чтобы он каялся и остался жив».

Аיִתְיוּרָב אִשְׁעָא אֵי עֲדָרְתָא אִצְרָאֵי יֵאֵי עַד אִשְׁעָא - אֵי יֵעֹא עִינְדֵּן (בַּאִי י). אֵי יִוֹב אִשְׁעָא, יִמְיָאֵי יִפֵּי יָא אֵי עֵ-יִוָּא נִבְרָאֵא, נִבְרָאֵעֵי «אֵי אִתְיוּרָב עִינְדֵּ-אִיבָא וֶ-אִשְׁעָא אִינְדֵּיִוָּא עֵ נִבְרָאֵי יִוָּא». יֵאֵי עַד יֵעֹ אִיבָא אִינְדֵּי אִינְדֵּי.

В чем же состоит покаяние? Какая в нем сила, что оно способно исправить человека, очистить грешную душу и вернуть блудного сына в лоно Отца? Р. Авроом дает на этот вопрос точный и определенный ответ. До мельчайших подробностей объясняет он суть и этапы покаяния. «Начало – это раскаяние. Да скажет человек самому себе в сердце своем: ты ведь знаешь, что ты – прах и что годы твои сочтены, жизнь твоя отмерена и каждый день приближает тебя к могиле... Как же ты в легкомыслии своем не думаешь о горестной минуте, когда покинет тебя сознание и разум твой помутится, когда тебя вынесут и бросят в мрачную, холодную землю, где тебя охватит страх и покроет срам, где одеяние твое будет гниль и черви? Ведь тот день страшен и полон ужаса, это день, в который нет тебе искупления, в который будешь плакать, рыдать и вонять, день трепета и крика, день несчастья, стенания, день горестных вздыханий, день горькой печали, день, в который возгорятся гнев Б-жий и ревность Его и воспламенится негодование Его; день, в который изыдет душа и останется твое тело покинутым и неподвижным... И к кому ты, сын человеческий, прибегнешь тогда, кого умолишь о помощи, кто будет тебе защитой?»

Если человек проникнется сознанием всего этого, если картина последнего дня постоянно будет перед его глазами, то раскаяние его будет совершенное и его проступки не повторятся. Автор книги, однако, этим не довольствуется и дает подробнейшую «программу» покаяния. «Если человек в чем-нибудь провинился, пусть сейчас же честно исповедует – это охранил его. Когда же наступит время еды и он, проверив свои поступки, греха больше не найдет, пусть возблагодарит Создателя за то, что Он его спас от врагов и снизошел к его покаянию. Точно так же следует поступать и от полудня до ужина (перед едой – исповедоваться) и от ужина до отхода ко сну». Чтобы быть в состоянии исповедоваться во всех грехах, следует записывать все свои проступки.

«Совершенное покаяние, – учит р. Авроом, – состоит в исправлении самого греха. Так, если человек согрешил злословием и ложью, пусть уста его говорят правду; если он согрешил дурными мыслями, пусть погрузится в размышления о Торе; если он согрешил высокомерием, пусть делается покорным и

смирненным; если он возжелал пышную одежду, пусть наденет мешок и голову посыплет пеплом. Посыпать пеплом человек должен все члены своего тела, с помощью которых согрешил. Одного отрешения от греха недостаточно; следует еще совершать дела, противоположные тем, в которых провинился». Также следует «постоянно проверять свои поступки и по отношению к Б-гу, и по отношению к человеку, следует всегда помнить свои прегрешения и печалиться, скорбеть о них. Тем не менее, не надо падать духом и опасаться бедствий, а глубоко уповать на Благословенного, Владыку владык, Царя Всепрощающего».

Р. Авроом предлагает пять правил для покаяния. «1. Совершенно отрешиться от дурного пути – не из боязни и стыда перед людьми, а исключительно из-за стыда пред Создателем. 2. Исповедоваться во всех проступках и молить Святого о прощении и отпущении грехов. 3. Раскаиваться в грехах, горевать и стенать, сокрушаться сердцем и проливать потоки слез. 4. Принять твердое решение не повторять совершенного проступка в течение всей жизни. 5. Ужасаться своим грехам, смущаться пред Б-гом, поднять взор свой к Нему, помня мерзость своих дел и гнусность помыслов, и чувствовать себя низким и ничтожным».

Таким образом, человек должен проводить дни в покаянии и сокрушаться о всех своих грехах, сознательных или бессознательных. Есть моменты, особенно благоприятные для покаяния: «К вечеру, при наступлении сумерек, пусть окунется в воду с целью покаяния. Сейчас же после омовения пусть вернется домой и уединится даже от домашних, и падет на колени, стирая руки к небу, и исповедуется... и повернет лицо к стене, и опустит глаза, и устремится сердцем к Небу, и не озирается. И после этой исповеди пусть в одиночестве бичует себя и проводит всю ночь в плаче и в сетованиях». Покаявшись таким образом, человек становится опять святым и чистым и сливается с Б-гом воедино. «Ибо, как имеются болезни и недомогание у тела, так имеются они и у души. Болезни души – ее грехи и дурные помыслы; и когда грешник оставляет дурной путь, Б-г исцеляет болезнь греховной души».

Духовный облик р. Авроома Горовица выступает перед нами особенно ярко в его упомянутом завещании детям. Это завещание содержит в себе наставления двоякого рода: об отношении человека к Б-гу и об отношениях людей между собой. И те и другие наставления демонстрируют чистоту и благородство души автора.

Отношение человека к Бгу. «Старайтесь установить время для изучения Торы два раза в день, утром и вечером». При этом изучение закона «должно иметь целью исполнение его». И далее: «Когда вы молитесь, удаляйте из сердца вашего все мысли, отвлекающие от молитвы, дабы вы могли обратить сердце к Небу»; «Вы должны вникнуть не только в смысл молитвы, но и в смысл каждого священного слова, исходящего из уст ваших»; «Пребывайте все дни ваши в покаянии и исповедуйтесь каждую ночь перед сном»; «Будьте святы. Освящайтесь в дозволенном вам, не ешьте и не пейте больше, чем это требуется для поддержания жизни, и не уподобляйтесь жадному животному, ибо что человеку в обильной еде и обильном питье? Нет лучшего для человека, как есть столько, чтобы не ощущать голода, а не для того, чтобы насытиться»... Исключения составляют суббота и праздники. В эти дни следует наслаждаться «едой и питьем, вкусными яствами, получать всяческие удовольствия и надевать в честь их красивое платье». «Даже нищий в Израиле должен стесняться себя в будни, дабы иметь возможность чтить субботу». Субботний день следует встречать «приветливо и радостно и с веселым сердцем». Этот день посвящен Господу: «Не заботьтесь в этот день ни о чем, освободитесь от всяких деловых размышлений и почувствуйте себя вельможными и вольными людьми. Служите Б-гу из любви, а не в ожидании вознаграждения. Возлагайте надежды на Б-га и упуйте на Него: не ропщите на бедствия, если они, упаси Б-же, постигнут вас – физические или материальные, а несите их с радостью и с легким сердцем и примиритесь с приговором, произнесенным над вами».

Отношения людей между собою. О значении благотворительности и сердечной отзывчивости к чужой нужде уже говорилось выше. Р. Авроом рекомендует отдавать на благотворение десятую часть своего дохода. Самоограничение в пользу ближнего – вот основа общежития. «Не вызывайте ничьей ненависти и сами никого не презирайте»; «Усердно добывайте себе друзей и товарищей, людей добродетельных и б-гобоязненных»; «Принимайте всякого дружелюбно и приветливо. Старайтесь радовать других хорошими вестями». Р. Авроом неутомим в стремлении научить людей правильно вести себя друг с другом: «Не будьте необузданны в гневе, дабы не вырвалось слово необдуманное, а будьте все дни ваши спокойны и сдержанны. Не раздражайте инородца, ибо он злопамятен и гнев его постоянен. Ни с кем не ссорьтесь. Если вас оскорбит ничтожный человек, не оскверняйте вашего достоинства и не вступайте в спор с ним, ибо он может осквернить вас вдвое. И если вас оскорбит почтенный человек, то из чувства уважения перенесите обиду и воздерживайтесь от возражения... Если вы поссоритесь с кем-нибудь, то не ложитесь спать, не помирившись; пойдите к нему и улажайте его, пока не помиритесь... Если даже он провинился перед вами, просите вы у него примирения... Перед сном прощайте всех провинившихся перед вами».

А вот этика слова. «Учитесь говорить всегда правду и взвешивайте слова ваши на весах справедливости... Не будете высокомерны в своей речи; говорите мягко и тихим голосом... Говорите сдержанно – как в делах житейских, так и в делах духовных... Не ведите будничных бесед и пустых разговоров, если даже они никому не вредят, а тем более, если они приносят вред, как например, сплетни, злословие и клевета По моему мнению, нет более дурной склонности, чем склонность говорить лишнее». И тут же: «Не гоняйтесь за славой и за кажущимся почетом. Проникайтесь смирением, ибо оно – лучшее и высшее из качеств, выше даже самой мудрости... Подчиняйтесь предводителям поколения, ибо они поставлены волею Б-га».

Относительно торговых и денежных дел завещатель дает многочисленные советы. «Не приступайте к делам своим торопливо и необдуманно, не взвесив предварительно их цели»; «Не гоняйтесь за деньгами и не изощряйтесь в средствах добывания их, а довольствуйтесь тем, чем наделил вас Б-г»; «Ведите дела свои честно, подведите каждому делу своему раз в месяц итог и согласно ему увеличьте или уменьшите свои расходы – и тогда вы сумеете держаться»; «Если вы заняли деньги, то строго соблюдайте срок платежа и возвращайте свой долг охотно»; «Не употребляйте пищи, прежде чем не уплатите за нее»; «Если кто-нибудь вам должен деньги, будь то еврей или нееврей, не притесняйте и не торопите его; не унижайте его и говорите с ним мягко»; «Придерживайтесь постановлений о барыше по отношению к евреям и будьте строги к себе даже в тех случаях, в которых допускается смягчение закона».

В отношениях семейных р. Авроом завещает своим детям следующее. «Почитайте своих жен и не держите в страхе своих домочадцев. Когда вы жените сыновей или выдаете замуж дочерей, не прельщайтесь ни деньгами, ни красотой, а обращайтесь только на суть человеческую. Не руководствуйтесь правилом, что “краса детей – их родители”, и не обращайтесь на родовитость, пока не убедитесь в ценности самой сути людей, ибо нет другого достоинства, кроме личного». Он кончает свое завещание словами: «Любите друг друга, и пусть мир будет посредником между вами».

Эти высоконравственные заветы не пропали втуне. Сыновья р. Авроома р. Яков и р. Иешая с воодушевлением развили учение своего отца.

II. Dāāē Bēīā Ūāādhoēīfēē.

Где и когда родился р. Яков, мы не знаем. Он был учеником знаменитого р. Лейба из Праги (Маарал), о котором отзывался с благоговением, как о «гаоне, вожде своего поколения, учителя и наставнике». Тестем его был ученый р. Менахем-Мониш Хаес, раввин-судья в Вильне. Местожительством р. Яков выбрал себе город Щебрешин, по названию которого он и получил фамилию. Когда его младший брат, р. Иешая, в 1510 году приехал к отцу во Львов, р. Яков уже жил в Щебрешине, Он не был там ни раввином, ни главой ешивы, так как в то время оба эти поста занимал рабби Йосеф, сын кабалиста р. Матиаса Делакрута. Но Яков частным образом распространял и толковал текст Торы и тем приобрел известность.

Метод его обучения сильно отличался от метода, обычного тогда в ешивах, где библейская наука была совершенно вытеснена талмудической. Р. Яков протестует против тех, «которые пренебрегают учением Библии и не занимаются ею, не воспитывают своих детей и учеников с раннего детства в духе Библии, так что те и в зрелые годы сторонятся ее». «Мы видим, – писал он, – что некоторые ученые (талмудисты) имеют недостаточные познания в Библии. Не стыдно ли нам, что мы не знаем того, что знали школьники в прежние, лучшие для Торы дни! Нет сомнения, что всякий, кто желает стать ученым, прежде всего должен постичь Библию. Она первый и главный предмет изучения. Как мы оправдаемся перед Благословенным в том, что игнорируем слова, бесспорно исшедшие прямо из уст Его? ...Изучение Библии облакает человека мудростью и наполняет его страхом и смирением перед Благословенным, вызывает в душе его трепет перед наказанием, побуждает его к полному раскаянию в проступках и заставляет избегать грехов и искать добродетели. Оно научает человека видеть и постигать величие Б-га, Его силу и всемогущество, Его чудесные и великие дела в небесах и на земле». Р. Яков поэтому утверждает, что «никакая наука в мире не должна вытеснить изучения Библии» и что необходимо «основательное знание Пятикнижия, Пророков и Писаний от начала до конца». Он порицает людей, которые вместо Библии «занимаются несущественной казуистикой и остаются по ту сторону храма Владыки». И спрашивает: «Не лучше ли войти внутрь храма и изучать слова Его, составляющие суть и корень святости?».

В 1597 году р. Яков вместе с братом р. Иешаей издал в Кракове книгу своего отца «Эмек а-брохо). В 1616 году он написал в Щебрешине комментарии к другой книге р. Авроома, «Еш нохалин», и напечатал ее в Праге в том же году с коллективным отзывом. Под отзывом подписались знаменитые раввины Шлоймо-Эфраим Ленциц, Иеошуа Фальк, Мааршо (р. Шмуэл Эдлес), Йоэл Сиркес и др. Текст р.

Якова, как и сама книга отца, написан в форме завещания детям. Он предписывает им читать книгу перед Рош а-Шона и в течение «десяти дней покаяния». «Ибо все наши слова, – говорит р. Яков, – продиктованы б-гобоязненностью. Цель их – исполнение заветов, а также искреннее покаяние. Они побуждают человека, вникшего в их смысл, трепетно лхнуть к слову Б-жьему». Этими соображениями впоследствии воспользовался брат Якова р. Ишая.

Литературное наследие р. Якова невелико, тем не менее, в нем с большой силой проявились его религиозность и глубокая нравственность. В противоположность отцу, который сторонился всякого мистицизма и под влиянием своего учителя Исерлиса склонялся скорее к философии, р. Яков пошел по стопам р. Лейба Пражского. Он принадлежит к поклонникам кабалы и отрицательно относится к философии. Дух мистицизма пронизывает и одухотворяет все его примечания к книге отца. В то время как слова р. Авроома исполнены здравого смысла и логики, несколько даже суховатой, что связано с философическим направлением его ума, написанное р. Яковом, напротив, дышит религиозным экстазом и воздействует на чувства читающих. Это прямой результат увлечения р. Якова кабалой.

***«I u aeaei, - iemē ā Bēlā Ūāāāōēīīēē, - ÷ōī īāēīōīōūā ō:āīūā (ōāēī āēēñōū)
ēī āpō īāāīñōāōī:īūā īīgrāīēy ā Aeāēēē. Īā nōūāīī ēē īāī, ÷ōī ī ū īā grāāī ōīā, ÷ōī grāēē
ōēīēūēēē ā īōāēīēā ēō:ōēā āēy Ōīōū āī ē!..»***

Подобно всем кабалистам, р. Яков ставит человека очень высоко. «Как тело наше является жилищем для невидимой души, которая при его помощи обнаруживает свою живую силу, так и деяния, и слова человека, даже самого ничтожного, суть вместилище невидимых идей; и любым своим поступком или волеизъявлением человек волнует высшие миры». «Человек со всеми своими делами, побуждениями и мыслями есть лестница, стоящая на земле и верхушкой касающаяся неба», утверждает р. Яков. Поэтому на человеке лежит большая ответственность. Он может возноситься высоко, но может и низко падать. Человек должен сознавать: «Всякая заповедь, даже самая незначительная, хотя бы взятая у талмудистов, корнями сопряжена с высшей святой “Колесницей”». Следует тщательно исполнять законы, дабы не портить гармонию миров. Следует служить Бгу просто, не мудрствуя и не рассуждая о свершениях Его. «Мы не в состоянии, – объясняет р. Яков, – вникнуть в смысл Его предначертаний; мы должны знать и непоколебимо верить, что праведен Г-сподь во всех своих путях». Молитву следует совершать исключительно во имя Б-га, а не для своей выгоды. Даже молитву об избавлении, о пришествии Мессии следует читать исключительно во имя Его. «Несмотря на то что мы в этом долгом, тяжелом изгнании подчинены чужим народам и нет дня, который не превосходил бы предыдущий своими бедствиями, мы все-таки, молясь об освобождении, имеем в виду не себя и свое достоинство, а честь небесного Отца нашего. Б-г, если позволено так выразиться, находится вместе со своим народом в изгнании и тоже нуждается в избавлении, так как только тогда исчезнут все следы нечисти и скверны и сгинут идолы, и возвеличится Имя Его. И будет в тот день Б-г един и Имя Его едино; ныне же – как сказано: “С тобою Я в бедствии”». Р. Яков, подобно отцу, соединяет религию и мораль в нераздельное понятие служения Б-гу. «Человек должен дважды в день проникаться заветом: люби Г-спода Б-га твоего всем сердцем, всей душою и всем достоянием твоим»... Раввин Яков комментирует этот стих так: «Всем сердцем твоим» – значит, твоими побуждениями, пристекающими и из разумного начала, и из материального (вышеупомянутое одухотворение материи). «Всей душою твоею» – значит, ты должен быть готов отдать душу во имя всемогущего Создателя, Святого и вовеки веков Единого. И во имя святой Торы Его, заветы которой правдивы. Во имя даже самого незначительного из постановлений мудрецов (талмудистов). «И всем достоянием твоим»... Речь о том, что тебе надлежит пожертвовать своими деньгами ради освящения Имени Б-жьего, ради Торы Его; не прельщаться ни серебром, ни золотом и не отступать ни на шаг от слова Б-жьего.

Но не только в изучении Торы и ее заветов, не только в единении человека с Б-гом посредством исполнения этих заветов усматривает р. Яков идеальную жизнь. Всю вселенную, все бытие человеческое он созерцает под определенным углом; он видит духовные нити, связующие физическое бытие с идеальным. Во всем материальном находит идеальное. «Любая вещь и любое дело в этом мире суть символы соответственных явлений в высшем мире»... «Все вещи в этом мире суть отражение и воплощение духовных сущностей и представляют собою нечто такое, что как бы изготовлено Б-гом для идеального».

ВИШНЮ ЖАЛКО!

Àèàèñáí àð Ðàííííòò

Èpáíáí Áí äðáááí à

Áíèè àí áíèè ááááí èè áíòíí: òí-í èáááí

èí òáááí íá, ááèá çàí á: àò áèíí íá

òàè yòí òí èíèí íàò àèóí ááí è íáá

À.Í. ×ááíá «Àèóí ááí è íáá»

На курсах иврита мой сосед по столу – склонный к полноте мужчина лет пятидесяти. Все зовут его Яша. Пока наша Михаль опрашивает других, он, подняв на лоб очки, смотрит на обложку учебника с тремя пальмами в пустыне и думает о чем-то своем. Такая у него привычка. Вчера, когда Михаль объявила перерыв, Яша вздохнул и, ни к кому не обращаясь, задумчиво произнес: «Да, вишню жалко...»

– Простите?..

– Я говорю: вишню жалко. Вишня там не растет. Вот что огорчает. Все растет, кроме вишни. А я люблю, – настаивал он с непонятной запальчивостью, – люблю класть в чай вишневое варенье. У всех, знаете ли, свои слабости. У меня вот такая. В конце концов, могу я себе позволить хоть что-нибудь или нет? А всего остального – нет, не жалко...

– А помните, – спросил я, – как пел Марк Наумович Бернес:

Ñ: ááí íá-èí ááòíí Ðíàèí á?

Ñ èáðò èí èè á òáíáí áóèááðá

Ñ òí òí òèò è ááðí ùò òí ááðè ùáé,

×òí æèèè á íííáí áí ááí òá..

А вы говорите «не жалко»...

Зря я это сказал. Яша вернул очки на переносицу, слегка наклонил голову и выразительно посмотрел на меня поверх окуляров. Мол, стоит ли вести осмысленный диалог? Взгляд длился долго.

– У меня теперь другой букварь, – он постучал по обложке. – А что касается хороших товарищей, то вся эта мешпоха... – и махнул рукой в сторону окна. Я проследил за движением его руки. Ничего особенного на улице не происходило: вереницей тянулись автомобили, спешили по своим делам замороженные пешеходы, молоденький милиционер беседовал со старушкой, торгующей носками без кассового аппарата, стайка подростков с рюкзачками тусовалась у подземного перехода, неопределенного возраста бомж рылся в мусорном баке. Все было как всегда.

– Вся эта мешпоха... – еще раз начал Яша, но так и не смог закончить фразу. – Вот вам пример. У нас в лаборатории женщины выращивают комнатные растения. Это как ветрянка: одна заразилась, прочие подхватили. Заставили все подоконники своими торфоперегнойными горшочками. С некоторых пор их герани и кактусы начали засыхать. Естественно, общая паника. Что делать? Я им говорю: нужно прочистить вытяжной шкаф и поставить более мощный вентилятор. Но они как люди образованные решили, что в лаборатории плохая энергетика. Поэтому необходимо освятить помещение. Сказано – сделано; пришел священник и взялся окуливать ладаном. А я в это время работаю по своей программе: чищу вытяжной шкаф и меняю вентилятор. И мне кажется, что батюшка с неудовольствием относится к моему занятию. Все время подозрительно косится в мою сторону. Как бы то ни было, мы действовали с ним параллельно и

однаправленно, каждый в рамках своей компетенции... Покончив с ладаном, он спросил, как нас зовут, и прочел молитву во здравие Татьяны, Натальи, Ольги, Людмилы, Анжелики и нехристя Якова. Спрашивается вопрос: зачем мне все это нужно? Вы можете объяснить?

– Нет, – честно признался я, – объяснить, зачем вам это нужно, не могу.

– И что интересно, – сказал Яша, – цветы перестали чахнуть, растут теперь как ни в чем не бывало. Или другой случай. Полгода назад мы отвели младшую дочь в детский сад. А там воспитательница – пожилая женщина из деревни – внушает детям такое, знаете ли, народное православие. В один прекрасный день Диночка возвращается домой и говорит, что на правом плече у нее сидит ангел-хранитель, а на левом – дьявол. Причем, ангел-хранитель толкает ее в правое плечо на хорошие дела, а дьявол, соответственно, в левое – на плохие. Вы представляете себе эту картину? А ведь мы с женой не рассчитывали на такой, с позволения сказать, поворот событий. Мы надеялись, что девочка будет под присмотром, пока родители на работе. А теперь на одном плече ангел, на другом – дьявол. Ничего себе присмотр! И ведь это только цветочки в торфоперегнойном горшочке... Вот так всегда: отдаешь им нормального ребенка, а обратно получаешь...

Яша задумался. Я его не прерывал.

– Ну что вам сказать? – продолжил он после паузы. – В конце концов я решил: нужно чем-то пожертвовать. Как в шахматах – жертва в обмен на преимущество позиции. Вы играете в шахматы?.. И я сказал себе: ладно, я перебыюсь. Я обойдусь там без вишневого варенья точно так же, как я обхожусь здесь без всего остального. Кроме варенья. Я же говорю: это как в шахматах. Напрасно вы не играете в шахматы.

Он поправил очки, потер лысину на макушке и углубился в букварь, давая понять, что разговор окончен. Потом неожиданно поднял на меня глаза и сказал:

– Марк Наумыч со своим душевным голосом абсолютно прав. Есть то, что в любых испытаниях у нас никому не отнять. Тут я с ним солидарен.

Нет, подумал я, глядя на Яшу, склоненного над букварем, не зря все-таки Моисей назвал свой народ жестоковыйным. «Кше орэф», – сказал Моисей. Тяжелый затылок. Затылок у Яши был мясистый, цвета начинающей созревать вишни, в глубоких горизонтальных складках. Загривок, а не затылок. Кше орэф.

– И ничего в прошедшем мне не жаль, – утверждал сей мощный загривок, обращенный к своему прошлому. – Хотя нет, это уже из другой песни. Ее Марк Наумович, кажется, не исполнял.

Все то, что для других людей дорого и свято, все, с чем расстаются они, испытывая сожаление, внутренние колебания и, до последней минуты, неуверенность в собственном поступке, Яша отбрасывал легко, как мусор, не подлежащий утилизации, как мешающий движению балласт. И где у других переживания, там у него всего лишь шахматы, жертва в обмен на преимущество.

Является ли такой человек потерей для общества, которое покидает? Вот вопрос. Судя по всему, мой собеседник – тот еще подарок. И те, к кому он придет, скоро в этом убедятся. Какие же жизненные обстоятельства, спросил я себя, сформировали столь выдающийся характер?

Расставание с домом, в котором столько лет прожито, с родным городом, с друзьями и коллегами по работе, со старой отцовской буденовкой, что где-то в шкафу, «с тонкой березкой, что во поле под ветром склоняясь...», расставание со всем, что было частью и плотью его жизни, не вызывало у Яши ни малейшего сентимента. Ни о чем из вышперечисленного этот жестоковыйный и жестокосердный человек не сожалел. Ни о чем, кроме одного.

Жалко ему было исключительно вишню.

Как вас теперь называть?

Αδία Έαεί

Когда Бродский прилетел за Нобелевской премией, журналисты обступили его:

– Вот вы американский гражданин, живете в Америке... и одновременно – русский поэт, премию получаете за русские стихи... Кто же вы? Американец, русский?

– Еврей, – сказал Бродский.

Διάεὸυῖ ἀὐτὸν ἑὰὸ ἱαῖαῖ

ἐπὶ οἴουιᾶε ἱτᾶιδὸ ἱαδὲί ὑ

ᾶῖαῖαὸ ὑ ἁ ἱεῖ ἱ ἐ ἁεῖαὸ ὑ πᾶῖ

εἰαῖαὸ ὑ ἁῖαῖαῖε ἑαὸαδὲί ὑ;

πὸ ὑ ἁεὸ ὑῖ ἱ ἀὸαδὲ, ἐεῖαὸ ὑ

ἱὸ ἱ ἁῖαῖαῖ ἱ ἱᾶ ἑἱ ἱαὸα,

ὸαῖαῖεὸ π ἰδὸεῖαῖαῖ ὀ ἱεῖαὸ ὑ

ἱ ἱ αῖαὸ ὑ ἱ ἱαῖαῖεῖαῖ ἁὸ ὀ ἱ;

ᾶῖαὸ ὑαὸ ὑ, ἱ ἁεὸ ὑ ἁεῖ πᾶ ἱ ἁῖ ἱαῖε,

ἱ ἱ ἱεῖαῖεὸ ἁαδὸ ἱ ἱ ὑ, ἐ ἱ δὲ ἱ αδῖ

ἁῖ αῖαὸ ὑῖ ἱ αῖαῖε ἱ ἐδῖαῖε

ἐ ἱ ἁὸ ὑ ἁ ἁῖεὸεὲ - ῖ ἁῖαῖ

ὀαῖ, ἱ ὀαῖ: ἁῖ ὀαῖ, - ἁ ἱαὸ,

ὸαῖ ἱ αῖ πᾶ ἱ αῖαῖαῖαὸ ὑ ἁ ἁαῖ: ἐε

ἐ ἱ αῖαῖαὸ ὑῖ ἁ ἱ ἱαῖε ἱαῖαὸ,

αῖ πᾶ ἁ ἁὸεῖαῖ ὀεὸ ἱὸ ἐαῖ: ἐε.

ἱὸεὲ, ἱ αῖ εῖαῖ ἱ ὑα

ἱ ἁ ὀεὲ ὀα ἑῖαῖεῖ ἱ ἁ ἁῖαῖαῖ

ἁαδὲεῖ ἱ ἐαδὸ αῖα ἁεῖ πᾶ

По свидетельству современников, Бродский был еврей, считавший, что живет в дохристианскую эпоху. С Г-сподом Б-гом были у него свои интимные, сложные отношения, как оно принято в нашем веке среди интеллигентных людей. Раздраженно говорил об одном общем приятеле, поучавшем:

– Иосиф, вы уже не мальчик, пора подумать о душе... надо креститься.

– Но он не крестился?

– Нет. Креститься для него было бы некоторым насилием над природой.

Пастернак хотел быть Садко, иметь белокурые волосы, голубые глаза... Быть русским героем. В этом отношении Бродский – абсолютно нормален.

– Когда я, – вспоминал сэр Исая Берлин, – беседовал с ним, было ясно – мы одной породы.. Никаких помех – я не был англичанином, он не был специфически русским. Просто разговаривали два еврея.

Ī ài ĩðèàèüí àý àîñèà

В 1990 году на доме Иосифа Бродского вырезали ножом:

СĂĂŃŮ ÆÈÈ ÂĂËËËËË ĐÓŃŃÊÈË Ĩ Ĩ ÝÒ

Последнее замазано... Внизу нацарапано:

ЖИД

- È àìá àèè àèýp òñý, - ñèàçàè Áðñ àñèèè, - ÷òĭ ý ĩ á ààó..

À ò ài àdñ ĩ ñ ài ñý!

Ăàòè è àðññèà - àñ ài àñóá!

ÒÐÈĪ ÀĂŌÀŌŮ Ī × ÈĪĂ, ÈÈÈ ÑÒÈŌÈ Ī ÒĪ Ī, ÈŌĪ ĪÒÈÐŮË ÀĪ ĂÐÈËÓ

ÈĪñè ó Áðñ àñèèè

- Ōàèñ èð ĩ ò èðñèè Ài àðèéá

Ăàá ĩ. Ĩ ðè Ă. Ð. Ōàçàðá

Ī ĩ ñà ĩ ðè: àèè è ááðññ

Ī ĩ ò ĩ - àñ çàðàçàèè.

- Ăñ ÷òĭ? Ōàèñ èð - Ài àðèéó?

Ī ĩ ò ĩ àð à ĩ ĩ ò èðñèè ò èý.

Ī ðè ĩ àèèàèè ò ÈĪ ĩ àð ĩ èéó

÷ àñ ò ý ò ĩ ñ ĩ ò èðñèè ò èý.

- Ăà ĩ áò, ĩ áðó ÈĪ ĩ àð ĩ èéá,

òðá ĩ òáçñèĪñ ĩ ĩ ý ò á,

ĩ ðè ĩ àèèàèè ò òðáññèý

«Đĩ ĩ à ĩ è Ăàèèññè ò á».

- *Áò íàò, àí ì òí òí ì ì ò è è è !*

Áà ÷ ò í à ù á ì ì ì ì à à à ?

Àì à ò è à, ì ò è ò à è è,

ì ò è ò ù ò à ò ò ò è ÷ à è è !

- *Í ó í à ò, à ì à ì í à í ò à è è.*

È à è ì à à à à à ò ò à à è ò à :

Í á ò ò ò è ÷ à è è - Í ù ò ò í ì ì

Àì à ò è à .. - Í ì ò ò è ò à

í á Í ù ò ò í ì ì, à .. - Í à è í í è è

í à ò à è à ò ù í á è ì á í è ?

Á à à à ù í á í à ò è è è è

à ì í à è à è ò ù ò ò è ì è ò í á !

- *B ÷ ó à ò à ò ò à à è ì á í è*

ì à ò ì à à ì ì ì í à à à è à í ù ì .

- *Á ù ÷ ò í ? È à è à ò è ì è ò í á ?*

Í í á ò è ò ù ò à Á à ò è í ì ì !

- *Í á Á à ò è í ì ì, à Á à è ò í ì ì !*

- *Í è à è à ì ì è ò è ò è à è à í ù ì ?*

- *Á à í à ò, è ç à ò ò ò ù ì à à ò è í ì ì .*

- *Í á Á à è ò í ì ì, à Ò è è à ò ò ì !*

- *Ó à à ò ò à ù ù, à ò ò ò ò à à è ò í ò è,*

à ì ò è à à ù ù í à ì ì í à à í ì ì

Àì à ò è à í à à è í à ò ò

í à í à ì à Á à ò ò í à à í ì ì !

- *Á à ò ò í à à ò ò è ì à ò ò í á*

ì ò è à í è à í à è à

è ç à ò ò í í, í í Àì à ò è à

ì ò è ò ù ò à È à à í à è ò ò .

- Í àò, ÷òí-òí òòò íá àÿæàòíÿ.

Í íá íò èðíò à.. - Áðáò á!

- Áóí íáí àðò íí, èææ àòíÿ.

- Áíò-áíò, Áóí íáí ò ò è!

- Í ò íáò, Áá Áá è ÷ áíò áí

Èáðè Í ÿò úé... - Çà è è æ ááí è á!

- ...á ÿí íóò ÿæ è ò ð ÷ áíò áá!

- ...áá, áí í è ááí áí è ÿ...

- Øá è ñ è ð í áí áá è í í áí áí í á..

- Øá è ñ è ð? Í í è ç È ò à è è...
Í ó è ò í í ó í í á í í á

è, ò á è í è á

ç à ò ù ò á è áá è áá

Áíò ò á è í á í í áí è í í í è á

áá í í áá è è ø è í è ù í è è.

B áá è ð è í ð è ò áí ð è.

Í ð í ó áá í ó áá è ò á è ù í í

í è ç à ò ú è í, è ò í áá è ñ ò á è ò á è ù í í

Áí áð è ó í ò è ð í è!

Í ÷ è í áá áí ç à í ð áá è ù í í ñ ò ú!

Ñ è æ è ò á ÷ áí í ð í ñ áá è è è ñ í

áá í ò á ÷ í è è í á í á

ç áá í á ú è è ó í í ÿ í ó ò ú.

Í ú í áí è - Í ÷ áí ú ç à í ÿ ò ú,

á è ñ ò è í á - Í ó æ í á

Í áá áí í ÿ, ÷ ò í í ñ ð áá è ò áá í

Í ó ò ú ÿ ò í - Í áá è í.

Ò ð è í áá ò á ò ú è è, è í ò í ð í á

ἰδιῶνά ἐστιν ἡ ἐπιτομή.

Ἐὰν ἴδῃς ἰδιῶνα - ἴσῃς.

*Ἄνθρωπε ἐπιτομή! Ὁμοίωσάν σου ἴδῃς ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν! Ἐπιτομή ἐστὶν ἡ ἐπιτομή, ἰδιῶνα
ἔστιν ἡ ἐπιτομή ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν:*

Ἐπιτομή ἐστὶν ἡ ἐπιτομή

ἄνθρωπε ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν

ἐπιτομή ἐστὶν ἡ ἐπιτομή.

A также:

... ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν

Ἄνθρωπε ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν?

*Ἄνθρωπε ἐπιτομή σου ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν ἡ ἐπιτομή ἐστὶν ἡ ἐπιτομή, ἐπιτομή ἐστὶν ἡ ἐπιτομή, ἡ
ἐπιτομή ἐστὶν ἡ ἐπιτομή ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν (ἐπιτομή «Ἄνθρωπε ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν»), ἡ ἐπιτομή ἐστὶν ἡ ἐπιτομή
ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν, ἐπιτομή ἐστὶν ἡ ἐπιτομή ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν.*

Ἄνθρωπε ἐπιτομή, ἐπιτομή ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν! Ἄνθρωπε!

Ἄνθρωπε ἐπιτομή ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν:

... ἐπιτομή ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν

«ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν - Ἄνθρωπε ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν!

Ἄνθρωπε ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν ἐπὶ τὴν ἐπιτομήν.»

ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА

Εξομολογήσεις

У Гуревича было три истории, одну из которых оформил он как рассказ.

Я расположу их хронологически, сообщив предварительно, что полукровка Гуревич был невелик ростом, с голубыми глазами, светлый блондин. Про такого не скажут – седой. А говорят – беленький.

Лицо молодое, румяное, нежное... Как попал в плен – о том речи не было. Поскольку служил связистом, тянул куда-нибудь провода. А год был сорок первый. Тогда только под Киевом... Что там Гуревич с пятью солдатами!

И вот их выстроили на полянке – всех, кого взяли, – и говорят:

– Офицеры, выйдите!

Несколько человек вышли.

– Офицеры, выйдите! – сказали опять. – Вам создадут лучшие условия, поместят в офицерские лагеря. Будете освобождены от работы согласно международной конвенции.

Снова вышли несколько человек.

– Офицеры, выйдите! – сказали по третьему. – Кто не выйдет и будет обнаружен среди солдат – расстреляем.

И еще некоторые вышли.

Наверно, я что-то путаю, и это был не сорок первый, а сорок второй год, когда немцы выбились к Волге и в калмыцких степях (не в зоопарке) повстречали верблюда. И кто-то снялся меж двух горбов, и фотография пошла назад, через пол-Европы. И где-нибудь в Ахене ахали, а в Берлине приколотили на стенку.

Три года спустя там опять увидели верблюда. Он шел по Тиргартену – гужевой транспорт какой-то дивизии – и тащил меж горбов боевое снаряжение: скорострельные пушки и минометы...

А в сорок втором призвали запасных, прошедших мировую войну и гражданскую. А кто – и японскую. Они управлялись в хозяйственных командах (трофейных, похоронных), и связь тоже во многом держалась на них.

Гуревичу было двадцать лет. Он командовал стариками. Offiziere, heraus! – кричали немцы. И если выйти на это gaus – останешься один. А так – со своими служивыми... И Гуревич не вышел.

Через некоторое время их привезли в Каунас.

Тут, собственно, начинается вторая история и, следовательно, рассказ – тот самый, что был написан Гуревичем.

В Каунасе пленные работали на мельнице, сильно голодовали, и кто-то придумал утаскивать в лагерь порожние мешки – вытряхивать и собирать крохи... Там действовал, должно быть, какой-нибудь старый солдат вроде Федя Гурина, с которым когда-то лежал я в госпитале.

Федя был туляк, школьный завхоз из-под Венёва, и разговаривал, как крестьяне в старинных книжках: чайкю, табачкю. Или как аспирантка Московского университета, ныне кандидат наук Ермолаева Галина. И всем говорил – земляк. А Ермолаева Галина – коллега.

Его так и звали – земляк. А ее – гнида. По неизвестным причинам.

«Земляк» Федя, черноволосый, как Пугачев, с сухим, запавшим лицом, строил Атлантический вал. В энциклопедии сказано:

Хорошо были укреплены районы бельгийского побережья, Па-де-Кале, мыс Грине, устье реки Сены, острова Гернси и Джерси, Брест и Лорьян.

Вот это все – Гурин. Он сидел в рабочем солдатском лагере, ходил по праздникам в ближнюю деревню и удивлялся, что бабы корову не доят. Мужское, понимаешь, занятие. И в Бельгии, и в Голландии...

Если удалиться от рассказа Гуревича еще немного, то можно припомнить Знакомого Зоотехника, что живет под Москвой и жену не подпускает к корове. Но ЗЗ – Знакомый Зоотехник – француз по далекому пращуру. Пленный наполеоновский солдат взял за себя дворовую – и вышел ЗЗ.

А Федя Гурин – мордва. Разве что с примесью татарина. И французские крестьянки, не доверявшие ему корову, доверяли себя. Поили из толстых бутылей и доверяли. Их поражал его инструмент. Они употребляли некое выражение, древнее кельтское или соседнее фламандское, – некое, говорю, выражение, которое Федя передавал по-тульски словом «костяный».

– У-у, костяный! – И зазывали наперебой...

Вернемся на мельницу. Пленных возили в лагерь на грузовике. И надо было обмотаться мешком, проскочить охрану... Конечно, кто-то попался. И немцы стали искать зачинщика.

В учетном отделе работал писарь, который предупредил Гуревича, что думают на него. Не сегодня-завтра сволокут к коменданту. Писарь спросил Гуревича, не офицер ли он. Нет, ответил Гуревич. А они думают – офицер, сказал писарь. И ушел.

С чего им взбрело, что офицер, настучал ли кто или так, на взгляд догадались, – это Гуревичу все равно. Вор, доходяга, сержант. Только не офицер. И уж тем более не Гуревич. Ему хана, если не сбить их с мысли.

Потому что искали именно офицера. Я не знаток немецкой военной истории, но какой фельдмаршал вышел у них из солдат?.. А у нас даже при Николае I был барон Евдокимов – генерал из крепостных.

И вот вызывают Гуревича на допрос. А он ждал со дня на день. Нарочно в саже ходил. Ведь оно как? Чем ближе к «русской свинье», тем дальше от офицера... Ну и пришел. Смотрит: немец как немец. А кабинет как кабинет. И стол как стол. Канцелярский. И Гитлер как Гитлер. На стеночке.

И немец ему не верит. Может (взрядку), ты офицер. Ты нам без «может» докажи. Окончательно. Без кавычек.

И тут Гуревич увидел остатки завтрака. Вообще-то сразу увидел. Как вошел. Но страх пересилил голод... А тут – увидел. Бутерброд с сыром. Сало-шпиг. Кофе недопитый...

Протянул руку – и хватить!.. А немец засек. Хрясь по морде – и вон пошел. И пошел. И живой остался. Какой ты, блин, офицер, коли объедки ворует!

Дальше была комиссия – возвращаться на Родину. И надо рассказывать, как в солдатский лагерь попал. Вот та история и всплыла... И решила комиссия: уронил. Уронил Гуревич офицерскую честь. Шкуру свою спасая, уронил!

На его счастье, после мельницы в Каунасе сидел он в концлагере. И бежал оттуда двенадцать раз. Что было документально зафиксировано. И подтверждено свидетелями. А также – на теле.

Ну, учли, конечно. Дали минус Москва-Ленинград. Живи, радуйся!

А на кой бегал он из концлагеря? Куда бежать в сорок третьем году из Баварии? В Чехословакию, к партизанам? Да они через год только объявятся. В Югославию? Поди доберись. На запад? Союзники не высаживались. На восток? Через всю Германию, значит. Через Польшу. Через Белоруссию. До самого до Смоленска...

Так куда же бежал беленький нежный Гуревич? Он бежал подкормиться.

Местное население не знало замков. Ледники и кладовки, хранилища и сараи стояли открытые. Туши покачивались на крюках. Колыхалось в бидоне молоко. Скорлупа сверкала, как полированная. И если забрался, – сиди, наедайся. Не тронут.

Все дело в том, после кому попадешься. Поймают чужие конвойные, не твоего лагеря, – избьют. Но будешь живой. Если свои – смерть. Потому что за твой побег у них уже вычли из жалованья. А тем – раз поймали – набавят.

Сто марок плюс, сто марок минус... Теперь вы знаете все истории Гуревича.

ЧАСЫ

Аіò òèòèé íààèàèé :æíàáé

Íí æèçíüí ðíæèé, íá ì óáðíðáíý èóéàáí,

È íà íáà èì æè òàèíá í ðááí,

Èæé áíæáü- èäòè, èæé í ááàòü- íí áá

Служил я тогда в Германии.

Хорошо служилось! На всем готовом и 900 монет в месяц. Какой-нибудь немец 300 – 400 заколачивал – потолок. Хоть академик, хоть кто... А я лейтенант, шесть классов образования.

Жили в военном городке. У нас там клуб, столовая – все свое.

А в буфете работала девушка – немочка такая молоденькая. Вообще-то себя за русскую ставила. Дескать, в войну вывезли и малость по-нашему подзабыла. А все равно – русская. Ленка я!

Так и звали ее – Lenchen.

И вот собрался я в отпуск на родину. Захожу перед тем в буфет, а Ленка эта – ко мне:

– Саша, – говорит, – возьми меня с собой!

– Куда? – спрашиваю.

– В Россию.

– Как я тебя возьму?

– А так!

Я даже не понял. Шутит, что ли?

– Саша, – она говорит, – ты женись на мне.

Я прямо сел:

– Ты ж иностранка!

– Нет, русская.

– Да откуда?

– Саша, – она говорит, – я русская. Мне просто никто не верит. А ты офицер. Скажешь – тебе поверят.

Офицер-то я офицер и Саша-то Саша, однако же – Сендер. Ну, помахал ей ручкой, мол, до свидания, auf Wiedersehen! Странная девка, шальная... И чего, правда, в Россию рвется?

А дома я жениться хотел. Была девушка на примете. Ать-два, думаю, и женюсь!.. Приехал, а там – свадьба. Бейла моя расписалась. И я, получается, главный гость.

Поздравил, одарил молодых и закатился, что называется, в «шалман». Какие деньги при мне – спустил... А в воинском зале, перед отправкой, часы толкнул, под завязку... И вернулся я, как не ездил, – холостой.

Дождался денежного довольствия, иду часы покупать. Зашел в лавочку...

А оно как? В двух комнатах живут, в третьей – торговля. А здесь и того лучше: хозяин с хозяйкою – оба карлики. Небось, одной комнатой обходились.

Приглядел какую-то штучку блестящую, справился о цене.

– Gut, – командую, – заверните!

Выложил денежки, а карлик и не берет. Жене что-то лопочет – карлице. Та спрашивает:

– А ид?

– А вы? – отвечаю.

– Я, – карлица говорит, – да. А Фриц нет.

И пояснила насчет Гитлера. Такие-де были законы, что если Фриц на развод не согласен, ее трогать нельзя. Вот они друг за дружку и уцепились, держатся...

– Господин офицер! – карлица говорит. – Часы, которые вам понравились, – не товар. Штамповка, подделка. Американские. Посмотрите, пожалуйста, эти часы. Наши, немецкие. Не слишком красивые. Зато на всю жизнь.

– Нашей фирме, – карлик сказал, – более ста лет. Когда я был маленький, дедушка меня научил: чтоб покупатель снова к тебе пришел – нет. Чтоб внук покупателя к твоему внуку пришел – вот как!

Ну и забрал немецкие те часы – втрое дороже американских.

Прихожу в буфет – борух ашем! – водка московская. Белого сроду не завозили. Из отпуска прихватишь бутылку-другую, а больше – ни-ни: отберут на таможне.

– Ленка! – кричу. – Мечи все на стол!

Подает.

Выпили, закусили... На этикетке – глядим – «берлинское производство». Посмеялись. Я часы показал. Обмыли. После заспорили: надул меня карлик или как? Хватит на всю жизнь или не хватит?

Ленка хохочет: карлику бы хватило, а тебе, Саша, не хватит... А что, ребята говорят, давай испытаем. А как? Так, на прочность. В воду опустим. На полчаса... Да хоть бы на целый!

Идут. Цок-цок. Что копытца по мостику... А-а, в воду – что? В воде всякая дрянь живет. В пиво опустим!.. Идут. Стрекочут как миленькие. На радость тем карликам-хозяевам.

– Эй, Ленка! Давай еще берлинской твоей! В водку опустим!

Тик-так. Ни в одном глазу. Сверкают, в спирте умытые...

А был у нас капитан-начхим – Додя. Взял стакан, бутылки какие-то, – смешивает. Не устоять-де вашим часам против нашей проверки... Клади! Слышу, на дно брякнулись. Рыбкой лежат. Цифирки красные помаргивают. Миг-миг! – чешуею переливаются...

А мы пока еще заказали. Новые берлинские бутылочки в ход пошли. Ленке налили... А она пить умела. Наши-то, видела, пьют. Ну и старалась... Достаем часы. А идут, не идут... Приставил к уху – море гудит. Будто раковину морскую слушаешь.

– Ленка, идут?

– Идут.

И вдруг в голове у меня зашумело, время как побежало. Бейла вдруг появилась, на которой не женился и не женюсь никогда, и мать с отцом, в яруге зарытые... Один я на белом свете, и немецкие часы сроки мои отбивают.

– Эй, – кричу, – Ленка! Ребята, – кричу, – Додик! Кто бутылку враз одолеет, а после не свалится, тот... его...

На другой день проснулся, еле до полудня дотерпел (Ленка в двенадцать открывалась), лечу...

– Лена, – спрашиваю, – чей верх?

– Твой, – говорит, – Саша. Твой верх.

Очень я удивился. Не ожидал от себя.

– Саша, – она говорит, – возьми меня в Россию. Я русская, Саша. И все буду делать. Пускай хоть в Сибири жить... Возьми меня, Саша. Ты ж офицер!

Плачет, глупая. Подавай ей Россию, и все тут... Так и не поняла.

А меня перевели вскоре. Присватался к Марье Абрамовне, троих ребятшек имею... Младшая когда поднялась, на востоке стояли. Дал ей часы поиграть. А она молоток хватить и лупит.

– Lenchen, – говорю (ее Леной зовут), – молотком-то зачем?

– А там, папа, чертик сидит... немецкий.

Ну, краешек эмали отбила, а повредить – ничего не повредила. На тот год в школу пошла.

...Идут немецкие часы, идут!

Ēāāīōēāī ē īāāī āēūī ē,

Ōāē ī ēēī īāāī āēūī ē.

Ē īōī ī īē:āīūā īāāīā

Ē īōī ēpāīāī īāāōīīā

B āāī īā āōōō īōī āīēīō

B āāīēāēō āāī īōī āāīō

Īōī ēīōēō īāōōīōp

Ē īōī ōōīēīēō ēōīōp,

Īōī īīōāēō īāāāīīūē,

×ōī āī āāēī āī āāōō -

Ōāēīē īī āūē ēāīōāī ēāīē,

Ōāēīē īī āūē āīāāō ēāīē.

B āāī īā āōōō īōī āīēīō

B āāīēāēō āāī īōī āāīō

Āī ēāy īīēīīāīōp,

Īā āāīō ē ēēīāē āīōp,

Īā āāī ēāōūāīōīōīū

Ēāōyūōp āī īīē,

Īōī ōō ēōī āāōōīāīāāīā

Āūēā.. āīēīē.

B āāī īā āōōō īōī āīēīō..

Духовской большак

Аркадий Эдельштейн

Был человек – и нет.

Ты где погиб, отец?

Десятки лет твой след

Ищу. И наконец,

Негаданно-нечаянно

В туманах умолчания

«Буханово», «Нечаево»

Забрезжили названия.

Давно селений этих нет.

Но, словно луч звезды,

Послания донесся свет:

Здесь, посреди беды,

Встав костью в горле вражеском,

Держал рубеж завяземский

В прикрытии оставленный

Твой ополченский полк.

Здесь без вести пропавшие

Ходили врукопашную,

Пока пыталась армия

Пробиться на восток.

Куда ни глянь, пожарами

Угрюмел оком.

На фланге у Хожаево

Полег твой батальон.
Сюда, на ниву скорбную,
Ворон слеталась стая.
И первый снег, как корпия,
Алел, уже не тая.
Но трижды за два года
Тут бесновался фронт.
И в горе всенародном
Твой затерялся стон.
Как знать, не в Серезани ли,
Где Храм был над рекой,
Могила безымянная
Твой бережет покой?
А может, там, где росами
Упала кровь в поля,
Где медальонов россыпи
Еще таит земля?
Ты там, где не скорбит гранит,
Не рвется в вечность пламя.
Лишь Книга Памяти хранит
Средь тех, кто без вести убит,

И Эдельштейна Зяму

Эдельштейн Зяма Аронович , 1906 г. рождения, член ВКП(б) с 1929 г.

«...уроженец г.Мозыря, находясь на фронте, пропал без вести в сентябре м-це 1941г.» (из Извещения 3 – 6 Сталинского РВК от 12.07.1946 г.). Удалось узнать, что отец служил в 3-й роте 1284 сп (5-го полка по ополченской нумерации). По приказу командарма Лукина полк был

оставлен в прикрытии на р. Вязьма севернее 250 – 260-го км Минского шоссе для обеспечения прорыва основных сил 19 армии.

Рота входила в батальон, державший оборону в районе деревень Юфаново, Хожаево. Хочется верить, что отец участвовал в бою 11 – 12 октября 1941 года...

Год сорок третий, у Десны

Áááá Áóóíááóóóó

Β áúé πῆάάóóéé í íéíáíé,

Áááóáááá ááç í ááááá

Νάááíý - áíé, è çááò ðá - áíé,

È íáò í óóáé í áçáá

Β ííí íþ í ááéíéúéí í éí óó

Çá éðó: áé ó Áááí ú,

Éí ááá πῆó: ééíπí í ðééí ðí óóú

Í íá íéíí πῶáðóéíú.

Éí ðí ðééá áéáéí ú á πí ú...

Í í í ðáááí áéáí ú é πí:

Νéáçáé πῶáðóíé, ÷ ðí ó Áááí ú

Ááááóíý ááó áéííí,

× ðí í óáéíí óéíí ÷ ééáí ííí í: ú

Í í ááóí πῆóúéí «íáý»,

È áéáç ááí, πῆ óðí íé, éáé í í: ú

Óπῶ ááééíý á í áíý.

Í á πῶááá πῶ áéí áí ðý: í,

Í í, í íéó: éá í ðééáç

Í í áπῶ ááéé í ðááí á í éá: í,

Á í í πῆá éááí á í éá: í

Í í á ðí ð áí áçáí ááí

È àìò ý ìí èàíò áðááó

Óæá íá÷ð' í íá

Í á áàé Á-á é óðèòàì ìííááó-

Ì áí ý ìí àííò èè Á-á'

Í í ì ðííáðéí óéà áæáíí ðáéé,

È ì ðííí èéáíí ááéü

È ìí ìò ðýò á í÷: è ì áðáí ùéé,

Á áæáçò ó í èò íá÷: áéü

Β ìíðííèé áðç è áíò áð í íò,

Νò ì þ, æèáíé, á í ùéé.

Ó èíì áí áèðà ìí ì éíòò ðíò,

Áá áí èòü, áá ìí èíò

Ó ðá÷: èè ìí èááèé.

Ááðáéòí-òí ì ðíòðéí áé: «Èéáíé

Í áò ðííú í áì ì ðéí áí.. »

Í í áíò àé áí ðí áé ì í í áðáé,

Í çéí áéáí è ðáííéíí

È áí ì èò ì í ð áí á ò ò ì ì ýò

Áéááí ùý' ì í ì í÷: áì -

Òíò, èòí í áíò ááèé ááò ì ì áò,

Áúé ìáì áí á í áòáí.

Òàééáíí ìí áòòü á áá ðééá

È ìò áíé ì í í áðáí ì ìæáé,

È áíýçí ùé ì áéáò í á éóðéá

Èáé ááçáí ùé, áðíæáé.

Í í á áííáì í ááòáòü èáò áííáì,

Áúá ý è í á æèé,

È ìíí ðý÷: á ý ì áòü ááì,

È àèèæíþþ ðíáíþ áá,

È íááí íáéíæèè.

È íáíáæèè ý áðááú ðááéíí :

«Ñòðæýé íéíðáá, áá!»,

È ÷òí-òí íòíçáéíííá íáí -

Íí íòíðòíèè íáçáá

...B ííéáí óáè. È íá íòáðíá

Ííòáéíý íéááúé íéáá

×òí æ, íá áíéíá èàè íá áíéíá

Íí áðá-ú áðúéáý áí í íá

Æèèá ááíýòèè éáò.

È íá çááúéíý í íá óðíé

Ñòááè ðíáí úó ííéáé:

Ááðáéíðáí í á ðíé - í íðíé.

Áóáú íáòéúé ááíéé, áóáú í ðíðíé,

Íí ææáò òááðí:

ÁÁÐÁÉ.

Á íòíðí éáíéè éíííéüíááíú éáððéíú Í áðéà Èáóí áíá

èç òèèèá «Áíéíá».

Между небом и землей жаворонок вьется...

Áεááεí εδ ΟΓάάάδì áí

Ρ αείιδάιέγ' δάιείά,

Άύι έε όδáiάό αάδέέε...

Έσπó, ίΓόίαεέ ίά δάάείά,

Çááδái áε ό άάέέε.

Αάάίδìíέ έέίπéñóύέ -

ΈάίόΓδ άΑ-αέύúí ί έδái-

Έύúó ί Γέέόάó-έπóΓ-έπóΓ

Í áá πóáiíΓβ σέδúβ,

Í á πέέδáiú έ ίά άίδúái

Í á πáúú πάέάίύγ...

Í έδ - άίέúσάγ πéίάπái,

Νάíόέάγ ί Γέάέúύγ.

Αάδ ίάέέό, ά ίάά έóδáiíΓí

Í άδáiάί άέόάάό.

Έóááγí, όδéπóέάίάí -

Í άπóά άπúí όάάόάάό.

Όό-έά δάίέάγ πéέπóό-

Άίάάí ίά ίδáiíΓά:

Αάάίδìíέ έέίπéñóύέ

Νάέúάό άάέά-άίίí,

Έύúó ίάάó-έά ί Γέάίύγ

Í áá πóáiíΓβ σέδúβ,

×όΓάú άπúí άάέέπéβ-άίύγ

Αέόúάδáiπάδáií ί άί έδái

Èèàí à Àðòè

Òó àé-òáàò - 15 òáàòà Ííàíé ãä

- Èàéíé òàéíé Ííàíé ãä?

- Àáàááá! Íí èèàí àá ííé ñàí è ìííòííééé ó Òáíðòà, ÷òíáú èò Ííàíé ãä áúé èì áííí 15 òáàòà (á íúíáóíáì ãäò - 7 óáàòàéý). Áàéí á òíí, ÷òí á yòí áðàí ý çàì èý óéá òíðíòí íðíéòàéáíí áéááé. Á ì áíýò òáàò èáàò ìíä çíàéíí áíáíéáý.

Áíáíéáé, éáé, éáé!

Ì áíýò òáàò ìíéáé!

Áíá á Èçðáééá íò ì áéá è áí ááéééá áááò á yòíò ááíú ñáéàòíí áááááý. Ííòíí éáéááý ñàí úý ñááàòòíý çà ì òáçáíé-íúí ñòíéí. Íà áéðáàò íáýçàòáéííí áááò òáçéíáéíú ìòáíéòà è ý-ì áíú áéííááá è áááíàò, ì áíééíú, óéíééé, éíáéð- áíá, ÷áí ñéáéòíý çàì èý Íáòíááí íáý.

Израиль – страна райских уголков. Одно из них Алон Швут; в вольном переводе с иврита – селение «Дубки». Вот там и проходила моя летняя практика.

Как-то за завтраком к нам подошел наш вожатый, огненно-рыжий Юда, и объявил:

– Едем на экскурсию. Отправление автобуса через несколько минут. Кэдай лакахат коваим вемаим!

– Всегда готовы!

Мы взяли воду и панамы. В Израиле неизмеримо палит солнце. Жарко. Нужно много пить и обязательно покрывать голову. Таскать на себе двухлитровые фляги с водой отчаянно надоедает. А некоторые не берут с собой ничего – в надежде на джериканим. Так на иврите называются канистры с водой, упакованные в специальные термостойкие рюкзаки.

На ходу дожевывая бутерброды, поднимаемся в автобус. Запрыгивают внутрь и двое парней в кипах и с УЗИ через плечо – наша охрана. Куда ж без нее? Юда поднимает по ступенькам два джериканим и садится на место экскурсовода рядом с водителем.

В Израиле история дышит. Она живая. Ее можно потрогать.

Сначала завезли нас в деревню Модиин, которая связана с Ханукой, – именно отсюда вышли Маккавеи. От нее рукой подать до Неот Кдумим (Красоты Древности), воссозданного в наше время заповедника библейских растений в Израиле. На двухстах пятидесяти гектарах раскинулся он неподалеку от старого шоссе Иерусалим – Тель-Авив. Туда и лежал наш путь.

Мы приехали на мельницу, где ослик ходил по кругу и молот зерно. Из свежей муки тут же на месте можно было испечь хлеб. Рядом с мельницей – древний каменный колодец; наполняется он только в период дождей, именно в течение месяца швата. Показали нам и маслобойню, где школьники сами отжимают масло из оливок, и давилню, где из винограда делают вино старым дедовским способом – топчут ногами.

По дороге мы встретили верблюдицу, с которой фотографируются все-все туристы. Но этой «суперзвезде», видно, жутко надоело позировать, и она либо плюется, либо лягается. А вот дети залезают на нее в любом количестве безнаказанно, и верблюдица, величаво прохаживаясь вперед-назад, может увезти их довольно далеко, пока отдыхает фотограф.

Рискнул с ней сняться только Яша. Он ничего не боялся, и ему все нужно было попробовать. Хорошо, что в нашей группе была Юля – ботаник. Яша хватать что-нибудь с дерева или куста – и в рот, а она, как насадка, квохчет:

– Стой! Подожди! Дай посмотреть!

– Да ладно, – говорит один из наших, – если через пять минут не помрет, мы тоже попробуем.

А вот и смоковница, усыпанная сочными фиолетовыми гроздьями. Смокву уподобляют Торе. У любого плода есть несъедобные части: у финика и винограда – косточки, у граната – кожура. Но инжир (смоква) съедобен полностью и без остатка.

Заросли граната. Сквозь зелень светятся фонарики алых цветов. Ветки сгибаются под тяжестью плодов. Какое чудо: на одной и той же ветке и цветок, и спелый гранат! Невозможно оторвать глаза от цветущего дерева. Красота невозможная! Плоды граната до того прекрасны, что в древности, отлитые из меди, они украшали колонны Иерусалимского храма. Ими было расшито и платье первосвященника.

Миновали рощу финиковых пальм.

– Мудрецы сравнивают народ Израиля с финиковой пальмой, – говорит наш проводник.

Всем ее частям находится применение: плоды ее съедобны; молодые побеги (лулавы) используют в ритуальных целях, ветви служат покрытием для шалашей, которые строят в Суккос. Так и в народе нашем – каждый человек ценен.

Наконец, остановились у озера, окруженного могучими ливанскими кедррами.

Мне вспомнилась история из Талмуда про рабби Хони, которая произошла с ним на Ту бешват. Я тут же поделилась ею с ребятами.

דאַאַÈ ÒÎÍÈ

Однажды рабби Хони увидел, как старичок сажает кедровое деревце, и спросил:

– Сколько лет пройдет, пока у него появятся плоды?

– Семьдесят.

– Ты думаешь, – сказал рабби Хони, – что проживешь так долго и успеешь их отведать?

– Я пришел в этот мир, где уже росли зрелые кедры, выращенные моими предками, – ответил старик, – и теперь сажаю деревья для своих детей и внуков.

Рабби Хони сел в тень, разложил провизию и перекусил. День стоял жаркий. Его разморило, и он заснул. А когда проснулся, то увидел, что маленькое деревце, которое сажал старик, превратилось в гигантский кедр. Подошел рабби Хони к дереву поближе. Видит – кто-то на макушке сидит и шишки вниз сбрасывает.

– Эй, – крикнул рабби Хони, – не ты ли сажал этот прекрасный кедр?

– Нет, – ответил ему человек с дерева, – его посадил мой дедушка.

– Однако, как это я смог проспать семьдесят лет? – удивился рабби Хони, подобрал свой посох и побрел домой. Шел и напевал себе под нос:

Àîãîãé, éáé, éáé!

Ì ànyò óàò ìíéàé!

× òíáú àní çàçéáí àéí,

× òíáú ìíéí óá çàéàò àéí,

× òíáú ìòèöü é íàì ìíyòü

Í òééàò àéé àí òéí ààòü!

Òáí èúé àóó ì òé ó àé ñ ì í é à é.

Çà-è ò é à é à é à í ò í á á é.

× ò í á ú ì ò ò ó á í à ó á í á é í,

Á ò á é í í á çy'è è ñ ì ì ù ç à á á é í.

Í í á á é à é í à ò à ì y' à ñ y'ò ü-

Á ó á à ì ì à é á í ò ü ì à é à ò ü!

Á í ó í ò ì é á í è è è ñ ì í é ù ç í á à í ù é à ò é í ù

Ì à ò é à É á ó ì á í à è ç ó è é é í á «Yó à á à à ì» («Á á ò á à ì ç í á í é y») è «Yó ó à è ì » («Á á ò á à ì æ è ç í è»).

ненужным предметам. Я с ней боролся, как с какой-то помехой жизни. Я рад, что ее победил. Вряд ли оно было здоровым, это бессильное, лишь растрavляющее душу чувство.

Ն.Ա. Էնոնի և (օձնօրն ու ծառն) ու ձեռքի ղ. 1910 թ

За что мы, собственно, жалели Деда? В нем можно было предположить хрупкость, но это скорей была хрупкость повадки. На самом деле он был тверд, хотя и не жесток. Его хотелось пригреть и защитить, но вовсе не мы с Отцом, а он был нам защитой. Дедушка был неизменно тверд в убеждениях и правилах. Он и вообще казался неисчерпаемым и неизменным, как вечность. Он и сейчас для меня не исчерпан. Чую иногда его упасающую силу, хотя расстался с Дедушкой, когда мое сознание было еще младенцем. Я потерял его в свои четыре года, но, может быть, оттого он так глубоко и пророс в мою душу.

Доброта Деда была наилучшей средой моего детства. И она была надежна, метафизична в своей неисчерпаемости, ибо, как и всё в нем, не грозила растратой. Другие ведь тоже были ко мне добры, но их доброта имела предел, – у каждого свои цели, свои заботы. Для Деда я был – и это ощущал безошибочным детским чувством – единственной целью и заботой, как прежде мой Отец. Да если б и не единственной, неисчерпаемость не способна уменьшиться от разделения. Мне кажется, я уже ощущал Дедушку, когда был совсем мал и не разделен с миром. Еще не понимая родства, я чувствовал исходящие от него теплые воздушные токи – прообраз душевного тепла. Дед был для меня словно мифологический бог, который и лицо, и воздух. Все ж для меня он остался больше средой, воздухом. Разгадать тайну его личности не удалось ни его собственному сыну, ни мне, тем более знавшему Дедушку всего четыре года. Он, как и другие родные души, ушел без прощанья, без завета. Наши с ним отношения так и остались незавершенными, то есть бессюжетны или с вольным сюжетом, который еще в развитии. Верю, что он завершится там, где свершаются все развязки.

Н.А. Έπιτόι αι ηαεί ίε Όαөөөөаё Ёçàèèááí íé è ñíí ñí Áááèáíí. 1934 á

Дедушка стал для меня прообразом Б-га. Возможно, и заслонил его, но образ Дедушки я потом различил в проснувшемся через много лет религиозном чувстве. Тот самый, что постепенно проступал сквозь его уже небесный лик. На небесах у меня уже много лет есть свой ходатай. И он хранит любовный образ моей сущности. Как смог бы я поверить, что она дурна? Нет, конечно, и тому зарок – бесконечная любовь Деда.

Страшно подумать, сколько я принес ему огорчений потом своей путанной жизнью. Я ведь верю, что он видит все, так как верность его мне неизменна, именно как вечность. Он меня огорчил дважды, переживая куда больше, чем я сам. Дедушка ведь наверняка понимал бесконечность моего к нему доверия. А я после дедушкиной смерти долго еще не мог себе простить своей на него обиды, да не знаю, простил ли и сейчас. Вот они, два горестных события моей детской жизни. Однажды он отнял у меня шелудивого кота и попытался отмыть его под краном от пыли и блох – ведь врач, в конце концов. Кот вырывался, царапался и верещал. Я почти рыдал, Дедушка чуть не плакал. Я жалел кота и отчего-то и Дедушку тоже. До сих пор вспоминаю эту картину с дрожью. А, кстати сказать, погода за окном все такая же скверная. Нет, воспоминанье о второй обиде оставлю на завтра, так будет лучше.

Ááí ü 4-é. 30 ýí ááðý, ñðááá

Вот уже и среда – горб недели. Вторая и последняя моя обида на Дедушку была еще горше и событие драматичней. В мой день рождения, годовщину того свершения, которого он ожидал с такой надеждой, Дедушка показал фокус: порвал мою фотографию, а потом ловко подменил целой. Тут уж я разрыдался всерьез, хотя не был плаксивым. Горе мое было неподдельным, ведь, как все дети и дикари, полагал нерасторжимой связь фотообраза с самим собой. Дедушка, самый родной, среда моего существования, уничтожает меня. Ну и ладно, что потом я целый. Может, это уже другой я, подменный? А я, к тому же, еще совсем недавно горделиво осознал свою самость, глядясь в мутное зеркало. Тут Дедушка в первый и последний раз нечто недооценил или не понял. Быть уничтоженным его рукой, это ли не трагедия? Он явился скорее ветхозаветным, суровым Б-гом, хотя вовсе не хотел меня наказать, а всего лишь пошутил. Как я уже сказал, сам Дед глубже, чем я, переживал мою обиду. А я, особенно после его смерти, осознавал ее своей виной. Как и все дети, полагая смерть

разлукой долгой, но не вечной, я, памятуя о разорванной фотографии, повторял в свое утешение: «Ну если и не на следующее день рождение, то уж через одно Дедушка обязательно придет», добавляя: «И опять покажет фокус».

Ν.Α. Εἰκότι αἱ. 1940-ά αἰ

Сейчас вдруг во мне вновь шевельнулась жалость к Деду. Все ж откуда она? Он мог показаться беззащитным, но был защищен, и весьма надежно, от соблазнов века своей чистотой, а от его бедствий – своим мужеством. Например, угодив в белогвардейский погром, не стал прятаться, а бесстрашно ходил по городу. Впрочем, семье, которую Дедушка боготворил почти в прямом смысле, он принес свою жертву. Замечательный врач, он не любил медицину. Будь он волен, предпочел бы, наверно, гуманитарную. Но это не хлеб. Его происхождение и жизненные обстоятельства допускали два пути – медицина и юриспруденция. Второй путь претил ему, наверняка, еще больше своим неизбежным крючкотворством. Медицина предполагала служение, что согласно с дедовской натурой. Правда, волей судьбы, с которой Дед никогда не спорил, ему довелось специализироваться в венерологии, уж тем более чуждой его чистоте душевной и телесной. Подростком я разглядывал с порочным увлечением его медицинские книги, пахнувшие пылью и развратом. На всю жизнь запомнил изъеденные язвами половые органы, плоть, расточенную похотью, приступ омерзенья к собственному телу и к женскому. А Дедушка любил свою жену нежно и чисто.

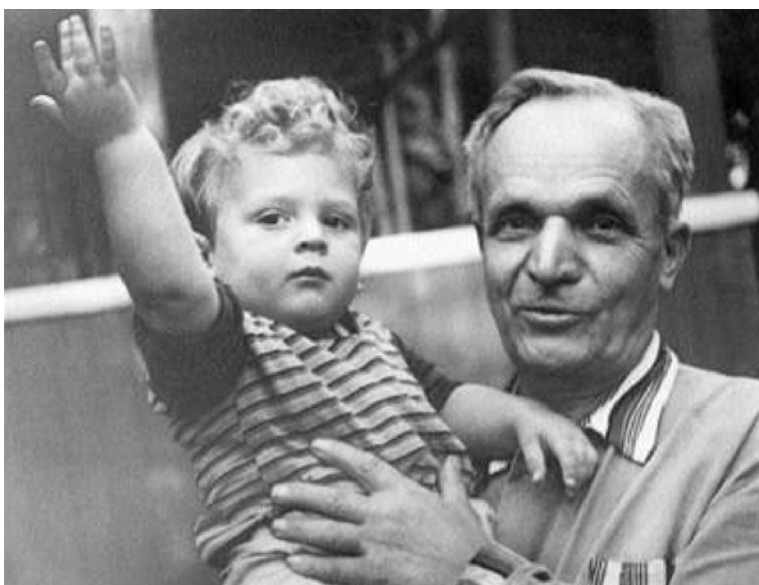

Ν.Α. Εἰκότι αἱ ἡααίτε, ἡίίίι ἐ ίααίιιιέτε Ιέυυέ Εααααίίίε Οίαααίίί. 1940-ά αἰ

Выходило, что он избрал труднейшее для себя служенье или оно его избрало. Но жалость не потому. Дедушка напоминал крепость, лишенную стен, упасаемую лишь мужеством гарнизона. Все ветры мира проскваживали его ранимую душу, но зло исчезало в ней безвозвратно, не возвращалось ответной злобой и раздражением, становясь светлой грустью. Столь возвышенного дедушкиного свойства я, увы, не унаследовал. Должно быть, мы с Отцом вовсе и не его жалели, а себя, предчувствуя разлуку. И Дедушка, наверно, грустил о том же.

Ááí ü 5-é. 31 ýí ààðÿ, ÷ àò ààðÿ

Сам не понимаю, отчего, вспоминая про Деда, так быстро перекинулся мыслью на его смерть, ведь он был основой моей детской жизни. Но теперь мне кажется, что и всегда в его облике сквозила смерть, а не сквозит ли она в любом родном облике? Но тут не гражданская и скудная, с наводившими на меня ужас черно-красным полотнищем и заунывно-развязными звуками оркестра, а та, которая благодатней и надежней жизни. Нет, вспоминая о дедушкиной могиле, я не растравляю свою грусть. С годами я все тверже ощущаю, что в нем для меня слились исток и исход и сквозь его образ все ясней просвечивает великая осмысленность существования. Ведь истлело то, что сулило надежду, а все связанное с Дедушкой для меня живо. Хочу повторить, что на всех изгибах жизни чувствую его упасающую силу, почти божественную неисчерпаемость его любви, которая – пусть и мельчайший – отблеск любви вечной. Сколько б я ни блуждал в жизни, я всегда к ней возвращаюсь и когда-нибудь вернусь навек. После той, первой, тягостной встречи с его могилой я навещал ее много раз, но теперь лишь на миг обращаю взгляд к земле.

Ñ.À. Èàòòì àí ñáí óèìì Ñàòàé. 1950-á ã

В моем детстве, выпавшем на эпоху сугубой оптимистичной материальности, Дедушка поведал мне о великой тайне – ну пускай только намекнул на нее, – которая беспредельно расширила мой узенький детский мирок. Поведал, скорей, не словами, хотя от него я впервые узнал библейские истории о Самсоне и Далиле, о Давиде и Голиафе. Но все ж не словом, а будто б самим собой. Вокруг кипела бодрая эпоха осуществлявшихся сказок, вся, как на ладони, не предполагавшая сокровенного. Отчего ж мне вечно мерещились тайны – в странностях быта, непривычности людских лиц, необычности пространств? В материализованном мире эти тайны становились всего только недомолвками. Тайна, которую нес Дедушка, была светла и бездонна. Он сам был широчайшим объемом, бесконечностью моей жизни. Дедушка был религиозен, не знаю, непрерывно ли с детства или под старость вернулся к вере отцов. Возможно, и я к тому причастен: ведь мое детство тоже было для него беспредельным объемом и вертикалью.

[...] Ááí ü 9-é. 4 óáàðàèÿ, ï íí ààèüü èé

Теперь еще немного скажу про Дедушку. Вот за что я ему благодарен: казалось, не вооруженный ничем Дедушка, обороненный без преград, сумел вооружить меня против государственных

мифов той поры, тяжеловесно-державных, словно фонтаны ВДНХ. Я ведь был мальчик как мальчик, не меньше других подверженный бескрылым фантазиям эпохи, – и оттого-то намеренно и навязчиво окрыленным, начиная от устремленных в иные миры ракет, кончая голубями мира, загадившими весь город. Нет, он никогда не разъяснял мне эпоху, просто умел существовать вне ее со своей спокойной мудростью, которая ведала о мифе подлинном. Кажущаяся наивность Дедушки была вовсе не детской, а поседелой от веков, притом не растратившей своей чистоты и свежести. Другие взрослые сами были как дети. Оттуда безудержный инфантилизм эпохи, которая справедливо выпала на мое детство. Слишком уж много я, должно быть, требовал от взрослых, с которыми сверял истину. А все, что сулила мне дедушкина мудрость, – сбылось.

Причем, любопытно, что, купаясь в государственной сказке, я даже в раннем детстве был на редкость трезв в отношении сказочного: не верил ни в Деда Мороза, ни в гномов, ни в волшебство. Тут мне чудились подвохи – казалось, что взрослые нас дурачат. Но, воспитанный Дедушкой, ощущал несказочную таинственность мира, угрозы и благодать, несообразные быту.

Ё.Ё. Ойакуні пæаітё Аіітё Ёуаітё ё аі-адиб І ёуаё. 1940-а аа

День 13-й. 8 февраля, пятница

Тринадцать никогда не было для меня определенно несчастливым числом, но я все ж несколько подвержен магии чисел. Это так, к слову. Сейчас я обращусь к не столь острому для меня воспоминанию.

Был у меня и второй дед, отец Мама. Признаюсь, что мне трудно поместить его среди родных душ, а в молитве за усопших язык лишь редко и с трудом выговаривает его имя. Однако и этот дед не канул для меня бесследно. Я не то чтобы не любил его, но относился – как и взаимно – с доброжелательным равнодушием. Потом, осудив его, – возможно, слишком жестко, без снисхождения к его натуре, – оборвал с ним связь. Вряд ли это было для деда большой бедой, но кто ведал его чувства?

Когда дед умер, не скажу, что я горевал, но был обескуражен. Тщательный к своему телу, он, как и Бабушка, отмахал девяносто и тоже казался мне вечным. Не так давно я наткнулся на запись в дневнике Отца, который деда недолюбливал (и на полном основании), что я «благородно жалею старика». Благодарен Отцу за теплую реплику. Семья считала меня «все-таки благородным человеком». В устах Отца это «все-таки» стало почти семейной шуткой. Кажется, когда дед умер, и он пожалел старика.

Э.Э. Огавини. 1970-е гг.

В моем детстве вовсе не Отец, а дед был единственным великим человеком в семье. Помню дух всеобщего почтения. Когда на даче мне с друзьями случалось расшалиться и на шум выбегала чья-то рассвирепевшая бабка, меня выгалкивали вперед: внук такого-то. Бабка смирялась. Дед был выдающийся врач, да еще ремонтирующий столь необходимый орган, как сердце. Сам он не был сердечен, относясь к сердцу по-врачебному, как к хорошо или дурно работавшему кровяному насосу. Дед был тоже сокровенен, тоже загадка, но к разгадыванию которой у меня не хватало интереса. Мне представлялось – может, и напрасно, – что дед не затрагивает моей судьбы. По крайней мере, свою семейную роль он исполнял плоховато, не был в полной мере Дедушкой. Казалось, дед и вообще от всего отстранен. Я могу представить, как мыслили и чувствовали родные мне люди, – ведь в собственной личности храню их свойства. Но когда нахожу в себе что-то дедовское, то с протестом, как к чему-то, подлежащему искоренению. Подозреваю, что жизнь представлялась ему вялой и блеклой, хотя, возможно, это было вовсе и не так. При упорстве желаний чувства его были столь ненастойчивы – или столь мало проявлялись, – что трудно понять, любил ли он кого-нибудь вообще. Да нет, одного человека любил безусловно – свою вторую жену, мою неродную бабушку Анюту, которую я захватил лишь краем сознания. Она умерла вскоре после моего рождения. «Он меня забудет», – грустно сказала Анюта перед смертью. Нет, бабушка, я тебя не забыл, ни увядшего, но достойного, даже величественного облика, ни теплоты, тоже скрасившей мое младенчество. Тебе

Àààà Nàì fèéřà

отведено местечко среди родных мне душ. Дед любил ее как жену и как мать, видимо, вообще представляя близкую женщину ангелом-хранителем, в чем ему пришлось так драматично разочароваться в последние годы жизни.

Если дед и присутствует в моей личности, то как пассивное и рыхлое начало, вдруг заявлявшее права в худшие периоды жизни. Занятие наукой оставляло развитию его личности лишь самую малость. Притом, он был человеком не дурным, а не развившимся, по сути, ребенком, но умилялась его вечной детскости разве что бабушка Аня. Деда считали человеком сухим и заносчивым, а он был наивен. К людям и впрямь относился без интереса, ибо кого только не навидался за свою жизнь, – от Троцкого до Пастернака. Не думаю, чтобы кто-то из них затронул его душу. О своих великих пациентах дед рассказывал скупно и словно неохотно, но однажды он предложил мне, что надиктует на магнитофон свои воспоминания. Я не торопился, считая, что дед вечен. Да и что интересного, мне думалось, он мог рассказать, столь упорно и скрупулезно сосредоточенный на себе?

Все же дед оставил мне пару почти умильных воспоминаний. Помню, как по общему мнению сухой и заносчивый дед наивно веселился, слушая декамероновские байки друга моей юности, умевшего попадать в самые диковинные положения. Тогда дед был мил, каким бывал редко, и я даже почувствовал к нему нечто вроде теплоты. Этот осенний вечер на даче был мне от него подарком, как помню еще один – крепкое сладкое яблоко, анисовку. Хотя дед, по-детски скуповатый, все же делал мне более дорогие подарки, но ценней других для меня оказались эти два – пара добрых воспоминаний. Кстати, надо признать, что дед, будучи скупым, не был жаден: дорогим частным визитам предпочитал свою науку. В ней, говорят, был велик. И вот как выходит: без душевной растраты и филантропических деклараций дед спас ведь, наверняка, многие жизни. Это для меня несколько тревожный парадокс – тщета благих намерений при скудости средств в сравнении с добросовестностью деда. Возможно, и меня когда-нибудь спасет его наука, и тогда я уже не решусь утверждать, что он ничего не привнес в мою судьбу. Пусть он даже одарит меня не как внука, а как любого из человечества.

ТОРКВЕМАДА

Áγὰὰά Όαήò

Í ññýùààòññ Áααήì ó

Áαóέέήñ è Δείá

*Áññ áαέñòááφùεά έέòá, çà έñέέρ:áíεáì ïñáέέííúò έñòíðε:áñέέò
íáðñíáαέέ, - íέíá áαòíðñéíá áñíáðáαέáéý è íá èì áòò íέέáέíá ïòíñσáíéý è
ðáαέúú úì έρáýì.*

1.

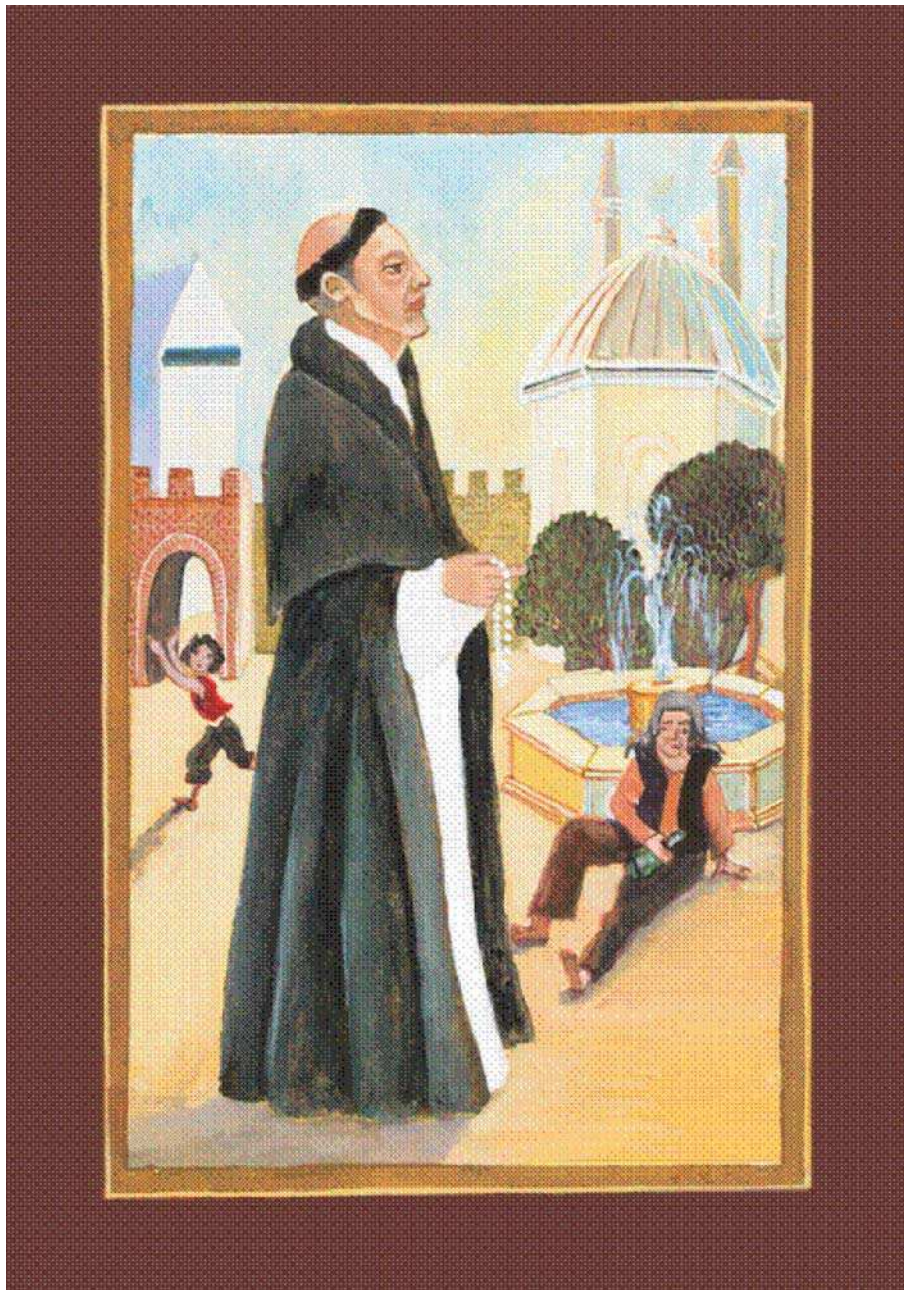
1483 году по улице Сеговии шел высокий худощавый человек в черной доминиканской рясе. Его звали Томас де Торквемада, и почти все в городе знали его в лицо. Его почитали праведником, и слава о нем распространилась далеко за пределы Сеговии.

День клонился к вечеру, но солнце еще сильно палило. Тени были четкими, а свет ярким и резким. На эту улицу выходили сплошные, без единого окна, белые стены, и хотя Торквемада видел их много раз, сегодня они пробудили его воображение и он задумался – а есть ли такие же сверкающие белизной улицы в Святом городе?

Улица была безлюдна. Зато на следующей, куда свернул Торквемада, в пыли играли полуголые ребятишки. Увидев Торквемаду, они, перекрестившись, бросились наутек: испугались, и это задело за живое и огорчило Торквемаду сильнее, чем можно было бы подумать. На его лице с высокими скулами ничего не отразилось, но сердце у него екнуло. Бывали минуты, когда Томас де Торквемада пытался понять, объяснить себе, кем считают его горожане, как к нему относятся. Но толком это никогда ему не удавалось, и в последнее время он все реже об этом задумывался.

Торквемада вышел на главную площадь Сеговии и пересек ее. Сиеста еще не закончилась, и на площади не было никого, кроме пьяного красноносого старика сторожа, который всю сиесту провалялся в грязи у фонтана; завидев Торквемаду, он сел, зевнул во весь рот, и его усатое лицо стало еще уродливее. Торквемада видел на этом лице печать не только уродства, но и греха. Иногда Торквемаде казалось, что, когда он глядит на человека, его греховность проступает на лице красным пятном. Сейчас, при одной только внезапно явившейся и захватившей его мысли о грехе заколыхались как бы в мареве улицы и стены города. Усилием воли Торквемада подавил ее – он понимал, что, если позволит ей разрастись и завладеть собой, день будет испорчен. А этого он не хотел.

Вскоре он достиг восточной окраины Сеговии, здесь располагались особняки богатых и влиятельных семейств. Огромные дома окружали стены, за ними цвели сады. Семь особняков вытянулись в ряд, и третий от конца принадлежал Алверо де Рафелю.

Подойдя к воротам, Торквемада остановился и, вдыхая доносившийся из сада аромат роз, дождался, пока раздражение полностью уляжется. Сегодня он особенно чутко воспринимал все звуки, запахи, жесты и даже колебания знойного воздуха; и аромат роз, прекрасная темноволосая девушка, стоящая на коленях в цветущем саду, пронзили его таким острым ощущением счастья, будто он получил благословение. Эта картина пробудила в нем честолюбивые мысли и гордость за себя. Он знал, что эти мысли греховны, он испытывал чувство вины, но все же почувствовал себя обновленным и улыбнулся девушке – она уже поднялась с колен и с приветливым видом направлялась к нему.

Тем временем Хулио, старый слуга семейства, открыл ворота. Торквемада вежливо его поблагодарил, но Хулио, как многие простые люди в Сеговии, отвел от него взгляд. Катерина де Рафель, напротив, подбежала к Торквемаде и обняла его.

– Добро пожаловать, дорогой отец!

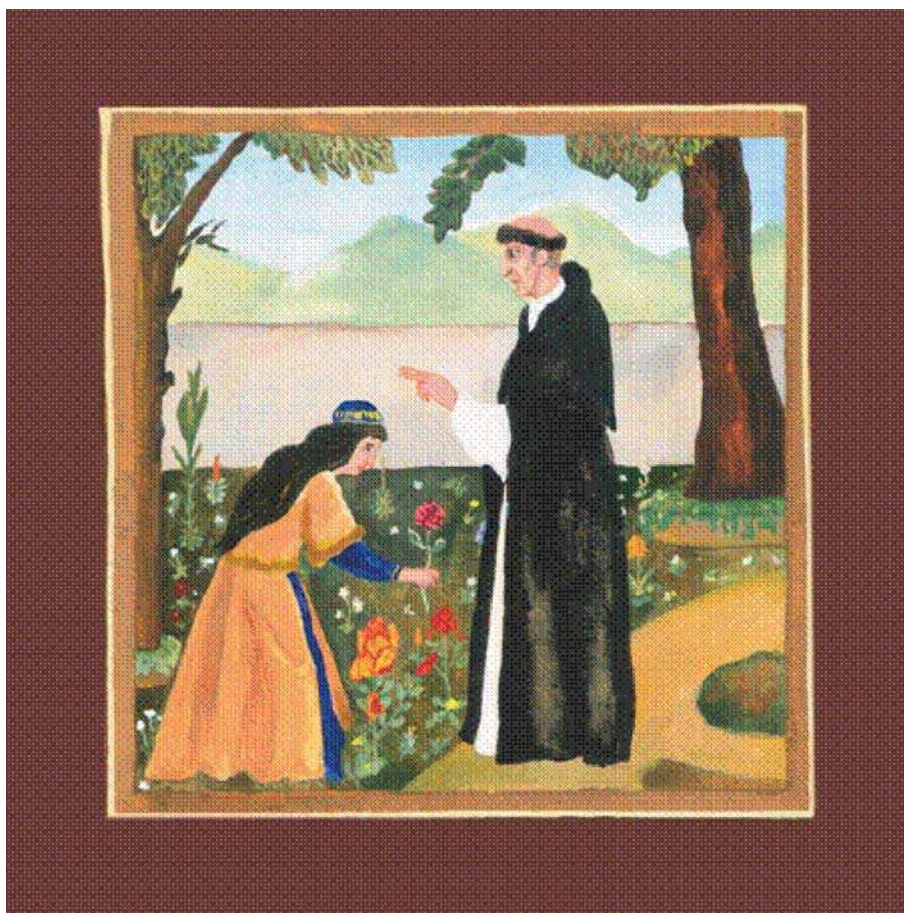
Повинуясь порыву, с которым не смог совладать, Торквемада прижал девушку к сердцу. Ощувив в своих объятиях теплое и гибкое девичье тело, он мысленно дал обет наложить на себя за это епитимью. Он сходит на исповедь, поставит свечи, но это потом, а пока он чувствовал себя свободным и счастливым. Взглянув на Катерину с высоты своего роста, он склонился и коснулся ее волос. Он имел на это право. Ведь Торквемада знал эту прекрасную смуглянку со дня ее рождения. Сейчас ей двадцать два года, и

он для нее все равно как отец, что даровал ей жизнь, а раз так, почему бы ему не обнять ее, не погладить по голове, не коснуться ее щеки: ведь в этом нет ничего греховного. Ему захотелось сказать ей о своих чувствах:

– Ты для меня сама чистота и добродетель во плоти. Не знаю, смогу ли объяснить, как мне этого недостает. Добродетель – та пища, которую алкает моя душа, но ее не часто встретишь в Сеговии. Вот почему я взираю на тебя с великой радостью, дорогая Катерина.

– Отец мой, – улыбнулась Катерина, – вы не очень хорошо знаете женщин. Нет, не обижайтесь, – прибавила она, заметив, как изменилось его лицо. – Я хочу сказать, что о женщинах вам ведомо не все. Что же касается женской души, то вы знаете ее раз в триста лучше, чем когда-либо буду знать я. Я глупости говорю, да? Я так рада вас видеть. Возьмите розы, я их только что срезала.

Она передала ему корзинку со свежесрезанными розами и спросила, не хочет ли он пройти в дом. Торквемада испытующе посмотрел на нее, затем кивнул; от мимолетной улыбки лицо его стало на редкость обаятельным. Катерина не раз замечала, как красит улыбка угрюмых, суровых людей. А если ты уважаешь такого человека, то его улыбка – подарок и имеет над тобой огромную власть.

Взяв Торквемаду за руку, Катерина повела его в дом. Они вошли в галерею, которая мавританской аркадой выходила в сад. В то время в Сеговии все еще носило отпечаток мавританского стиля, а огромный старинный особняк Рафелей был построен еще при маврах. Пол был выложен голубыми изразцами, а стены украшены резным африканским гипсом. Через аркаду с витыми колоннами из просторной – сорок футов в длину и двадцать в ширину – галереи открывался прелестный вид на розовые кусты в саду. Мария де Рафель, мать Катерины, приказала шить занавеси во всю длину галереи. При закрытых занавесях это была отдельная комната, но когда их раздвигали, как сейчас, галерея и сад сливались; вторгшийся из сада крупнолистный африканский плющ обвивался вокруг колонн. Мебель была довольно простая. Возле камина посреди стены, располагались шесть больших кресел. В дальнем конце стоял длинный обеденный стол, вокруг него восемь высоких стульев с прямыми спинками. Пол устилал золотистый марокканский ковер, на стене висели портреты Алверо де Рафеля, его жены Марии и тестя Ломаса – все кисти художника Гонсалеса.

Мария, мать Катерины, была одна, когда вошли Катерина и Торквемада. Лицо ее радостно просияло, она отложила вышивание, над которым трудилась, и поднялась им навстречу. Мария – ей шел сорок третий год – была все еще красива, стройна и соблазнительна; нежной улыбкой приветствовала она Торквемаду. Его всегда так встречали в доме Рафеля. Торквемада знал, что его здесь ждут, любят и помнят. Если ты духовное лицо, это вовсе не значит, что тебе не нужна человеческая привязанность, и с изысканной учтивостью и чувством собственного достоинства, как и подобает испанскому дворянину, Торквемада устремился к Марии де Рафель.

– Дорогая донья Мария, – произнес он.

Взяв ее руки в свои, он низко склонился, поцеловав сначала ее правую руку, затем левую. Ни один дворянин в Севовии не сделал бы этого изящнее и непринужденнее; мать и дочь это заметили и оценили.

Мария, педантичная по натуре, снова принялась за вышивание; сосредоточенно и аккуратно делая крошечные стежки, она сказала, обращаясь к Торквемаде:

– Сегодня ночью мне приснился карающий ангел. Послушайте дальше, дорогой приор... Он стоял передо мною гордый и гневный, я боялась, что сердце мое разорвется от страха. Кто защитит меня, где щит Твой, Господи, и Сына Твоего Иисуса Христа? Как только я задала себе во сне этот вопрос, в мгновение ока между нами оказался добрый Томас. Он заслонил меня, а теперь вы здесь наяву. А знаете ли, добрый пастырь, что мы не видели вас целых одиннадцать дней? Но мой сон был вещим – вы пришли.

Катерина села рядом с матерью, а Торквемада, поблагодарив хозяйку дома за теплый прием, остался стоять.

– Не думаю, однако, – сказал он, – что христианке подобает верить в сны, но сегодня мне не хочется это обсуждать. Вы так сердечно меня встречаете, а ведь с тех пор, как я стал инквизитором, мало кто из тех, кого я знал прежде, относится ко мне с теплотой.

– Просто они не знают вас так хорошо, как мы, – сказала Катерина.

– Вы обе такие ласковые, и дом ваш – мирное пристанище. Почему я одиннадцать дней не позволял себе приходить сюда? Это была епитимья. Наказывая других, я должен карать себя еще суровее.

– Не хочу ничего слушать о карах, – вставила Мария, – во всяком случае, не здесь. Ведь если вы, отец Томас, хвалите наш дом, значит, вы должны приходить сюда с милосердием, и только с милосердием, а ведь кара и милосердие не одно и то же, не правда ли, отец Томас?

– Согласен и прошу прощения.

– В таком случае, – продолжала Мария, – вы останетесь отобедать с нами.

Торквемада покачал головой.

– Боюсь, ничего не получится. Сегодня вечером по приказу короля я должен выехать в Севилью. Но особой радости я не испытываю. Я не люблю Севилью.

– Ах, отец мой, какую большую роль в нашей жизни играет судьба или случайное стечение обстоятельств, – с волнением произнесла Мария. – В отличие от вас я верю, что вещи сны сняты и истинным христианам. Только подумайте! Алверо тоже едет сегодня вечером в Севилью. Вы едете по приказу короля, он – по приказу королевы.

– Значит, мы можем ехать вместе, – сказал Торквемада. – На дорогах сейчас опасно, – вы даже представить не можете, насколько опасно – но если рядом со мной будет Алверо, то чего и кого мне бояться?

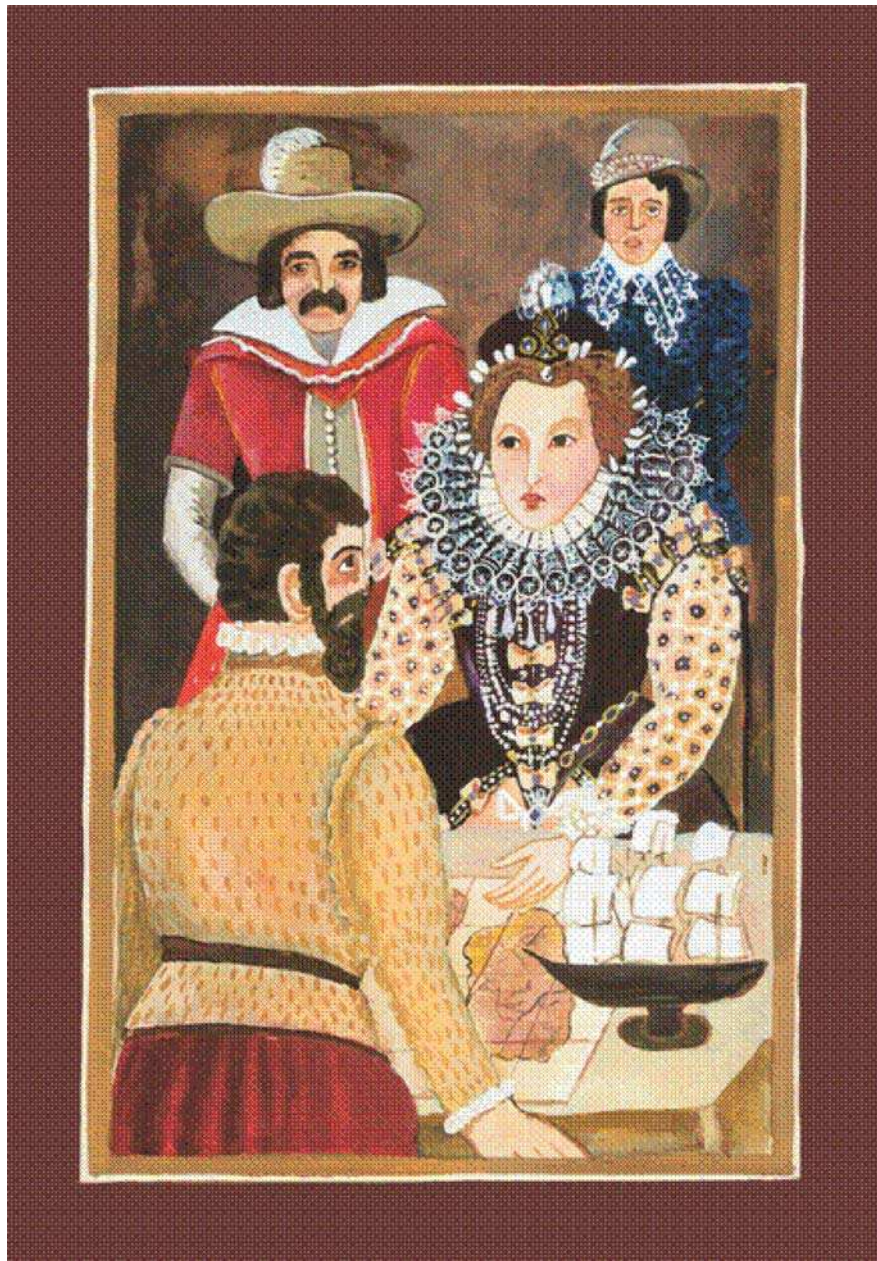
– Да, конечно, – сказала Катерина, – и поскольку отца сопровождает Хуан, вам ничто не угрожает. Ах, простите, что я посмела так говорить с вами... – Девушка покраснела и опустила голову, чтобы скрыть смущение, а мать шепнула Торквемаде:

– Она влюблена, отец Томас.

– Я тоже почувствовал это, я понял. Любовь – священное чувство, священное, ею полон ваш милый дом...

Его неожиданная, слишком страстная похвала любви прервалась – послышались крики мальчишек на конюшне, топот конских копыт. Катерина вскочила, но уже через минуту ее отец и обожаемый жених входили в комнату. Алверо де Рафель был высокий привлекательный мужчина сорока семи лет; его лицо с крупными чертами, широко расставленными глазами, честное, прямодушное, сразу же вызывало доверие. Прямые брови, темно-синие глаза; в отличие от большинства испанских дворян того времени он не носил бороды. За ним следовал жених Катерины Хуан Помас, красивый молодой человек двадцати трех лет, с тонкими чертами лица. Как и Алверо, Помас был одет по-дорожному: сапоги со шпорами, плащ, шпага и кинжал. Оба выглядели и мужественно, и внушительно. Катерина побежала им навстречу; отец обнял ее, а Помас – в присутствии Торквемады он чувствовал себя неловко – поцеловал ей руку.

Алверо же – он не испытывал смущения перед Торквемадой – обнял дочь и сердечно и пылко пожал руку приора. Они были старыми друзьями и, как бывает между близкими людьми, понимали друг друга без слов. Пока они приветствовали друг друга, Мария подошла к мужу и поцеловала его в щеку нежно и сдержанно, и Торквемада задался вопросом: а осталось ли что-нибудь от былых чувств у этой супружеской пары теперь, когда бурные страсти юности сменили размеренные, спокойные отношения? Юность не так далеко отошла в прошлое, и Торквемаде не стоило труда воскресить ее в памяти. Казалось, все было только вчера, и иногда приор спрашивал себя, не выпадает ли он из нормального течения времени. Отвлечшись от своих мыслей, он услышал, что обсуждается предстоящее путешествие; Алверо был рад, что приор тоже поедет с ними.

Старик Хулио принес вино. Это было особенное, густое и сладкое вино, которое любил Торквемада. Алверо разлил вино по бокалам и произнес:

– Да не оставит нас Господь в пути! Выпьешь с нами, отец Томас?

– Я и выпью с вами, и поеду с вами. Если вы не против.

Алверо подал жене бокал вина со словами:

– Если мы не против – послушай-ка, Мария. Если мы не против.

Он повернулся к Торквемаде:

– Томас, старый дружище, позволь тебе сказать: мы хотим ехать с тобой. Ты будешь сражаться с дьяволом, мы – с грабителями.

– Боюсь, ты переоцениваешь мои возможности, – сказал Торквемада. – Не сомневаюсь, что с грабителями вы справитесь. А вот справлюсь ли я с дьяволом? Ты слишком полагаешься на меня, Алверо.

– Как бы не так. У меня нет сомнений. Взгляни-ка лучше на них. – И он кивнул на дальний угол комнаты, куда удалились Хуан и Катерина. – Почему они так спешат? У них впереди много времени.

– Они используют его лучше, чем мы, дорогой мой муж, – сказала Мария.

– Ты права, – согласился с ней Алверо; и Торквемада вдруг почувствовал, что радостное оживление покинуло хозяина дома – он стал холоден и безучастен. Впрочем, Алверо тут же справился с собой. Он поднял бокал и пожелал всем здоровья.

– За добрую семью и добрых друзей!

Все выпили. Алверо пристально посмотрел на свой бокал и неожиданно швырнул его в камин – тот разлетелся на мелкие осколки. Торквемада с любопытством следил за ним.

Придя в себя, Алверо тихо произнес:

– Я не прошу большего счастья. Теперь к этому бокалу никто больше не прикоснется. В этом есть своя мудрость, верно, Томас?

– Верно, – ответил Торквемада, задумчиво глядя на Алверо.

2

Чтобы добраться от дома Алверо до большой дороги, идущей на юг от Сеговии к Севилье, нужно было пересечь весь город и подняться на гору, которая в то время звалась Иудейской. Когда Алверо, Хуан Помас и Хулио проезжали через Сеговию, направляясь к большой дороге, дело шло к вечеру. Оба дона сидели на великолепных арабских скакунах: Алверо на белом, без единого пятнышка, чистокровном жеребце, а Хуан на молодой вороной кобыле, изящной, нервной и выносливой. За ними ехал Хулио верхом на неуклюжем кобе, ведя за собой нагруженного мула. Кобами, на английский манер, назывались коротконогие, приземистые лошади, предки которых много лет назад были завезены из далекой Британии.

Алверо шагом провел свой маленький отряд по городу, чтобы не будить детей – иначе их матери послали бы им вдогонку проклятия. На окраине города юный влюбленный, привалившись к воротам, распевал серенату невидимой в сумерках девушке. Алверо остановился послушать, Хуан и Хулио последовали его примеру. Чистый юношеский тенор выводил:

×òí ñòáíàò ñì èèéé ì íáé,

Áíéè áááó ý ì òí-íí?

×òí ñòáíàò ñì èèéé ì íáé,

Éí ááà çàðéíð

ñ áí èòíý íí-íí?

– Это кастильская песня, – сказал Алверо. – В дни моей юности все молодые испанцы пели кастильские песни. А что поют сейчас, Хуан?

– Сейчас мало поют. – Голос Хуана звучал хмуро.

У него было плохое настроение. Мысль о поездке в Севилью в обществе приора Томаса де Торквемады отнюдь не радовала его, однако у него не хватило духу отказаться. Хуан побаивался Алверо, но еще больше он боялся Торквемаду, и этот страх Алверо понимал. Ему часто приходило в голову, что в этой непонятной стране, какой теперь стала Испания, не слишком понятна и его дружба с инквизитором, Томасом де Торквемадой. Но дружба сильнее страха. Иначе и быть не может, думал он. Он был испанским рыцарем и к страху относился с презрением. В глубине души он подозревал, что Хуан Помас трус, но это было лишь подозрение, ничем пока не подтвержденное. Он старался даже не думать об этом, потому что

догадывался о том, что жизнь слишком сложна и в простые законы рыцарства не совсем укладывается. Алверо полагал, что сложность жизни открывается с возрастом. Чем старше он становился, тем более сложные ответы давал он в сложных ситуациях, которые, в свою очередь, все более усложнялись.

Город остался позади, и, въезжая по пыльной тропе в гору, Алверо увидел поджидавшего их Торквемаду. Верхом на могучем коне, он, в своем монашеском одеянии, казался мрачной неподвижной тенью на фоне жемчужно-серого сумеречного неба. Вот он – суровый и непреклонный служитель божий, и Алверо было отчего-то приятно смотреть на него из сумеречной тени, которая окутывала его, подобно плащу.

Съехавшись, они постояли немного на дороге, поглядели на раскинувшуюся внизу Сеговию, на старый римский акведук, смутно вырисовывающийся на фоне города и уходящий в вечернюю мглу; но вот в городе, словно одинокая свеча, вспыхнул и взметнулся ввысь огонь. Алверо взглянул на Торквемаду, и тот кивнул.

– Аутодафе – акт веры, – произнес он. – Женщину сжигают на костре. Я как раз думал об этом, когда шел сегодня утром по улицам Сеговии. Люди смотрели на меня и говорили друг другу: вот идет Торквемада, который сжигает мужчин и женщин на кострах. С божьей помощью я сжигаю их тела, чтобы возродить в чистоте их души.

– Я бы солгал тебе, – проговорил Алверо, – если бы сказал, что испытываю радость при виде того, что ты называешь «актом веры».

– Думаешь, я этому радуюсь? Но скажи, друг мой, как можно назвать это иначе?

Алверо покачал головой и, пришпорив коня, поскакал по дороге. Хуан и Хулио последовали за ним, замыкал маленький отряд Торквемада.

Час спустя они остановились в придорожной гостинице. Хозяин, с которым Алверо был знаком не один год, узнал Торквемаду и сразу стал сдержанным и отчужденным. Они ели в общем зале, но глухая стена отделяла их от остальных гостей – те с их появлением заговорили шепотом. Алверо подумал, что впервые путешествует с Торквемадой с тех пор, как тот стал инквизитором. Он почувствовал непонятную жалость к приору – Торквемада ел мало и почти все время молчал.

На следующий день в голубом небе сияло солнце, легкий ветерок навевал прохладу. Настроение у Алверо поднялось, и они с Хуаном, сидя в седлах, распевали песни. Торквемада слушал и улыбался. Они остановились перекусить у обочины; их трапеза состояла из купленных в гостинице вина и мяса. Затем они продолжили путь. В те времена на этой дороге из Севильи в Сеговию жизнь кипела. Тянулись длинные караваны навьюченных лошадей, при торговцах была вооруженная охрана – пятеро людей в легких доспехах охраняли каждое животное с поклажей. Встречались также и монахи, в том числе и нищенствующих орденов, священники и даже один епископ – он путешествовал с великой пышностью в окружении тридцати слуг на конях, ослах и мулах. Попадались на этой дороге акробаты и фокусники, а однажды повстречался и отряд из двухсот королевских солдат, направлявшихся к границе – охранять ее от мавров.

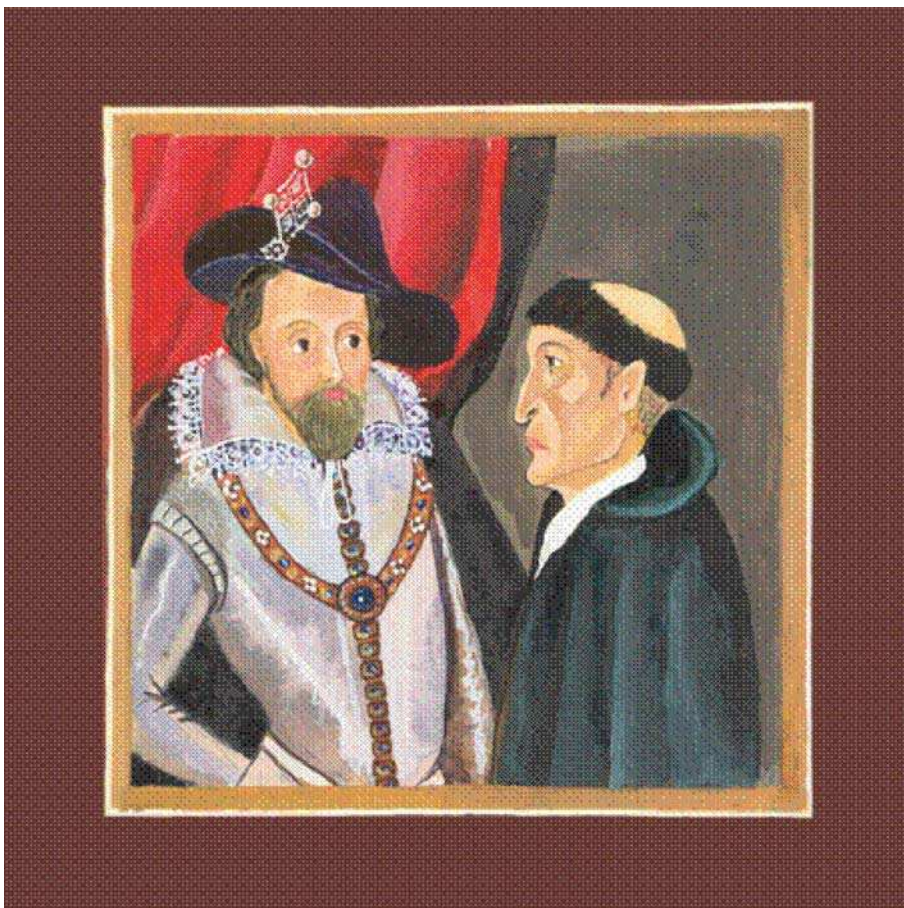
За время путешествия они привыкли друг к другу, стали непринужденнее, свободнее разговаривать, даже суровая маска Торквемады понемногу разгладилась. Он сидел с ними, когда они готовили еду на костре у обочины. Разминал ноги в гостиницах, прислушиваясь к разговорам постояльцев, историям, которые они рассказывали – чем дальше они отъезжали от Сеговии, тем меньше встречалось людей, которые узнавали его. Они с Алверо предавались воспоминаниям о прошедших днях, и Хуан почтительно внимал им.

Но вот наконец, преодолев очередной подъем, они увидели перед собой стены Севильи.

На следующий день Алверо и Хуан, надев лучшие свои одежды, проследовали по улицам Севильи во дворец Фердинанда и Изабеллы. В дорогих камзолах, легких доспехах из полированной стали с позолоченным орнаментом – ими можно было залюбоваться. Настоящие высокородные испанцы. Во дворце их сразу узнал и тепло приветствовал дон Луис Алвадан, личный секретарь королевы Изабеллы. Он лично встречал гостей из Сеговии, чтобы они не затерялись в суете и суматохе дворцовой жизни. Хуан никогда

прежде не был при дворе и теперь взволнованно и восхищенно взирал на толпящихся тут рыцарей, дам, посланников, купцов, герцогов и графов.

По пути к покоям Изабеллы дон Луис сказал Алверо, что их приезд пришелся как нельзя более кстати. Королева, по словам дона Луиса, обсуждает одно важное дело с генуэзским мореплавателем по имени Христофор Колумб. Он намерен открыть новые торговые пути, которые, возможно, принесут Испании большую выгоду. Одни поддерживают его затею, другие считают его план сущим безумием. Подходя к комнатам Изабеллы, дон Луис понизил голос, затем резко оборвал свой рассказ. Войдя в покои, он задержался на пороге, застыл в ожидании Алверо и Хуан стояли рядом.

Алверо, с любопытством оглядев комнату, перевел взгляд на королеву. Дворец перешел к испанцам совсем недавно, и они еще не чувствовали себя здесь настоящими хозяевами. В комнате Изабеллы были высокие сводчатые потолки в мавританском стиле, мавританские колонны и арки. Знамена и ковры Кастильской династии украшали каменные стены, на полу был сооружен деревянный помост – так, чтобы кресло королевы находилось на возвышении. На помосте стояли два кресла и стол – сейчас над ним склонилась королева, она всматривалась в карту. Рядом с ней, очевидно, стоял Колумб. Это был высокий изможденный человек лет под сорок, его осунувшееся лицо казалось вдохновенным. Даже в присутствии королевы он не мог ни таить, ни сдерживать свою увлеченность.

Последний раз Алверо видел королеву два года назад. Этой необычной, сдержанной, деспотичной и на удивление неженственной женщине, умевшей, однако, быть нежной и очаровательной, исполнилось к этому времени тридцать четыре года. Алверо понял, что она их заметила. Тем не менее она не подняла глаз, а ее властный голос звучал нетерпеливо и раздраженно:

– Ну зачем мне она, сеньор Колумб? Это какое-то наваждение. Ваш голос и во сне не дает мне покоя. Ну зачем, зачем мне империя? Испания и так большая страна, к тому же часть нашей священной земли до сих пор в руках мавров.

– Виноват, Ваше Величество, – отвечал Колумб, – я ненавижу себя за то, что не могу согласиться с вами. И все же, моя королева, от мечты не откажешься так просто.

– Разве я запрещаю вам мечтать?

– Мечта – ничто, Ваше Величество, ее воплощение – все. Вы королева великой страны. Я предлагаю вам целый мир, империю, где вы будете императрицей.

– Я обсуждала ваш план с учеными людьми, со многими учеными людьми, и вы это знаете.

– Ученые люди! – вскричал Колумб. – Бог мой, что могут знать ученые люди? А с моряками, рыбаками вы говорили? Ваше Величество, я ничтожнейший из смертных и все же осмелюсь сказать вам, что морякам давным-давно известно, что земля круглая. В этом нет ничего нового. Слышали вы когда-нибудь выражение – уходит за горизонт? Так говорят про корабль, у которого видны только мачты и паруса, а корпуса не видно из-за того, что земля круглая. Слышали ли вы об этом? Я склоняю голову перед вами, вы – королева Испании, а я никто. И все же...

Изабелла не спеша подняла глаза – решила наконец заметить Алверо. Она захлопала в ладоши от удовольствия.

– Алверо, мой дорогой друг! Вы приехали издалека и так быстро, ради женщины, которая не знает, чего хочет! Алверо, идите же сюда и спасите меня. Этот человек меня погубит. Его зовут Колумб. Он сумасшедший. Идите же сюда, Алверо.

Алверо направился к помосту, но, не дойдя до него, остановился и преклонил колена. Его поза говорила о глубоком смирении. То была их с Изабеллой обычная игра, но он ничего не имел против. Между ними установились странные отношения. Изабелла подошла к Алверо, сделала знак подняться и протянула руку, которую тот почтительно поцеловал; затем, понизив голос, королева справилась о Хуане:

– Кто это, мой дорогой Алверо? Хорош собой, но характера, похоже, у него нет.

– Жених моей дочери.

– Мне кажется, ваша дочь могла бы сделать лучший выбор. Она красива?

– Очень, Ваше Величество.

– Тогда она, несомненно, могла бы найти кого-нибудь получше. Но как бы то ни было, представьте его мне. Подойдите, молодой человек, – обратилась королева к Хуану и поманила его пальцем. – Да не стойте же там – вот глупец – идите сюда. Приблизьтесь и преклоните колена, как сделал ваш тесть. – Она снова переключилась на Алверо: – Алверо, боюсь, что он глуп.

Хуан поспешил к королеве и опустился на колени у края помоста так же, как до него Алверо, но королева уже утратила к нему интерес и, протянув Алверо руку, повела его на помост и представила Колумбу. Алверо с удовольствием отметил, что, если Христофор Колумб из Генуи и был сумасшедшим, чувством юмора он обладал. Колумб крепко пожал Алверо руку; губы его подрагивали: он едва сдерживал смех. Они понравились друг другу, и оба это поняли. Изабелла снова принялась жаловаться, как ее измучил этот Христофор Колумб из итальянского города Генуи. Довел до того, что ей тяжело переносить не только его присутствие, но и отсутствие.

– Он хочет стать хорошим испанцем, но ему, видите ли, мало принести клятву верности королеве... ему, Алверо, обязательно нужно сделать нас императрицей и отыскать нам могущественную империю в Индиях.

– Не знаю другой женщины, которой больше бы пристало быть императрицей, – начал Алверо.

– Вы заслуживаете хорошей трепки, глупый вы человек! – возмущилась Изабелла. – Вы хотите польстить мне? Любой спесивый и надутый испанский дворянин распинается перед своей королевой. Но вам это не идет, дон Алверо. Вы должны говорить то, что думаете. Вы купец, и, мне кажется, самый толковый купец в Испании. Поэтому я и послала за вами. Он просит у меня флот! Где нам взять столько кораблей или денег, чтобы их купить?

– Кораблей, Ваше Величество? Но морского пути в Индию нет.

– Восточного нет, тут вы правы, – произнес Колумб, – но, я, дон Алверо, предлагаю отправиться на запад и обогнуть землю.

И Колумб, и Изабелла ждали, что скажет Алверо. Он же пристально смотрел на Колумба, не столько удивленный, сколько заинтригованный его замыслом. Он, конечно же, был далеко не новым. Колумб говорил дело: многие люди на практике убедились, что земля круглая. Изабелла пояснила, что у Колумба это навязчивая идея.

– Он настаивает на том, что земля – шар, – сказала она. – Поэтому я и призвала вас, самого мудрого человека в Испании.

– Вы согласны со мной, дон Алверо? – спросил Колумб.

– Отвечайте же, Алверо, – велела Изабелла. – Что же, значит, в Индии люди ходят вверх ногами?

– Нет, Ваше Величество, они ходят как все, – медленно произнес Алверо. – И все же земля – шар. Путешественникам это давно известно.

Во время их разговора в покои вошел дон Луис. Он приниженно сновал от одного края платформы к другому, пока Изабелла не взорвалась:

– Я просила не мешать нам, дон Луис!

– Король устал ждать.

– Ничего, пусть еще немного подождет. И его инквизиция, и Торквемада могут потерпеть. У меня нет желания видеть этого Торквемаду.

– Вы же обещали Его Величеству.

– Я проучу вас, так и знайте! – вскричала Изабелла. – Вы глупец! Я прикажу вас высечь, вздернуть на дыбу и четвертовать! – И повернувшись к Алверо: – Не смотрите на меня так. Я это не всерьез. Просто он бестолковый. – И сказала со вздохом: – Так и быть, зовите их сюда.

Дон Луис вышел, а Изабелла потребовала, чтобы ей рассказали, что за человек Торквемада.

Алверо был очарован. Королева изменилась со времени их последней встречи. Каждый миг она была другая, перепады настроения следовали один за другим: то она властно приказывала, то ныла, то раздражалась, то умоляла. Алверо недоумевал: как можно жить с такой женщиной, как постоянно находиться рядом с ней, и, тем не менее, жизнь двора сосредотачивалась вокруг королевы, а не вокруг ее супруга. Алверо начал рассказывать о Торквемаде, но королева тут же перебила его, чтобы отпустить Колумба. Мановением руки она повелела ему удалиться.

– Уйдите с наших глаз, итальянец, – произнесла Изабелла. – Мы сыты вами по горло. Оставьте нас!

Колумб, пятась, покинул комнату. Заметив, что Хуан все еще стоит на коленях, Изабелла поразилась.

– Да встаньте же, глупый вы человек, – сказала она.

Хуан встал. Повернувшись к Алверо, Изабелла заметила, что, очевидно, Хуан простоял бы так весь день, если б ему не приказали подняться.

– Разве такое могло быть во времена нашей молодости, Алверо? Я имею в виду вас и ваших друзей. Нет, не отвечайте. Мы говорили о Торквемаде. Так что он за человек?

– Я знаю его всю жизнь, – ответил Алверо.

– Он ваш друг?

– Да, друг, – подтвердил Алверо.

– В таком случае как вы можете судить о нем? – сказала королева. – Вам известно, что король хочет сделать его главным инквизитором? Главой инквизиции всей Испании?

– Помоги ему Бог, – вырвалось у Алверо.

В этот момент в комнату вошел король Фердинанд, за ним следовал Торквемада.

Король, худосочный, нервный, щедущий, был ниже своей жены; он был неизлечимо болен, и болезнь все сильнее подтачивала его силы. Настороженный, чуткий, как птица, он постоянно покашливал. Людей он боялся, жену ревновал. Алверо стоял рядом с ней, и уже это служило поводом для ревности. Хуан был молод, и это тоже вызывало ревность короля. Его беспокойная ревность постоянно находила себе объекты. Он боялся, он завидовал, он ненавидел. Вспрыгнув на деревянный помост, он стал рассматривать карты, а потом – ни к кому не обращаясь – громко выкрикнул: «И вовсе земля не круглая!» Он знал Алверо, но у него не хватило учтивости поздороваться с ним, вместо этого пустился разглагольствовать о форме земли. Он ненавидел Колумба. Плюнув и перекрестившись – он был суверен, – Фердинанд принялся долго и бессвязно объяснять Торквемаде, кто такой Колумб, каковы его воззрения и намерения. Как и его жена Изабелла, он любил понять:

– Все это ересь, приор, ересь, ересь! Разве вы не согласны со мной? Ну конечно же, согласны.

– Сир, супруг мой, – возмутилась Изабелла. – Вы ведете себя как свинья. Слышите? Как свинья! У нас в гостях Алверо де Рафель, а вы даже кивком не поздоровались с ним. Где наше королевское достоинство? Что о нас подумают?

Фердинанд плюнул на карту, лежащую перед ним на столе. Растер плевков пальцами и вновь потребовал от Торквемады ответа: можно ли считать ересью утверждение, что земля круглая?

Торквемада ответил, что такое утверждение – разумеется, сушая глупость, но не всякую глупость можно считать ересью. Алверо почувствовал, что Торквемада просит его одобрения, дружбы, возможно, даже – подать ему надежду. «Он уже стал великим инквизитором», – сказал себе Алверо. Торквемада был сдержан и очень напряжен, и Алверо чувствовал, как он страдает. «Как, должно быть, ему тяжело», – подумал он.

Фердинанд, с силой ударив по карте кулаком, выкрикнул:

– Он еврей!

– Кто, сир? – спросил Торквемада.

– Этот итальянец, Колумб.

– Я слышал, он стал христианином, – тихо сказал Торквемада.

– Стал христианином! – взорвался Фердинанд. – Стал христианином! И такие слова я слышу от человека, которого только что назначил великим инквизитором! В нем иудей и христианин сплетены в неразрывный узел, а великий инквизитор вздумал спорить со мной!

Торквемада без промедления, мягко и убедительно возразил королю:

– Если он придерживается иудейской веры, мы можем принять меры. Но нужны доказательства, веские доказательства. Или по меньшей мере нужно, чтобы кто-то обвинил его...

– Да все они исповедуют иудаизм! – воскликнул Фердинанд. – Включая и его! – И он указал на дона Алверо.

Спокойно, не повышая голоса, Торквемада произнес:

– Он не еврей, сир, он даже не выкрест.

– Там, в Сеговии, все евреи! – вопил Фердинанд. – В каждом есть примесь этой крови! В каждом, в каждом!..

Изабелла взяла Алверо за руку и увела с помоста.

– Пойдемте отсюда, друг мой, – шепнула она ему.

Алверо кивнул Хуану. В дверях они задержались. Изабелла заплакала. Алверо ничем не мог помочь ей и думал, что за странное это зрелище – королева в слезах. И тут его осенило: а ведь Изабелла не только королева, но и женщина. Дело в том, что никто и никогда не думал о королеве как о женщине.

Когда они вышли из дворца, Хуан сказал Алверо:

– Она вдруг превратилась в обыкновенную женщину.

Алверо ничего ему не ответил и только подумал: «Помоги ей Бог!»

3

На обратном пути в Сеговию все трое, и – как знать – может, и Хулио, постоянно возвращались мыслями к тому, что происходило в Севилье. Однако заговорили они об этом не прежде, чем достигли окраин Сеговии, и то обиняками. Несколько часов они ехали в полном молчании – Торквемада и Алверо рядом впереди, Хуан и Хулио позади, отстав на несколько сотен ярдов. Алверо был погружен в свои мысли и впоследствии не мог вспомнить, почему он упомянул, что прошло двадцать лет с тех пор, как Торквемада крестил его дочь.

– Кажется, это было вчера, – сказал Алверо.

Торквемада стал изрекать прописные истины. Сказал, что время – это миг. И человеческая жизнь – миг. Песок, сыплющийся в песочных часах. Неожиданно, словно осознав, какую выпренную чушь он несет, Торквемада оборвал речь. Лишь перед Рафелем он стыдился произносить такие, неизбежные в устах любого священника фразы.

Алверо, будто ничего не заметив, сказал:

– А за пять лет до этого я приехал в Сеговию и тогда же познакомился с тобой, Томас.

– Как же, как же, – отозвался Торквемада. На него вдруг нахлынули воспоминания. – А откуда ты приехал, Алверо? Из каких мест?

Алверо насторожился. А когда испанец настораживается, в нем проступает нечто звериное, и Торквемаде показалось, что Алверо ниже пригнулся в седле, словно прячась от опасности, и взялся за шпагу. Торквемада удивился. Его вопрос не таил подвоха. Праздный вопрос, только и всего. Говорил он одно, думал другое. Как и за минуту до этого, ему было безразлично, откуда приехал Алверо, а тот вдруг насторожился и чуть ли не испугался.

– Прошло двадцать пять лет, – медленно произнес Алверо. – И ни разу за все это время ты не поинтересовался этим. Почему, Томас? Почему ни разу за все двадцать пять лет?

– Наверняка спрашивал, – возразил Торквемада.

– Может быть, и так, – согласился Алверо.

Стремясь скрыть тревогу, Алверо перевел разговор на Колумба, и вскоре они уже спокойно рассуждали, действительно земля круглая или нет.

– Кому как не вам, купцам, это знать, – сказал Торквемада. – Я хочу сказать – вы всегда это знали. Ведь у вас в некотором смысле братство.

– Какое такое братство? – спросил Алверо.

– Купеческое.

– Купеческое? – переспросил Алверо.

– Ну, скажем, ты и Колумб. Вы оба купцы. Вы накопили определенные знания. Используете одни и те же карты. Разве не так?

– Не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал Алверо.

– А ты подумай.

Они вновь замолчали.

День клонился к вечеру. Путешественники подъехали к каменному дорожному столбу, старому, как само время. На одной его стороне были еле заметные знаки, высеченные некогда, возможно, еще финикийцами. На другой стороне сохранилась латинская надпись – ее еще можно было разобрать. Она гласила: «четыре мили». Всякий раз, подъезжая к этому столбу, Алверо удивлялся: ведь до окраин Сеговии оставалось всего полторы мили. Всадники дали здесь отдохнуть своим лошадям. Алверо и Торквемада сели рядом, Хулио и Хуан на почтительном расстоянии позади. Кивнув на Хуана, Торквемада сказал Алверо:

– Он все время едет поодаль. Он что, боится меня?

– Думаю, да, – ответил Алверо.

– Почему?

– И ты еще спрашиваешь? Теперь ты великий инквизитор, Томас. Гроза всей Испании.

– Инквизиция – рука Господа, – проговорил Торквемада, и так как от Алверо не последовало никакого отклика, спросил: – А ты тоже боишься меня, Алверо?

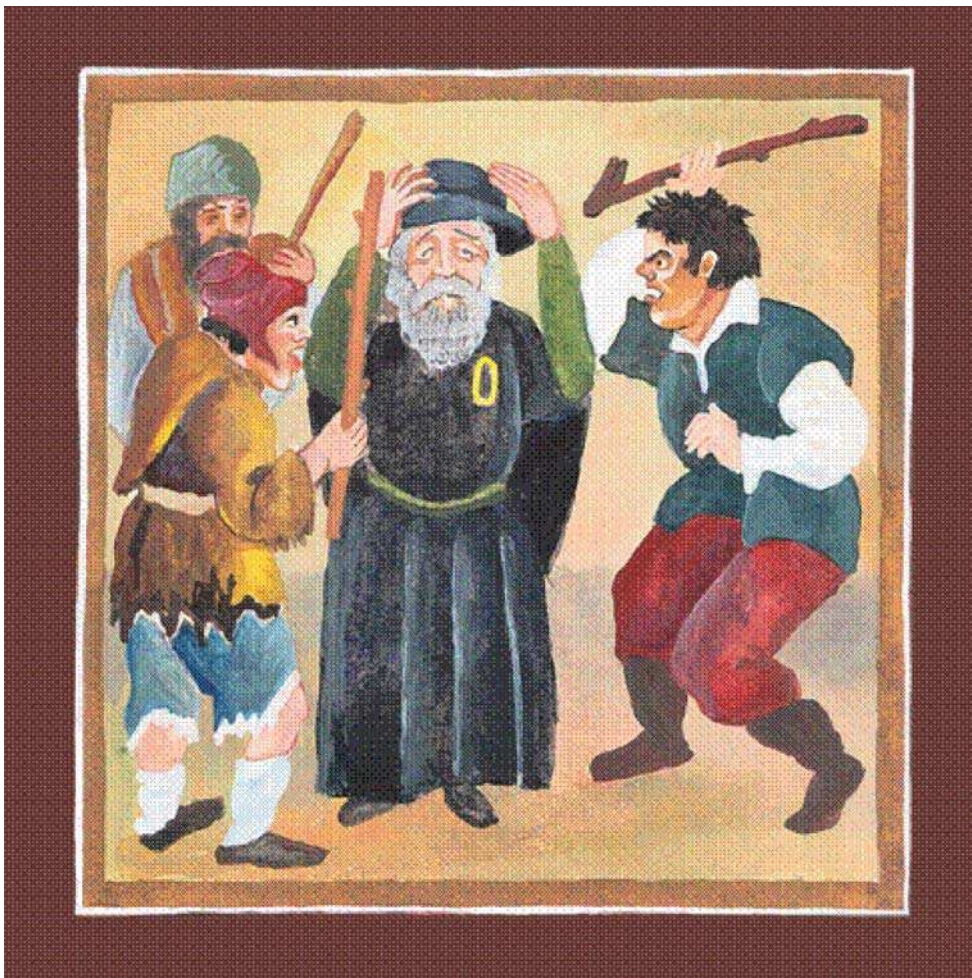
– Мы же старые друзья, Томас.

– Почему королева призвала тебя, Алверо? Ты ничего не рассказал. Она поддержит итальянца?

– Если найдем деньги, – ответил Алверо. – Ну что, поедем?

Торквемада поехал первым. Алверо тронулся за ним; озабоченный и расстроенный, он запутался в собственных мыслях – они увлекали его туда, куда ему не хотелось ступать. Услышав крик о помощи, он испытал чуть ли не облегчение. Они уже ехали городскими окраинами. Пришпорив коня, Алверо вырвался вперед и увидел, что дерутся четверо. Трое избивали четвертого. Тот стоял, закрыв руками голову. Алверо наехал на дерущихся, и они расступились. Алверо сразу обратил внимание на длинное черное одеяние четвертого и решил, что избивают священника. Его охватила ярость: как смеют эти головорезы нападать на духовное лицо! Он вдруг с особой остротой ощутил, что Сеговия – его родной город. Как смеют эти подонки нарушать его спокойствие! Выхватив шпагу из ножен, он с криком наносил удар за ударом. Подоспевший Хуан Помас загородил проход, чтобы хулиганы не могли улизнуть; пробыв

так долго с Торквемадой, он был даже рад, что наконец может показать себя в бою, доказать, что он не трус. Три грабителя бежали, Хуан гнался за ними и наносил удары шпагой. Их вопли и мольбы о помощи доносились до Алверо – тот, попридержав коня, вернулся к жертве и спешился.

Торквемада был уже там – не покинув седла, он мрачно смотрел на спасенного. И тут Алверо увидел, что это никакой не священник, а седобородый раввин, никоим образом не похожий на католического священника. Как мог он так обмануться, спросил себя Алверо, почему сразу этого не заметил? Вот ведь Торквемада не ошибся. Он и раввин стояли друг перед другом. Раввин, невысокий, внушительного вида, лет за пятьдесят, изрядно пострадал. Струйка крови сбегала по его лицу. Шляпа валялась на земле. Алверо поднял ее. Возвращая раввину шляпу и спрашивая, не ранен ли он, Алверо ощущал на себе пристальный взгляд Торквемады.

Потрясенный раввин, казалось, не мог чего-то понять.

– Я еврей, – наконец вымолвил он.

Алверо – все еще возбужденный – перевел дух и сказал:

– Я не спрашиваю, кто вы, я спрашиваю, не ранены ли вы.

– Ранен? – Еврей, похоже, серьезно обдумывал, ранен ли он, и лишь потом ответил: нет, он не ранен, вот только голову ему ушибли.

Тем временем вернулся погнавшийся за грабителями Хуан, подоспел и Хулио с вьючной лошастью. Хуан – он так и не спешился – странно смотрел на Алверо. Тот попросил его приглядеть за вьючной лошастью, а Хулио приказал проводить еврея домой. Раввин отрицательно покачал головой.

– Меня не нужно провожать, дон Алверо. Синагога совсем близко.

В разговор неожиданно вступил Торквемада:

– Еврей, знаю ли я тебя? Подними выше голову. Судя по виду, ты раввин, не так ли? Подними голову, чтобы я видел твое лицо.

Мендоса не спеша подошел к Торквемаде и взглянул ему в лицо.

– Думаю, ты знаешь меня, приор Торквемада.

– Я вижу тебя, раввин Мендоса, – ответил сурово Торквемада. – Не могу сказать, что знаю тебя, но видеть – вижу.

– Как вам угодно, – невозмутимо согласился Мендоса, затем, слегка склонив голову, обратился к Алверо: – Благодарю вас, дон Алверо де Рафель. Благодарю вас и вашего спутника. Я обязан вам жизнью.

И с этими словами он повернулся и скрылся в сгущающихся сумерках. Глядя ему вслед, Алверо вздрогнул; что было тому причиной – страх или вечерняя прохлада, он не знал. И все же что-то заставило его сказать Торквемаде:

– Он знает мое имя. Откуда, как ты думаешь? Ведь я, Томас, никогда не видел его раньше.

Алверо не оправдывался, но чувствовал, что в голосе помимо воли слышен страх.

Торквемада ответил, что проклятые евреи всегда все знают. Ткнув длинным пальцем туда, где скрылся раввин, он сказал:

– Его зовут Бенъямин Мендоса. Он раввин из синагоги и прислужник дьявола. Зря ты не дал ему умереть, Алверо.

Алверо взглянул на Хуана – тот все это время молчал – и, не говоря ни слова, сел на коня.

Всадники продолжили путь. У монастыря они распрощались с Торквемадой, и вскоре Алверо был уже дома.

За ужином Катерина де Рафель наблюдала за Хуаном. Он молчал, и это удивляло и смущало ее. Она было подумала, что у Хуана произошла размолвка с ее отцом, но когда после обеда она спросила его напрямик, он заверил ее, что дело совсем не в этом. Хуан, как и подобает, попросил у Алверо разрешения погулять с Катериной в саду, Алверо дал согласие и, когда они ушли, почувствовал облегчение. Он не мог думать ни о чем другом, кроме встречи с раввином, но за столом упоминать об этом избегал. Молчал и Хуан. Алверо многозначительно посмотрел на него в начале обеда, но понял его молодой человек или нет, Алверо точно не знал. У него мелькнула мысль отвести Хуана в сторону и попросить ничего не говорить Катерине, потом сама мысль об этом показалась ему нелепой.

Тем временем Катерина и Хуан вышли в сад. Был приятный прохладный вечер. Вошла луна. Они сели на скамью – юноша тут же заключил Катерину в объятия. Она пылко прижалась к нему, но Хуан был холоден. В его объятиях не было тепла, и Катерина отпрянула от него.

– Прости меня, но я так волновалась, – сказала она. – После твоего отъезда я не могла ни есть, ни спать.

– Только из-за того, что я уехал в Севилью? Но это глупо, Катерина.

– Для меня Севилья – все равно что другой конец света. Я всю жизнь прожила в Сеговии.

– Что такое Севилья? Такое же место, как и Сеговия. Съездили и вернулись – вот и все тут.

– А что там было? – спросила Катерина.

– Ты и так все знаешь. Меня представили королеве.

– Ты ей понравился? Что она сказала? Как она выглядит? Ты должен мне все рассказать. Ведь ты был при дворе! Это же так интересно! Расскажи мне, какая она.

– Сколько дней осталось до свадьбы? – Хуан ушел от ответа.

– Двадцать три.

Когда Хуан заговорил, он, похоже, никак не мог собраться с мыслями:

– Там был один человек по имени Колумб. Итальянец. Он говорит, что земля круглая, как мяч, и что он собирается проплыть вокруг нее...

– О чем ты говоришь, Хуан? О нем я знаю. Отец рассказывал. Разве ты не слышал, что я сказала? До нашей свадьбы осталось двадцать три дня. Ты сам спросил меня. Мы говорили о королеве.

– Королеве я не понравился. – Хуан был мрачен. – Что еще мне сказать?

Они умолкли. Слова Хуана озадачили и огорчили Катерину.

Тем временем в доме разгорелся спор между Алверо и Марией. Последнее время они спорили все чаще. Алверо казалось, будто что-то разъедает их отношения. Вдали от жены он чувствовал, что нуждается в ней, хочет ее, во время этой поездки в Севилью он ощущал это особенно остро. Однако разочарование при встрече оказалось не меньшим, чем потребность в ней. Когда они остались одни, он попытался объяснить Марии, какие опасения вызывает у него Торквемада, но она не захотела его слушать.

– Никогда этому не поверю, – заявила она. – Нет и нет. Не может такого быть, вот и все. Ты просто глупец, Алверо. Некоторые вещи ты никогда не мог понять.

– Чего это я не мог понять? – потребовал ответа муж. – Тебе бы только обозвать меня глупцом!

– Алверо, не кричи на меня, – оборвала его Мария.

– Я не кричу.

– Нет, кричишь. Дворянину не подобает повышать голос.

– И ты еще будешь меня учить, что подобает делать дворянину! – повысил голос Алверо. – Ты меня с ума сведешь! Я устал и расстроен, а ты учишь меня манерам.

– Никогда не поверю, – ответила Мария, – что Томас, который так привязан к нам, может сделать нашей семье что-то дурное. Он мой духовник – как же он пойдет против нас? Я имею право на свое мнение. По-моему, ты просто не в себе, вот и все.

Алверо, меряя шагами комнату, сказал хриплым от волнения голосом:

– Ты не понимаешь. Господи, ничего ты не понимаешь. А теперь послушай, Мария, послушай меня внимательно. Торквемада спросил меня: Алверо, откуда ты приехал? Так и спросил. Именно так – и его голубые глаза вдруг стали холодными как лед. Понимаешь, как лед. Глаза его будто проникали мне в душу. Знаешь этот его взгляд? Нет в мире таких тайн, которые сокрыты от него. Поэтому его и сделали великим инквизитором...

Мария улыбнулась и покачала головой.

– Алверо, он знает, откуда ты приехал, – произнесла она мягко. – Мы много раз об этом говорили. Он знает, что ты из Барселоны. Разве это тайна?

– Тогда почему он спросил меня?

– Он задал простой вопрос, Алверо. Прежде ты никогда таким не был. Таким испуганным. Не понимаю, чего ты боишься.

– Конечно, тебе этого не понять. Ты представляешь себе, что такое инквизиция? Мы продолжаем жить, смеяться, петь – притворяемся, что в мире все идет по-прежнему, но в глубине души мы знаем, хорошо знаем, что в Испании появилась инквизиция, и страх не покидает нас ни днем, ни ночью, вся наша страна объята страхом.

– Что ты говоришь, муж мой! Что ты говоришь! Как ты можешь? Разве можно так говорить о Томасе? Он посвятил свою жизнь Господу, крестил нашего единственного ребенка...

Алверо подошел к ней, понизил голос до шепота:

– Жена, скажу тебе только одно. Знаешь ли ты, зачем его призвали в Севилью?

– Ты же мне сказал, – ответила Мария. – Король Фердинанд назначил его великим инквизитором, поставил во главе святой инквизиции. Это большая честь для всех нас.

– Господи, ты понимаешь, о чем идет речь? – спросил ее Алверо.

– Зря ты так со мной разговариваешь. Я не идиотка. Конечно, я понимаю, о чем идет речь.

– Да знаешь ли ты, что такое инквизиция? А может быть, ты и говоришь как последняя дура, потому что знаешь, что это такое.

– Не смей называть меня дурой!

– Помоги нам, Господи! – воскликнул Алверо и вышел из комнаты.

Торквемада тем временем думал о них. Восторг переполнял его, он не ощущал ни усталости, ни страха. Ему не хотелось спать, не хотелось ни с кем говорить, и он, как это часто бывало, прогуливался по галерее монастыря. Ее заливал яркий серебристый свет луны, и Торквемада, любуясь лунным светом, обошел вокруг монастыря раз, другой и третий – собственное возбуждение доставляло ему огромную радость. Такое случалось с ним не часто. Он почти всегда пребывал в мрачном и подавленном состоянии, но сейчас он ощущал прилив жизни и бодрости – он был ближе к Богу, ближе, чем когда-либо раньше.

(Ὁ ὄμιλος αὐτῶν ἐὰν ἴδῃσιν)

Ἰδοὺ ἡ Ἄσπις αὐτῶν

ФЕВРАЛЬСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

3 ФЕВРАЛЯ

120 лет со дня рождения физика, академика АН УССР, профессора Киевского университета, организатора и директора Института физики АН УССР, автора работ по физике полупроводников и диэлектриков и др. Александра Генриховича Гольдмана (1884, Варшава – 1971, Киев).

12 ФЕВРАЛЯ

55 ёаò ì ã äÿ ì äðè боксера, чемпиона мира в полутяжелом весе 1916 – 1920 гг. Бэттлинга Левински (Levinsky, наст. имя и фамилия **Барни Лебровиц**, 1891 – 1949, Филадельфия).

145 ёаò ì ã äÿ ðæääèÿ химика, историка и философа, автора трудов по теории познания Эмиля Мейерсона (Meyerson, 1859, Люблин – 1933, Париж).

90 *éàò ì ã áÿ ðæääéÿ* композитора, автора песен «Комсомольцы – беспокойные сердца», «Пусть всегда будет солнце», «Голос Земли», «Спят усталые игрушки» и др. **Аркадия (Авраама) Ильича Островского** (1914, Сызрань – 1967, Сочи, похоронен в Москве).

14 ФЕВРАЛЯ

95 *éàò ì ã áÿ ðæääéÿ* дирижера, народного артиста СССР, главного дирижера Новосибирского театра оперы и балета, лауреата Государственной премии СССР Исидора Аркадьевича Зака (1909, Одесса – 1998, Новосибирск).

145 *éàò ì ã áÿ ì àðòè* (22 швата) общественного деятеля, одного из родоначальников хасидизма **рабби Менахема-Мендла Моргенштерна** (Коцкер ребе, 1787, Билгорай, Польша – 1859, Коцк Седлецкой губ.).

100 *éàò ì ã áÿ ðæääéÿ* физика, трижды Героя Социалистического Труда, академика РАН, научного руководителя Всесоюзного НИИ экспериментальной физики Арзамас-16, автора фундаментальных трудов по физике горения, детонации и взрыва, осуществившего (совм. с Я.Б. Зельдовичем) расчет цепной реакции деления урана, научного руководителя разработки и создания советского атомного и термоядерного оружия, главы научной школы, лауреата четырех Государственных премий СССР **Юлия Борисовича Харитона** (1904, Петербург – 1996, Москва).

17 ФЕВРАЛЯ

95 *עאַזן אין אײַן פֿאַרע* банкира и золотопромышленника, общественного деятеля, одного из основателей и председателя Общества для распространения просвещения между евреями в России, главы еврейской общины Петербурга, финансировавшего строительство Хоральной синагоги города, одного из учредителей Петербургского археологического института, попечителя ряда видных деятелей русской культуры **Горация (Нафтали-Герца) Осиповича (Евзелевича) Гинцбурга** (1833, Звенигородка Киевской губ. – 1909, Петербург, похоронен в Париже).

18 ФЕВРАЛЯ

125 *עאַזן אין אײַן דאַקטאָר* невролога, члена-корреспондента АН СССР, академика АН БССР, ректора Минского медицинского института, заведующего кафедрой нервных болезней 2-го Московского медицинского института, главного врача Кремлевской больницы, одного из лечащих врачей В.И. Ленина, председателя Всесоюзной ассоциации невропатологов и психиатров, автора трудов по проблемам локализации функций, афазии, вирусных заболеваний нервной системы, адаптационной роли вегетативной нервной системы и др. **Михаила Борисовича Кроля** (1879, Минск – 1939, Москва).

21 ФЕВРАЛЯ

90 *עאַזן אין אײַן דאַקטאָר* дирижера, народного артиста СССР, дирижера Большого театра, главного дирижера симфонического оркестра Московской филармонии, лауреата двух Государственных премий СССР **Кирилла Петровича Кондрашина** (1914, Москва – 1981, Амстердам).

23 ФЕВРАЛЯ

115 *éàò ñ ãÿ ðæääéÿ* саблиста, обладателя золотой олимпийской медали 1928 года **Яноша Гарая** (Garay, 1889, Венгрия – 1945, убит в концлагере Маутхаузен, Австрия).

840 *éàò ñ ãÿ ñ àðè* (1 адара) комментатора Торы, поэта, грамматика и философа, автора трудов «Мознаим» («Весы святого языка»), «Софа брура» («Ясный язык») и др. **рабби Авраама Ибн-Эзры** (1089, Тудела, Испания – 1164).

24 ФЕВРАЛЯ

80 *éàò ñ ãÿ ðæääéÿ* физика-теоретика, академика РАН, автора трудов по квантовой теории поля и квантовой статистике, гидродинамике и др., получившего решение для матрицы рассеяния и квантовой гравитации и супергравитации, предложившего модели объединения взаимодействий различной природы, лауреата Государственной премии СССР **Ефима Самойловича Фрадкина** (1924, Шадрин, БССР – 1999, Москва).

25 ФЕВРАЛЯ

65 *éàò ñ ãÿ ñ àðè* физиолога, академика АН УССР, профессора Харьковского университета и Харьковского медицинского института, одного из основателей харьковского Украинского НИИ эндокринологии и органотерапии, автора трудов по физиологии нервной

системы, установившего наличие в коре головного мозга центров, регулирующих деятельность внутренних органов, одного из пионеров советской электроэнцефалографии **Василия Яковлевича Данилевского** (1852 – 1939, Харьков).

26 ФЕВРАЛЯ

90 ёаò ì ãÿ ðæääéÿ геолога, академика РАН, профессора МГУ, автора трудов по региональной тектонике материков, классификации основных структурных элементов земной коры, автора монографии «Общая геотектоника», лауреата Государственной премии СССР и Государственной премии России **Виктора Ефимовича Хаина** (р. 1914, Баку).

35 ёаò ì ãÿ ì àðòè государственного деятеля, премьер-министра Израиля **Леви Эшколя** (наст. фамилия Школьник, 1895, Оратов Киевской губ. – 1969, Иерусалим).

ÈÇÍÀΘÁÉ ÔÁÁÐÀËÛÑÊÎÉ ÎÎ×ÔÛ

Î àì à óáäë í à ôðí ò, à ññò ðà ì ðí àäë..

Пишу и очень надеюсь, что вы опубликуете мое письмо. Я уже много лет ищу свою сестру. Возможно, кто-то имеет хоть какую-то информацию о ней. Умоляю – сообщите.

Ее зовут Геня Ефимовна Балагула, 1936 год рождения. Отец – Ефим Иосифович Балагула. Мать – Циля Кигнель (по мужу Балагула). Жили они в Одессе по адресу: ул. Мясоедовская, 30, кв. 6а.

Папа ушел на фронт. Генечка была у бабушки и дедушки, которые жили в Одессе на улице Мясоедовской, д. 6, кв. 16. Бабушка – Геся (Ася), дедушка – Иосиф (Ося). Мать Гени и бабушку с дедушкой забрали в гетто зимой 1941/42 года. А однажды соседи по двору раздели Генечку догола, говоря: «Хватит тебе, жидовка, ходить одетой, теперь наше время».

Генечку забрала к себе дворничиха из дома № 17 по ул. Мясоедовской, ее звали Люба. Они скрывались в Курсанях (район довоенной Одессы) в погребе частного дома. Вместе с ними там же скрывались соседи – Тамара (ровесница Гени) с матерью. Однажды они проснулись утром, а Гени и Любы нет. С тех пор их никто не видел и ничего о них не слышал.

Я сводная сестра Генечки по отцу. У меня нет ни братьев, ни сестер, и мне бы очень хотелось ее найти. Заранее большое спасибо.

Ñ óáäëáí èáì,

Èíí à Ðí ò ò áéí, Î ááññ

P.S. Редакция «Лехаима» просит всех, кто знает что-нибудь о судьбе Г.Е. Балагулы, сообщить об этом в журнал.

Î àì ñò àí àò èáñ-á æ è ò ù..

С волнением прочитал в журнале «Лехаим» статью А. Лельчука из Днепропетровска по поводу возрождения в России нашего родного языка идиша, или, как его называют в статье, «маме-лошн». Языка, на котором разговаривали наши родители, наши дедушки и бабушки.

Я очень признателен своим родителям, которые отвели меня в 1936 году в первый класс еврейской школы.

В Гомеле было тогда три еврейские школы. К сожалению, в 1938 году все эти школы стали белорусскими, и мое образование на языке предков окончилось двумя классами.

Тем не менее я читаю и пишу на идише, в студенческие годы на этом языке переписывался с будущей женой – она тоже училась в еврейской школе.

Дома у нас говорили и по-русски, и по-еврейски. Будучи уже студентом техникума, я не пропускал спектакли еврейских театров, приезжавших на гастроли в Гомель.

Помню, в 1948 году мы, несколько еврейских ребят, приехали на практику в Москву и ходили в ГОСЕТ. Нас очень радовала еврейская публика. В зале было много военных. Высокие звания, боевые награды... Были и евреи с лауреатскими значками. Легко представить, какое это производило впечатление на 18-летних пареньков!

Но и сейчас, когда уже прожито почти три четверти века, радостно бьется сердце, если по радио или по телевизору слышатся песни на идише.

Каждый приезд в наш город еврейских артистов – для нас большой праздник. К сожалению, такое случается редко.

К великому огорчению, многие люди, даже моего возраста, не только не умеют читать и писать на идише, но и не понимают этот язык. Это, конечно, не их вина, это наша общая беда.

Я и себя сейчас ругаю, что не научил дочерей писать и читать по-еврейски. Из четырех внуков только один изучил родной язык.

Что я предлагаю?

1. Организовать обучение идишу при еврейских общинах в городах создав идиш-клубы по опыту днепропетровцев.

2. Издать большим тиражом разговорник на идише.

3. Выпустить еврейско-русский словарь. У меня дома есть русско-еврейский словарь, издания 1989 г. Но, читая еврейскую книгу, иногда нужно переводить с идиша на русский незнакомые слова, а еврейско-русского словаря нет. С этой проблемой, думаю, сталкиваются многие.

4. В печати сообщали, что выходят в свет диски «Песни еврейского местечка» в исполнении Александрова. Очевидно, есть и другие диски и кассеты песен на идише. Все эти кассеты, диски, разговорники можно размножить, организовав заказы через еврейские общины, которых сейчас немало.

Думаю, Федерации еврейских общин России под силу сделать это большое и доброе дело.

Когда будут звучать в наших домах еврейские песни, слышаться еврейская речь, нам станет немножко легче жить в это трудное время.

Надеюсь на мое письмо откликнутся читатели «Лехаима» из других городов. У них могут быть и свои предложения.

Ń ōāāeāí eāí ,

Ēāā Āāí íāè-, Áāēā ōīā

О евреях – узниках фашистских тюрем

В статье Розы Толочинской «“Белые пятна” компенсации жертвам нацизма» («Лехаим», декабрь 2003 г.) среди жертв Холокоста не названы узники фашистских тюрем.

Российский фонд «Взаимопонимание и примирение» сообщает узникам нацистских тюрем, что они «...получат материальную компенсацию по категории, предусмотренной... для скрывавшихся от расистских преследований на оккупированной территории или содержавшихся в тюрьмах, которые не были признаны иными местами принудительного содержания». Эта формулировка взята из совместного решения отечественного фонда и германского фонда «Память, ответственность, будущее». Она фактически уравнивает пережитое евреями (в том числе и малолетними), сидевшими в тюрьмах, с бедами тех, кто вынужден был скрываться. Из этого решения можно сделать парадоксальный вывод, что камера была для евреев чуть ли не местом спасения. Об ужасах всего, что перенесли евреи в фашистской тюрьме в станице Новолеушковка (Краснодарский край), говорят документы 1944 – 1946 гг. (материалы КГБ и судебные архивы). О пережитом теми, кто скрывал свое еврейское происхождение на оккупированной территории, в основном свидетельствуют только их личные. Автор статьи, однако, призывает назвать этих людей тоже узниками фашизма. А ведь известно, что некоторых из них скрывали дома родственники...

Решение германского фонда, согласованное с российским фондом, я считаю несправедливым по отношению к евреям (особенно детям), заключенным некогда в фашистские тюрьмы, так как их трагедия

близка трагедии узников концлагерей и гетто. Это решение, между прочим, подтверждается письмом МСЕБУФ и заключением фонда «КЛЯЙМС КОНФЕРЕНЦ». Возникает вообще странная ситуация: претендующие на пособие узники тюрем приравниваются к узникам концлагеря; их же для получения разовой компенсации причисляют к категории скрывавшихся...

Помимо всего прочего, в статье не упомянута проблема, связанная с судьбами тех, кто длительное время скрывался на оккупированной территории, а затем был арестован и содержался в тюрьме.

Поэтому необходимо срочно уладить вопрос о пособии из фонда «КЛЯЙМС КОНФЕРЕНЦ» для узников концлагерей и тюрем, установив для них срок содержания в неволе менее трех месяцев (вместо шести), а также решить вопрос о компенсации из фонда «Память, ответственность, будущее» для узников тюрем, как для узников концлагерей и гетто.

Искренне выражая благодарность Российскому фонду, МСЕБУФ и ФЕОР за отстаивание интересов тех, кто скрывался на оккупированной территории, хочу надеяться, что эти организации справедливо решат и проблему евреев, заключенных в годы войны в нацистские тюрьмы.

Í δάμναοάει δάμνδσπείπ ΙΪÖ Ötétéitò

Òàí òà Ι δάδδòάεί